

CONNECTIONS

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

СПЕЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ CONNECTIONS

КОНСОРЦИУМ
«ПАРТНЕРСТВО РАДИ МИРА»
ВОЕННЫХ АКАДЕМИЙ И
ИНСТИТУТОВ ПО
ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ
БЕЗОПАСНОСТИ

ЛЕТО 2022

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА ПУТИНА

РЕДАКТОРЫ: ТОДОР ТАГАРЕВ,
ЛАДА РОСЛИЦКИ, ФИЛИПП ФЛУРИ

*Консорциум военных академий
и институтов изучения проблем безопасности
программы «Партнерство ради мира»*

Редколлегия Консорциума ПрМ

Шон Костиган	Главный редактор
Эд Кларк	Ответственный редактор
Аида Алымбаева	Институт анализа и развития инициативы, Бишкек
Пал Дунай	Центр Джорджа Маршалла, Гармиш-Партенкирхен
Филипп Флури	Урсулинский университет Вэньцзао (WZU), Гаосюн, Тайвань
Пётр Гавличек	Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне, Польша
Динос Кэриган-Киру	Университет Абертей, Ирландия
Дэвид Массингтон	Правительство США
Крис Палларис	i-intelligence GmbH, Цюрих
Тамара Патарая	Кавказский институт мира, демократии и развития
Тодор Тагарев	Болгарская академия наук, София
Энекен Тикк	Институт киберполитики, Ювяскюля, Финляндия

Взгляды и статьи во всех публикациях *Connections* принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «ПрМ», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Издание выходит про поддержке правительства США. Серия публикаций Консорциума доступна бесплатно по адресу <http://www.connections-qj.org>. Если вы хотите заказать для своей библиотеки печатные экземпляры или у вас есть вопросы касательно публикаций Консорциума, просим обращаться в Консорциум «Партнерства ради мира», PFPCpublications2@marshallcenter.org.

Летний (2022 г.) выпуск *Connections: The Quarterly Journal* в связи с задержкой публикации вышел в феврале 2023 г. Он может содержать информацию и касаться событий, более поздних, чем указанная на обложке дата.

Д-р Рафаэль Перл
Исполнительный директор

Шон Костиган
Главный редактор Редколлегии

ISSN 1812-1101, e-ISSN 1812-2973

CONNECTIONS

THE QUARTERLY JOURNAL

том 21, № 3, лето 2022

Содержание

Выпуск 21, № 3, лето 2022 г.

От редколлегии

- Последняя война Путина: нарративы, контрнарративы и первые уроки 5
Тодор Тагарев, Лада Рослицки, Филипп Флури

Научные статьи

- Политический анализ или гадание на хрустальном шаре? У западных аналитических центров – проблемы с прогнозом путинской войны 9
Олена Давликанова, Лариса Компанцева
- Русский гамбит для изменения существующего мирового порядка 29
Эрик Фагергрэн
- Слишком много братской любви? – «Братство» русских и украинцев как нарратив российской пропаганды 49
Марина Стародубская
- Влияние войны на украинскую систему военного образования: идти вперёд в военное и в мирное время 71
Сергей Салкуцан, Эл Столберг
- Искажая восприятие агрессии России: как нам воевать в информационной войне? 81
Хо Тин (Боско) Хун

Уроки, которые НАТО должна вынести из путинской войны в Украине: Глобальное медицинское взаимодействие, совместимость и эффективность <i>Джон Куинн</i>	107
--	-----

Последняя война Путина: нарративы, контрнарративы и первые уроки

Тодор Тагарев,¹ Лада Рослицки,² Филипп Флури³

- ¹ *Институт информационно-коммуникационных технологий, Болгарская академия наук, София, Болгария, <http://www.iict.bas.bg/EN>*
- ² *Консалтинговая группа в области обороны и безопасности «Black Trident», <https://www.theblacktrident.com/>*
- ³ *Факультет международных отношений Урсулинского университета Вэньцзао (WZU), Гаосюн, Тайвань, <https://c041.wzu.edu.tw/>*

Аннотация: Ранним утром 24 февраля 2022 г. вооружённые силы Российской Федерации и вооружённые формирования так называемых «Донецкой и Луганской Народных Республик» атаковали Украину с севера, востока и юга. Одновременно Россия начала массированные кибератаки и пропагандистскую кампанию. К удивлению многих аналитиков, Украина проявила исключительное единство, стойкость и волю к борьбе. Полыхающая война уже влияет на международную безопасность и представления о готовности общества, военном потенциале и операциях, и будет влиять ещё несколько десятилетий. В нашей редакционной статье речь идёт о первых уроках войны, в первую очередь касающихся нарративов российской пропаганды, информационной войны и путей противодействия им, роли профессионального военного образования и медицинского обеспечения боевых действий.

Ключевые слова: прогнозы, пропаганда, дезинформация, нарратив, стойкость, информационная война, профессиональное военное образование, Глобальное медицинское взаимодействие, совместимость

Бурной весной 2014 г., сразу после Революции достоинства, президент России Владимир Путин приказал войти в Крым, раздул и поддержал сепаратистское движение в Донбассе. Вдохновлённый первыми успехами России в войне с Украиной и нежеланием некоторых стран Запада вводить санкции, в феврале 2022 г. Путин приказал начать массированное вторжение,

первой целью которого была столица и руководство Украины. К его удивлению, Украина показала беспримерную стойкость и волю защитить свой суверенитет и целостность любой ценой, а демократический мир сумел объединиться для помощи Украине и наказания агрессора.

По мнению авторов, просчёты Путина и совместный ответ украинского общества и Запада, вероятно, сделают русско-украинскую войну последней войной Путина. Тем временем война уже влияет на международную безопасность и представления о готовности общества, военной мощи и боевых действиях. Более того, опыт войны будет полезен и в обозримом будущем. Поэтому извлечение и применение его уроков – это долгий и непрерывный процесс.

Этот специальный выпуск *Connections: The Quarterly Journal* посвящён некоторым первым урокам войны, а именно нарративам русской пропаганды, информационной войне и путям противодействия им, роли профессионального военного образования и медицинского обеспечения боевых действий.

В статье «Политический анализ или гадание на хрустальном шаре? У западных аналитических центров – проблемы с прогнозом путинской войны» два украинских автора анализируют публикации самых влиятельных западных аналитических центров и СМИ. Давликанова и Компанцева обнаружили, что политологи давно обсуждали факторы, повышающие вероятность полномасштабного вторжения, но по сути отбросили их влияние на решение Путина о вторжении, по крайней мере в ближайшей перспективе. В то же время ведущие американские и британские СМИ регулярно информировали своих читателей о возможном вторжении РФ в Украину. В конце авторы рекомендуют проводить политический анализ заявлений и событий в местном культурном контексте и отслеживать маркеры надвигающегося конфликта в СМИ, поскольку «смена нарративов, месседжей и лексические сигналы являются безошибочным свидетельством реальной ситуации».

Далее Эрик Фагергрэн рассуждает о «Русском гамбите для изменения существующего мирового порядка». На основе анализа ряда документов о национальной безопасности РФ и взглядов президента Путина автор приходит к выводу, что «усмирение» Украины – лишь промежуточная цель Кремля, Россия хочет изменить весь мировой порядок и пересмотреть своё место в мире, как важного оппонента либеральной демократии. Вместо этого Путин достиг объединения Запада против общей угрозы и укрепления его решимости противодействовать ему «беспрецедентными санкциями, повышением расходов на национальную оборону и военным сдерживанием».

Третья статья, «Слишком много братской любви? – 'Братство' русских и украинцев как нарратив российской пропаганды», посвящена мифу о близости этих двух народов. На основе выводов нескольких исследований Марина Стродубская показывает, что несмотря на некоторое сходство, отличия между двумя культурами существенны. Поэтому претензии на «братство» лишь служат кремлёвской пропаганде, как оказалось – временно.

В остальных трёх статьях представлены первые уроки войны в областях, соответственно, профессионального военного образования, противодействия информационной войне и медицинского обеспечения боевых действий.

В статье «Влияние войны на украинскую систему военного образования: идти вперёд в военное и в мирное время» генерал-майор Сергей Салкуцан и д-р Эл Столберг показывают, как реформы в системе профессионального военного образования Украины после Революции достоинства обеспечили гибкое и устойчивое военное руководство. Способность управлять выполнением боевой задачи стала главным преимуществом Вооружённых сил Украины в борьбе с численно и технически превосходящим агрессором. И если в военное время учебным заведениям нужно быстро приспосабливаться, чтобы в первую очередь обеспечить практическую подготовку, то после войны они должны будут преподавать учебные программы, предусмотренные национальными стандартами высшего образования. Авторы завершают статью призывом согласовать реформы в образовании с другими новыми элементами военной системы, учесть уроки войны и продолжать сотрудничество со странами НАТО и ЕС.

Несмотря на жестокое вторжение в Украину, нарушающее территориальную целостность Украины и международное право, немало стран и отдельных граждан высказывают поддержку или симпатию России и критикуют руководство Запада. В статье «Искажая восприятие агрессии России: как нам воевать в информационной войне?» Хо Тин (Боско) Хун попытался разобраться в информационной войне, которую ведёт Россия при поддержке Китая. Анализируя научную литературу, автор разбирается, какие стратегии делают эту войну эффективной, приводит данные о её последствиях и предлагает возможные контрмеры как на индивидуальном, так и на правительственном уровне.

Завершает специальный выпуск статья Джона Куинна об уроках организации медицинского обеспечения для НАТО и Украины. Автор подчёркивает необходимость глобального медицинского взаимодействия от догоспитальной помощи на поле боя до реабилитации, делая упор на готовности и совместимости.

* * *

Поскольку в Украине и далее пылает война, *Connections* продолжит публиковать строгий и объективный анализ и уроки организации, ведения и обеспечения военных действий. Особенно интересно, какими путями Украине и поддерживающему ее демократическому миру удалось сберечь вооружённые силы, сохранить сплоченность и стойкость.

Мы благодарны Эдварду Кларку, Тамар Патарая и Ирине Красноштан за их помощь в редактировании этого специального выпуска.

Следующий выпуск журнала будет полностью посвящён русско-украинской войне. Мы будем рады вашему участию в следующих выпусках *Connections* на тему, которая определит европейскую и мировую безопасность, оборону и сдерживание на десятилетия.

24 февраля 2023 г.

Гармиш-Партенкирхен, Германия

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнерство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторах

Д-р **Тодор Тагарев** – опытный политик в области безопасности и обороны с глубокими знаниями кибернетики, теории и практики управления. В настоящее время – профессор Института информационно-коммуникационных технологий Болгарской академии наук, где он возглавляет Центр управления безопасностью и обороной. В центре его нынешних исследований – оборонная политика, урегулирование кризисов и кибербезопасность. Профессор Тагарев – член редколлегии *Connections: The Quarterly Journal* с 2004 года. *Электронная почта*: tagarev@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0003-4424-0201>

Д-р **Лада Рослицки** – основатель и управляющий партнер консалтинговой группы в области обороны и безопасности «Black Trident». Американско-канадско-украинский эксперт по международной безопасности, главный автор раздела национальной безопасности Торонтских принципов 2019 г. – пятилетней дорожной карты украинских реформ. Магистр европейского и международного права (Амстердамский университет) и доктор Гронингского университета. Одна из основателей и бывший руководитель по разработке политики Независимой антикоррупционной комиссии (НАКО) по обороне в Киеве. *Электронная почта*: lada@theblacktrident.com

Д-р **Филипп Флури** был одним из основателей и долгое время занимал пост заместителя директора Женевского центра по управлению сектором безопасности (DCAF; ранее – Женевский центр по демократическому контролю над вооружёнными силами), а также основателем и исполнительным директором DCAF в Брюсселе. Затем работал местным руководителем в Женевском центре политики безопасности и на кафедре Сержиу Виейра ди Меллу в Школе дипломатии и международных отношений Университета Сетон-Холл. В настоящее время – профессор факультета международных отношений Урсулинского университета Вэньцзао (WZU) в Гаосюне, Тайвань. *Электронная почта*: drphilippfluri@gmail.com

О. Давликанова & Л. Компанцева

Connections QJ 21, № 3 (2022): 9-28

<https://doi.org/10.11610/Connections.rus.21.3.30>

Рецензированная статья

Политический анализ или гадание на хрустальном шаре? У западных аналитических центров – проблемы с прогнозом путинской войны

Олена Давликанова,¹ Лариса Компанцева²

¹ Сумской государственной университет, <https://int.sumdu.edu.ua/en>

² Национальная академия Службы безопасности Украины, Киев, Украина, <http://www.academy.ssu.gov.ua>

Аннотация: В статье анализируются прогнозы крупных западных аналитических центров, мнения экспертов и тексты американских и британских СМИ касательно будущих отношений Украины с Россией за год, предшествовавший полномасштабному вторжению России в Украину 24 февраля 2022 г. Хотя русско-украинская война идёт с момента оккупации Крыма и создания квази-республик («Донецкой и Луганской Народных Республик») в 2014 г., немногие политологи предвидели наступление самой кровавой и разрушительной войны после Второй мировой. В то же время контент-анализ «больших данных» американских и британских СМИ указывает на наличие маркеров приближения полномасштабного вторжения. Верная оценка вероятности российского вторжения в Украину, а также готовности и способности Украины защищать свой суверенитет была важна для выработки должного ответа Коллективного Запада.

Ключевые слова: война, конфликт, полномасштабное вторжение, эскалация, Россия, Украина, политический анализ, контент-анализ, большие данные.

Вступление

Война в Украине показала уродливое лицо России, как квази-империи. Этот образ мало обсуждался в научных кругах. Полномасштабное вторжение

привело к массовым убийствам, сексуальному насилию, тотальному разрушению гражданских городов и сёл, «расстрельным спискам» добровольцев, активистов, руководителей, украинских служащих, похищению людей, включая детей, пыткам, насильственному переселению в Российскую Федерацию и перемещению в оккупированных зонах, иными словами – множеству больших и малых Буч.¹ Но, по данным одного анонимного исследования, проведённого среди политологов,² менее чем за год до вторжения, *лишь один* аналитик предвидел это.

Почему мир не заметил приближения самого кровавого конфликта с 1945 г.? Почему лишь немногие чётко видели будущее, и что заставляло других смеяться над их предвидением? Почему польских политиков более десяти лет называли «одержимыми Россией» за то, что те предупреждали Запад о возможном «воскрешении» СССР из-за стремления России стать сверхдержавой и склонности к агрессии?³ Книга Тимоти Снайдера 2018 г. *The Road to Unfreedom* не вызвала серьёзных научных или политических дискуссий, которые могли бы помочь принять действенные превентивные меры. Европейский Союз понял, что «видение общего пространства от Лиссабона до Владивостока не материализовалось»,⁴ лишь на восьмой год после нарушения территориальной целостности Украины и предшествовавших актов военной интервенции в других странах.

К сожалению, 24 февраля 2022 г. показало, что от слишком многих политологов проку не больше, чем от медиума с хрустальным шаром. Похоже, что часто повторяющиеся нарративы способны ослеплять тех, кто их рассказывает и слушает, игнорируя другие варианты.

У Бучи была предыстория. Российская политическая элита и её пропагандистская машина много лет дегуманизировали украинцев и лелеяли дух превосходства России, который заложил основу для этих зверств. Министр иностранных дел Украины Дмитрий Кулеба метко обобщил эту тенденцию: «Буча случилась не за один день. В течение многих лет российские политические элиты и пропаганда разжигали ненависть, дегуманизировали украинцев, возвращали российское превосходство и готовили почву для этих

---

¹ Город в Киевской области, где российская армия совершила почти все мыслимые военные преступления, “‘They Killed People Systematically’: Bucha Residents Allege War Crimes by Expelled Russian Forces,” *Radio Free Europe / Radio Liberty*, www.youtube.com/watch?v=HaCD0XlxYgA.

² Maksym Khylyk, “Ukraine–Russia: Is Conflict-Free Coexistence Possible? Results of the Expert Survey,” *Friedrich Ebert Stiftung*, December 2021, accessed July 13, 2022, <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/18808.pdf>.

³ Замечание Кшиштофа Гавковского, парламентского лидера «Левицы», на встрече с европейскими социал-демократами в марте 2022 г.

⁴ “Russia: Speech by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the EP Debate on His Visit to Moscow,” *The Diplomatic Service of the European Union*, February 9, 2021, accessed July 13, 2022, https://www.eeas.europa.eu/eeas/russia-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-ep-debate-his-visit-moscow_en.

злодеяний. Я призываю ученых всего мира исследовать, что привело к Буче».⁵

Тревожит, что несмотря на столько усилий, затраченных на понимание корней и особенностей фашизма, его подъём в Евразии либо не замечали, либо намеренно игнорировали. В рамках этой статьи мы не намерены погружаться в анализ нарративов – они заслуживают более полного, глубокого, но необходимого исследования; мы проанализируем тексты политологов (в первой части этой статьи) и СМИ США и Великобритании (во второй части).

Оценки западных аналитических центров и политологов накануне полномасштабного вторжения

Действия большинства западных правительств до и в первые недели после вторжения показали неверие в способность Украины сохранить свой суверенитет, исходя из состояния её вооружённых сил,⁶ и шок от возможной реализации одного из наихудших и наименее ожидаемых сценариев. «Украинские военные могут быть неспособны сдержать даже ограниченный прорыв России через линию соприкосновения».⁷ История о 5 000 касок, предложенных Германией как помощь,⁸ ярко иллюстрирует представления, господствовавшие в то время при обсуждении, какую политику следует проводить для поддержки Украины. Призывы пересмотреть пацифистскую политику ведущей страны ЕС в качестве превентивной меры были не услышаны, хотя это могло бы дать «двойной эффект уменьшения украинских потерь и повышения цены для российских военных, вынуждая их тратить больше боеприпасов и терять больше техники».⁹ Потерянное время исчислялось не

---

⁵ Лилия Рагуцкая, «Кулеба: Буча случилась не за один день, в течение многих лет российская пропаганда разжигала ненависть», *Обозреватель*, 10.04.2022, <https://war.obozrevatel.com/kuleba-bucha-sluchilas-ne-za-odin-den-v-techenie-mnogih-let-rossijskaya-propaganda-razzhigala-nenavist.htm>.

⁶ Dan Peleschuk, “Ukraine’s Military Poses a Tougher Challenge for Russia than in 2014,” *Politico*, April 14, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://www.politico.eu/article/ukraines-military-poses-a-tougher-challenge-for-russia-than-in-2014>.

⁷ Eugene Rumer and Andrew S. Weiss, “Ukraine: Putin’s Unfinished Business,” *Carnegie Endowment for International Peace*, November 12, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://carnegieendowment.org/2021/11/12/ukraine-putin-s-unfinished-business-pub-85771>.

⁸ Daniel Boffey and Philip Oltermann, “Germany’s Offer to Ukraine of 5,000 Helmets is ‘Joke’, Says Vitali Klitschko,” *The Guardian*, January 26, 2022, доступ на 13 июля 2022, <https://www.theguardian.com/world/2022/jan/26/russia-ukraine-germany-under-pressure-to-back-eu-military-training-mission-in-ukraine>.

⁹ Dumitru Minzarari and Susan Stewart, “The Logic of Defence Assistance to Ukraine: A Strategic Assessment,” *German Institute for International and Security Affairs*, July 9, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://doi.org/10.18449/2021C42>.

часами и минутами, а жизнями людей и многомиллионными разрушениями инфраструктуры.¹⁰

На реакцию Запада повлияли предыдущие оценки (1) вероятности российского вторжения в Украину, (2) возможностей и боевого духа Украины, и (3) военного потенциала России и её мотивации достичь своих целей. Несмотря на предпринятые Украиной с 2014 г. усилия по укреплению армии,¹¹ эти сомнения можно понять. Имели место не только нерешённые проблемы с инфраструктурой и организацией,¹² но и значительный разрыв в финансировании. В 2021 г. Украина потратила на оборону \$ 5,9 млрд., Россия – \$ 65,9 млрд. Прогнозы не учли невероятного размаха коррупции в российской армии и решимости украинцев защитить свою родину. Именно эти неучтённые факторы оказались решающими.

Итак, каковы же были прогнозы западных аналитических центров и политологов за год перед вторжением? В данной статье мы рассмотрим оценки ведущих аналитических центров (стран, имеющих сильное влияние на политику Коллективного Запада)¹³ и политическую аналитику, предоставляющуюся центрам принятия решений.

Прежде всего следует отметить, что общая оценка политических, экономических, социальных, военных, исторических и даже человеческих факторов была неплохо проработана; однако лишь немногие пришли к выводу, что полномасштабное вторжение является самым вероятным сценарием. Именно глубокое понимание последствий и издержек помешало серьёзному рассмотрению этого варианта.

Ожидаемые «потери» России от вторжения были очевидны всем аналитикам:

- Прекращение недавно возобновившегося прямого диалога со США (поставленного на паузу после актов агрессии 2014 г.), символизировавшего признание Российской Федерации как глобальной сверхдержавы – вершителя судеб мира;
- Эффект санкций после полномасштабного вторжения мог быть разрушительным для российской экономики;

---

¹⁰ Dan Bilefsky and Nick Cumming-Bruce, “Ukraine’s Prime Minister Says Rebuilding Will Cost \$750 Billion,” *The New York Times*, July 5, 2022, доступ на 13 июля 2022, <https://www.nytimes.com/2022/07/05/world/europe/ukraines-prime-minister-says-rebuilding-will-cost-750-billion.html>.

¹¹ “Ukrainian Armed Forces,” *Congressional Research Service*, January 26, 2022, доступ на 13 июля 2022, <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11862>.

¹² Glen Grant, “Seven Years of Deadlock: Why Ukraine’s Military Reforms Have Gone Nowhere, and How the US Should Respond,” *The Jamestown Foundation*, July 16, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://jamestown.org/program/why-the-ukrainian-defense-system-fails-to-reform-why-us-support-is-less-than-optimal-and-what-can-we-do-better>.

¹³ Страны выбраны исходя из объёмов предоставляемой Украине помощи и влияния на формирование политики Коллективного Запада.

- Серьёзные потери могли создать политические проблемы в стране;
- Умрёт нарратив о войне в Украине как гражданской и о России как о стране, не участвующей в конфликте.

Факторы, повышающие вероятность вторжения, широко обсуждались, но в конечном счёте были отброшены. Они включали:

- Самоуверенность Кремля и Путина из-за отсутствия проявлений политической воли в ЕС и политики снижения зависимости от российских углеводородов и «зелёного будущего»; страх ЕС перед инфляцией и спадом экономики Европы из-за энергетического кризиса в случае введения жестких санкций, включая газовое и нефтяное эмбарго; высокие текущие цены на газ; внимание США к COVID-19 и Китаю; и, по мнению Кремля, отсутствие настоящего европейского лидера и силы, способной бросить вызов России;
- Вера руководства России, что мир переходит от однополярной к полицентрической международной системе («переход от Запада к Не-Западу»¹⁴), и надежда на поддержку Китая;
- Отсутствие реакции Коллективного Запада на ряд геополитических и военных выпадов России за минувшие 20 лет; после аннексии Крыма против России были введены мягкие санкции, что показало неготовность Запада жертвовать своими экономическими интересами для защиты Украины; путь Украины в НАТО уже был заблокирован из-за продолжающегося так называемого конфликта на Донбассе, что мешало союзу Украины с Западом;
- Предположение, что НАТО не поддержит Украину в войне из-за отсутствия гарантий согласно Статье 5 и неспособности этой организации даже «успешно защитить территорию самых уязвимых её членов» (что показала серия военных игр);¹⁵
- Сотни лет общей истории, широкие семейные и деловые связи населения двух стран, десятилетия русификации Украины;
- Желание Путина войти в историю «собирателем русских земель» (а не тем, кто запомнится потерей Украины) – первым правителем с середины XX века, расширившим территорию страны и восстановившим власть России над землями, входившими в состав бывшей

---

¹⁴ Samuel Charap et al., *Russian Grand Strategy: Rhetoric and Reality*, Research Report (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2021), https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR4200/RR4238/RAND_RR4238.pdf.

¹⁵ Doug Bandow, “Why on Earth Would Russia Attack the Baltics?” *CATO Institute*, February 7, 2016, доступ на 13 июля 2022, <https://www.cato.org/commentary/why-earth-would-russia-attack-baltics#>.

империи. Это была не только геополитическая цель, но и эпохальное стратегическое и личное устремление;¹⁶

- Проплаченные инфокампании, направленные на дестабилизацию ЕС, финансируя правые и популистские партии европейских стран, а также аналитические центры, экспертов и отдельных политиков.

Таблица 1. Оценки западных аналитических центров и политологов накануне полномасштабного вторжения (2021).

Эксперт / институт	Оценка	Вывод
Бельгия		
Мартин Рассел (Служба научных исследований Европейского парламента)	«Весной 2021 г. многие обозреватели отмахивались от угрожающих шагов России как от простого «бряцанья оружием», возможно, попытку добиться уступок в патовом конфликте в Донбассе. Сейчас ситуация снова связана с Донбассом ... С другой стороны, дальнейшие переговоры могут просто дать ему больше времени на подготовку нападения. Кто-то думает, что худший сценарий может включать распространение боевых действий на другие европейские страны». ¹⁷	Вероятно
Майкл Эмерсон (Центр европейских политических исследований)	«Другое прочтение возможной тактики Кремля – они по сути авантюристы ... В данный момент можно предположить, что кремлёвские стратеги ждут возможности, которую могут создать нынешние угрозы, оставляя все опции открытыми. Наверняка они предпочли бы достичь своей цели – послушный режим в Киеве – без военных действий. Но никто не знает, какие возможности могут возникнуть – не исключая новых территориальных приобретений для России, если это достижимо невысокой ценой ... И хотя варианты, которые готовят в русских штабах, вероятно, включают такие операции, может быть, Кремль действительно просто пытается своими угрозами достичь других целей, желательно – без войны». ¹⁸	Довольно вероятно

¹⁶ Rumer and Weiss, "Ukraine: Putin's Unfinished Business."

¹⁷ Martin Russell, "Is Russia about to Start a New War in Ukraine?" *European Parliamentary Research Service*, December 16, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://epthinktank.eu/2021/12/16/is-russia-about-to-start-a-new-war-in-ukraine>.

¹⁸ Michael Emerson, "With Russia Threatening Ukraine with War, What Should the EU Do?" *Centre for European Policy Studies*, April 21, 2021, доступ на 13 июля 2022, www.ceps.eu/with-russia-threatening-ukraine-with-war-what-should-the-eu-do.

Германия		
Думитру Минцарари, Сьюзан Стюарт (Немецкий институт международных дел и безопасности)	«... конфликт, вероятно, затянется на десятилетия, что приведет к тысячам дополнительных жертв и повышенному риску военной эскалации». ¹⁹	Возможно в длительной перспективе
Густав Грессель (Европейский совет по международным отношениям)	«Есть веские причины сомневаться в серьезности подготовки Путина к вторжению, несмотря на демонстративные военные меры, предпринятые для такой подготовки ... Возможно, Путин пытается стратегически ввести Запад в заблуждение, что нарушит дипломатический процесс и цикл военного планирования, сделав его неподготовленным к избранному им хитрому и более тонкому следующему шагу. Путину очень выгодно сосредоточить всё внимание на опасности войны и подтолкнуть США к разрядке и деэскалации этого кризиса, который он же сам и придумал. Если Путин угрожает военными действиями, чтобы направить на ложный путь, то уступки Запада будут напрямую способствовать его невоенным усилиям для достижения своих целей – изменения геополитической ориентации Украины с Запада на Восток и ослабления НАТО. «Уступка» Путина может заключаться не более чем в отказе от вторжения в Украину. Если он и не собирался вторгаться в Украину, то он получит довольно много, почти ничего не отдав». ²⁰	Маловероятно в короткой перспективе
Сьюзан Стюарт (Немецкий институт международных дел и безопасности)	Россия хочет дестабилизировать ситуацию на Востоке Украины. «Если руководство России задумало это в качестве проверки, то Кремль, без сомнения, увидел, что он действительно вызвал реакцию Запада». ²¹	Маловероятно в короткой перспективе

¹⁹ Minzarari and Stewart, “The Logic of Defence Assistance to Ukraine.”

²⁰ Frederick W. Kagan et al., “Forecast Series: Putin’s Likely Course of Action in Ukraine, Putin’s Military Options” (Washington, DC: Institute for the Study of War and the Critical Threats Project, December 2021), <https://www.understandingwar.org/sites/default/files/Ukraine%20Invasion%20Forecast%20Series%20Part%202%20ISW%20T%20December%202021.pdf>.

²¹ Elena Barysheva and Alexander Savitsky, “Is Russia about to Launch an Attack in Eastern Ukraine?” *DW*, April 8, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://www.dw.com/en/is-russia-about-to-launch-a-fresh-offensive-in-eastern-ukraine/a-57127207>.

Великобритания		
Кир Джайлс (Чатем-Хаус, Королевский институт между-народных отношений)	Исходя из прошлых действий, у Москвы есть основания надеяться, что по крайней мере некоторые предложения по договорам (новые договора о безопасности со США и НАТО) будут приняты. И есть множество вариантов нападения на Украину, менее затратных и более управляемых, чем ещё одно наземное вторжение ... Западным руководителям в прошлом приходилось соглашаться с российскими требованиями, опасаясь альтернативы. Постоянно озвучивая предупреждения о ядерной эскалации, которые повторяются даже в текстах договоров, Россия пытается запугать Запад, заставив его отказаться от собственной безопасности в качестве предпочтительной альтернативы открытой войне ... Россия не хочет, чтобы её требования увязли в болоте долгих переговоров; последнее, чего хочет мошенник — это чтобы его жертва успела удалиться и поразмышлять. Но такая срочность также отражает ограниченность времени, которым располагает Россия для того, чтобы держать большое количество войск на границе с Украиной, имитируя готовность к вторжению. Предъявив все свои требования сразу, Москва могла бы добиться согласия по крайней мере на некоторые из них ... Вероятно, войска вблизи Украины — как и другие, находящиеся на марше — готовы к бою, в случае необходимости. Но трудно представить, как пересечение танками границы будет способствовать достижению целей России, когда есть более дешёвые и контролируемые варианты нанесения ущерба Украине. ²²	Очень маловероятно
США		
Юджин Румер, Эндрю Вайсс (Фонд между-народного мира Карнеги)	«Кремль мог бы организовать стремительное военное наступление, чтобы сломать хребет украинской армии и вынудить её отойти за Днепр. Это позволило бы Кремлю контролировать то, что обычно называют «левобережной Украиной», включая историческую часть Киева. Возможно, Кремль мог бы даже попытаться установить в Киеве марионеточ-	Возможно, но маловероятно

²² Keir Giles, "Putin does not Need to Invade Ukraine to Get His Way," *Chatham House*, The Royal Institute of International Affairs, December 21, 2021, доступ на 13 июля 2022 г., www.chathamhouse.org/2021/12/putin-does-not-need-invade-ukraine-get-his-way.

	ное правительство и объявить, что «задача выполнена». Однако есть масса причин скептически относиться к готовности Кремля взяться за долгосрочную задачу оккупации и управления такой огромной территорией. Украинские войска и отряды партизан почти наверняка будут стараться сделать любые действия на этой линии как можно более дорогостоящими. Даже если поставить администрацию Байдена перед свершившимся фактом, она, вероятно, найдёт в Европе большее понимание шагов по наказанию Кремля и вернёт уверенность союзникам по НАТО, обеспокоенным дальнейшими действиями России». ²³	
Джон Хербст директор Евразийского центра, бывший посол США в Украине	«Неудача России на востоке Украины мотивирует её запугивать Украину и прощупывать Запад, надеясь получить уступки от Украины и США на переговорах по Донбассу». ²⁴	Маловероятно в короткой перспективе
Сэмюел Шарап, Дара Массикот (Корпорация РЭНД)	Похоже, Россия верит, что дивизии потребуются в случае более крупной войны с Украиной. Россия рассматривает Украину как постоянный источник нестабильности на долгие годы. Экспедиционные возможности России до 2025 г. и далее будут оставаться ограниченными, потому что России не хватает таких ключевых элементов экспедиционных сил, как достаточные возможности стратегической переброски и сеть базирования за рубежом. В ближайшие годы Россия может пересмотреть свою военную доктрину, приведя её в соответствие с недавними решениями Москвы о ресурсах. Если последние военные действия – точный индикатор, то такой пересмотр будет означать усиление внимания к масштабным межгосударственным военным столкновениям. ²⁵	Возможно в средней перспективе

²³ Rumer and Weiss, “Ukraine: Putin’s Unfinished Business.”

²⁴ “Will Russia Invade Ukraine Again?” *Atlantic Council*, December 2, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://www.atlanticcouncil.org/event/will-russia-invade-ukraine-again>.

²⁵ Charap et al., *Russian Grand Strategy: Rhetoric and Reality*.

Маркеры полномасштабного вторжения России в Украину в американских и британских СМИ

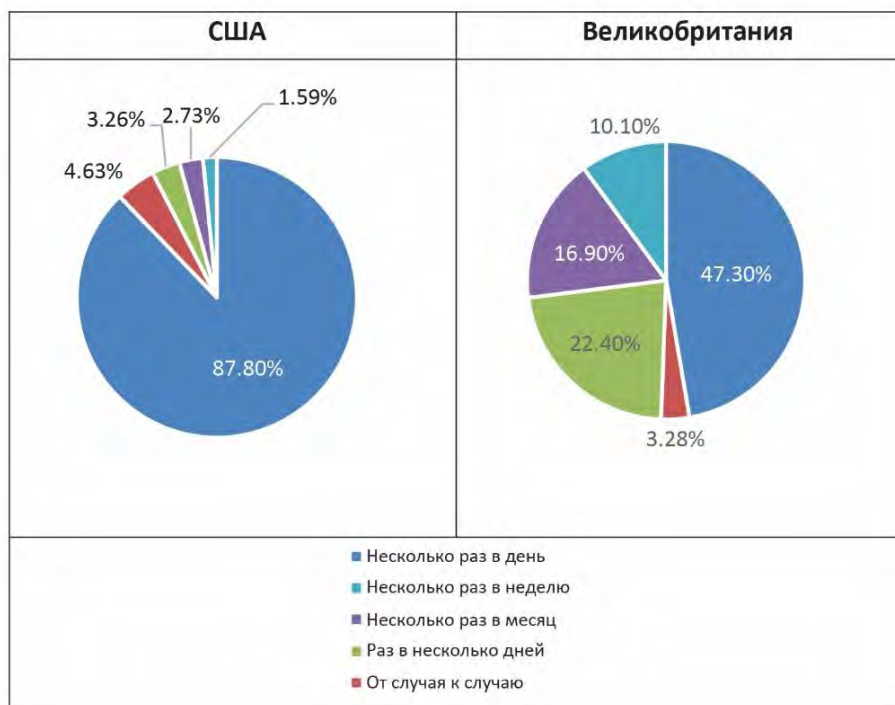
Методика исследования

В исследовании применена информационно-аналитическая услуга Attack Index²⁶ для обработки больших объёмов информации («больших данных») из открытых Интернет-источников. Услуга позволяет определять степень информационного резонанса избранных тем. Использовались собранные за последние 25 лет базы данных мониторинга на английском, русском и украинском языках, включая соцсети (Facebook, Instagram, LiveJournal, LiveInternet, Вконтакте, Одноклассники, Telegram, Twitter, Youtube, Reddit, Weibo, Rutube, Medium, ArXiv); более 10 000 сайтов (СМИ, блоги, форумы); содержание теле- и радиопередач.

Таблица 2. 20 главных источников публикаций за весь период исследования.

США		Великобритания	
[1] Yahoo News	226	[1] Daily Express	80
[2] GlobalSecurity.org	43	[2] Daily Mail	61
[3] The Hill	42	[3] Independent.co.uk	55
[4] ABC news.com	36	[4] International Business Times	37
[5] WTOП	31	[5] The Guardian	23
[6] Stars and Stripes	29	[6] Daily Mirror	18
[7] New York Times	28	[7] The Sun	17
[8] Newsweek	26	[8] Telegraph	16
[9] Voice of America	24	[9] BBC	10
[10] Seattle Times	24	[10] Sky News	7
[11] Associated Press News	23	[11] The Times	7
[12] Radio Free Europe/Radio Liberty	23	[12] Byline Times	6
[13] FOX News	20	[13] openDemocracy	6
[14] SFGate.com	20	[14] Economist.com	6
[15] WIVB-TV	17	[15] Scotsman.com News	5
[16] Washington Times	17	[16] EU Today	3
[17] The Wall Street Journal	14	[17] MiddleEastEye.net	2
[18] FOX 11	14	[18] Chatham House	2
[19] Los Angeles Times	12	[19] Bellingcat	2
[20] MarketWatch	12	[20] RUSI	1

²⁶ "Attack Index," <https://attackindex.com/uk/golovna>. Услуга разработана украинской командой под руководством Эллины Шнурко-Табаковой.

Рис. 1: Частота публикаций по ключевым словам «Война Российской Федерации в Украине» в американских и британских СМИ в 2021 г.

Attack Index – комплексный показатель уровня информационной опасности, учитывающий множество факторов: наличие информационной активности, активность возможных противников/конкурентов, отклонение усредненной информационной картины (фона), наличие информационных операций и этапы их развития, ретроспектива и динамика негативного тона публикаций, а также степень хаотичности процессов. Услуга позволяет искать сообщения на интересующие темы в глобальных сетях; отслеживать потоки информации (истории), актуальные темы, события и процессы; определять динамику потоков информации; устанавливать динамику тональности публикаций; определять аномальные и критические составляющие в динамике тематических информационных потоков; выделять основные события и объекты тематического потока информации; визуализировать отношения между контролируруемыми объектами; прогнозировать развитие ситуации.

Расшифровка нарративов и меседжей СМИ

Чтобы определить наличие маркеров возможного российского вторжения в Украину в американских и британских СМИ, для анализа были выбраны ключевые слова «война, РФ/Россия, Украина». Контент-анализ показал актуальность темы «Война России против Украины» в СМИ США и Великобритании в 2021 г.: уровень понимания угрозы составил 6 баллов в США и 8 – в Великобритании, что говорит о важности сигналов возможной агрессии Российской Федерации. Количество публикаций по теме – 662 в американских СМИ и 164 – в британских. Вероятный охват аудитории составил 732 167 и 159 777 человек, соответственно. Уникальный контент был сформирован в основном официальными СМИ и составил 9,19 % в США и 12,6 % в Великобритании, что тоже указывает на актуальность темы (см. Табл. 2).

Информация о возможном вторжении Российской Федерации в Украину регулярно появлялась в американских и британских СМИ. Отслеживаемые СМИ публиковали такую информацию несколько раз в день в 87,8 % и 47,3 % случаев, соответственно (Рис. 1).

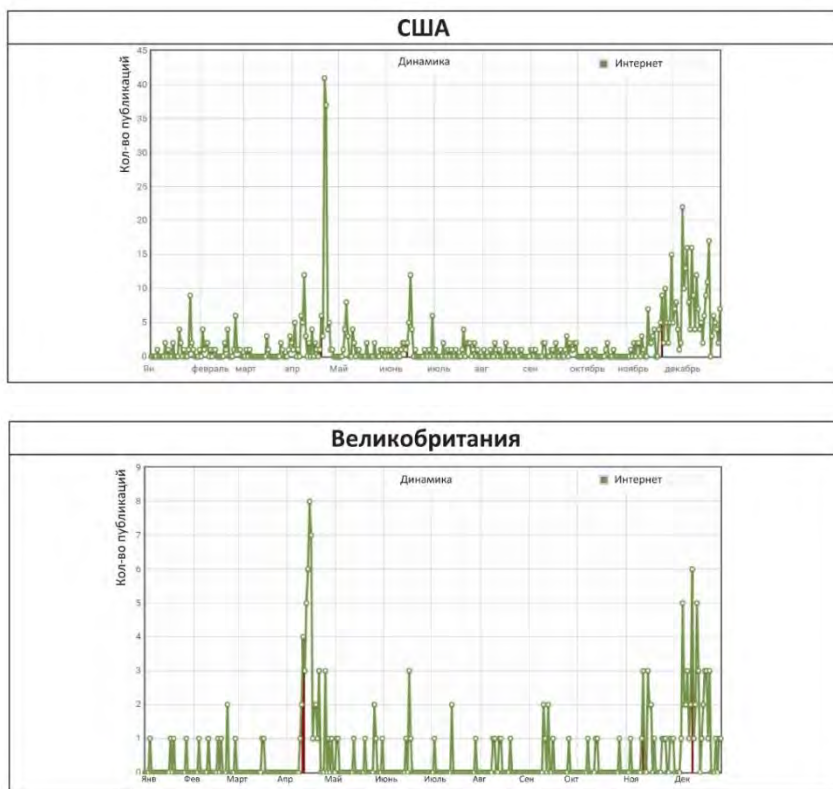

Рис. 2: Количество публикаций по датам в период исследования.

Эта тема особенно активно обсуждалась 04/02/2021 по 04/26/2021, с 06/14/2021 по 06/17/2021 и с 11/24/2021 по 02/24/2022 (Рис. 2). В эти дни в СМИ появились главные нарративы о возможном вторжении РФ в Украину.

Со 2-го по 26-е апреля 2021 г. журнал *National Interest* (США) задавал вопрос: «Возможна ли война в Европе в результате эскалации ситуации в Украине путинской Россией?».²⁷ Издание анализировало ситуацию на границах Украины и в Крыму, отмечая «максимальное сосредоточение российской армии на границах Украины за всё время», и называло его «ещё одной неспровоцированной эскалацией в нынешней кампании Москвы по подрыву и дестабилизации Украины».

Этот нарратив, зафиксированный в форме вопроса, указывает на наличие двух противоречивых мнений: страх возможного размораживания конфликта и отрицание подготовки России к полномасштабному вторжению в Украину:

Наращивание сил произошло на фоне активизации боевых действий на востоке Украины, где пророссийские сепаратисты с 2014 г. ведут вялотекущую войну с армией Украины, которую поддерживают США и Европа. Активизация насилия на востоке Украины усилила международные опасения возможной вспышки так называемого замороженного конфликта. Хотя американские военные пока не видят ничего, что свидетельствовало бы о подготовке России к неминуемому вторжению в пределы Украины, США, Великобритания и европейские страны критикуют Москву за наращивание военной мощи.²⁸

Британская *Daily Express* более категорично говорит о возможности нападения России на Украину в статье «Россия 'на пороге войны' с Украиной после крупнейшей переброски войск за 50 лет»,²⁹ хотя кавычки после слов «на пороге войны» указывают на некоторые сомнения в полномасштабном конфликте.

Нарратив «Возможна ли война в Европе в результате эскалации ситуации в Украине Путинской Россией?» передает два месседжа.

Месседж №1: «Открытое наращивание военной силы Россией — демонстрация силы, или подготовка к чему-то более зловещему?» также указывает на сомнения в полномасштабном вторжении РФ в Украину. «В

²⁷ Andreas Umland, "A War in Europe? Why Putin's Russia Is Escalating in Ukraine," *The National Interest*, April 20, 2021, доступ на 13 июля 2022 г., <https://national-interest.org/blog/buzz/war-europe-why-putin%E2%80%99s-russia-escalating-ukraine-183200>.

²⁸ Alexandra Odynova, "Photos Show Russia's Military Buildup near Ukraine as Putin Claims Dominion over More of the Region's Sea and Air," *CBS News*, April 21, 2021, <https://www.cbsnews.com/news/russia-ukraine-military-buildup-crimea-putin-black-sea-airspace/>.

²⁹ Dylan Donnelly, "Russia 'on Doorstep of War' with Ukraine after Largest Movement of Troops in 50 Years," *Daily Express*, April 15, 2021, доступ на 13 июля 2022 г., <https://www.express.co.uk/news/world/1423298/russia-news-Ukraine-doorstep-of-war-usa-Vladimir-Putin-Crimea-troops-ont>.

Вашингтоне директор ЦРУ заявил Конгрессу США, что пока остается неясным, является ли это наращивание демонстрацией силы или подготовкой к чему-то более зловещему»,³⁰ «Демонстративность лишила Россию любого элемента внезапности, что побуждает аналитиков сводить к минимуму, но не исключать возможность реального нападения»,³¹ «Д-р Макглинн настаивает, что наращивание сил и средств на востоке Украины – путинский «блеф», и сомневается, что российский лидер рискнет начать полномасштабный конфликт. Она заявила: «Путин скорее будет манипулировать и валять дурака, чем вступит в настоящую войну». «Война – это большой риск», «Путин играет мускулами, угрожая Украине войной»,³² «Русский посол в Британии предупредил о «кровавой бане» в Украине и пообещал ответить, если Киев двинет войска на Донбасс».³³

Поддача нарратива и месседжей в виде вопросов указывает на неопределенность позиции аналитиков касательно возможной агрессии РФ. Демонстрация силы была расценена как сигнал, чтобы Запад услышал и учёл требования Российской Федерации:

Демонстративность лишила России любого элемента внезапности, что побуждает аналитиков сводить к минимуму, но не исключать возможность реального нападения. Скорее, говорят они, наращивание сил имеет целью предупредить Запад не сбрасывать Россию со счётов.³⁴

Месседж №2 – «Путин хочет договориться с Западом о признании сферы интересов Российской Федерации» – тоже звучит расплывчато, поскольку не ясно, что за «сфера интересов» имеется в виду. Этот месседж возник после ежегодного послания Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 22 апреля 2021 г. В своей речи Путин показал миру стратегию будущей войны:³⁵ неуважение к Украине и странам Запада и пренебрежение к законам ведения войны для удовлетворения своих амбиций. В

---

³⁰ Odynova, "Photos Show Russia's Military Buildup near Ukraine."

³¹ Andrew E. Kramer, "In Russia, a Military Buildup That Can't Be Missed," *The New York Times*, April 16, 2021, доступ на 13 июля 2022 г., <https://www.nytimes.com/2021/04/16/world/europe/russia-ukraine-troops.html>.

³² Mark Hodge, "Empire State of Mind. Putin Is Threatening to Invade Ukraine 'to Humiliate' Biden as He Looks to Reassert Russia's 'Superpower' Status," *The Sun*, April 15, 2021, доступ на 13 июля 2022 г., <https://www.thesun.co.uk/news/14659341/putin-ukraine-humiliate-biden>.

³³ Tariq Tahir, "Ready to Strike. Chilling Satellite Pics Show 'Biggest-Ever' Build-Up of Russian Forces on Ukraine Border with Thousands Ready to Invade," *The Sun*, April 19, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://www.thesun.co.uk/news/14693649/satellite-pics-biggest-build-up-russian-forces-ukraine>.

³⁴ Andrew E. Kramer, "Putin Warns of a Russian 'Red Line' the West Will Regret Crossing," *The New York Times*, April 21, 2021, доступ на 13 июля 2022, www.nytimes.com/2021/04/21/world/europe/russia-putin-ukraine-navalny.html.

³⁵ "Mondi in Progress 29-04-2021," *The Science of Where Magazine*, April 29, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://www.thescienceofwheremagazine.it/2021/04/29/mondi-in-progress-29-04-2021>.

своём ежегодном послании Путин сравнил США с хромым, но заносчивым бенгальским тигром Шерханом из «Книги джунглей» Редьярда Киплинга. Он описал союзников США как свору визжащих Табаки – трусливых презренных шакалов, которые «цепляют» Россию и вводят санкции, лишь выполняя приказы Шерхана. Позднее Путин «ещё раз» «призвал Запад приступить к обсуждению стратегических вооружений и глобальной стабильности без конфронтации. На самом деле, с учетом нестратегических (тактических) ядерных вооружений, которых никто и никогда достоверно не считал, у России их может быть больше (возможно, в два раза больше), чем у всех остальных официальных или неофициальных ядерных держав, вместе взятых».³⁶

Однако требования, выдвинутые Российской Федерацией Западу, остаются неясными. Путин предупреждает о неких метафорических «красных линиях» – «Президент Путин предупредил западных союзников, что те заплатят высокую цену, если перейдут «красную линию» с Россией, на фоне роста напряженности из-за наращивания ею военной мощи на границах Украины». Но понятие «красных линий» растяжимо, оно может растягиваться по желанию РФ.³⁷

Ту же стратегию Путин использует в Украине и сегодня – после Бучи, Ирпеня и Мариуполя Россия обвиняет Украину в нацизме, а Запад – в попытках уничтожить Россию. Поэтому сфера интересов РФ – нечто неопределённое, её границы могут расширяться бесконечно.

14–17 июня 2021 г., в контексте саммита Байден-Путин в Женеве по инициативе президента США, появился нарратив «Отношения между Российской Федерацией и странами Запада будут зависеть от соблюдения РФ международных норм». Американские СМИ того периода фиксируют «битву месседжей» всех заинтересованных сторон:³⁸ «В 2008 г. НАТО обещала, что Украину и Грузию в конечном счёте примут в Альянс, несмотря на протесты России» (НАТО, 2008) – «Кремль дал понять, что заявка Украины на членство в НАТО чревата новым горячим конфликтом в Европе» (Россия) – «Вашингтон определённно не хочет войны» (США) – «Россия увеличила свои силы вблизи Украины и предупредила Киев, что может применить военную силу, если украинские власти попытаются вернуть восставший Восток» (Россия).

Месседжи России, вроде «Кремль дал понять, что заявка Украины на членство в НАТО чревата новым горячим конфликтом в Европе» и «Россия увеличила свои силы вблизи Украины и предупредила Киев, что может при-

---

³⁶ “Mondi in Progress 29-04-2021.”

³⁷ Kramer, “Putin Warns of a Russian ‘Red Line’ the West Will Regret Crossing.”

³⁸ Vladimir Isachenkov and Yuras Karmanau, “Some US Allies Near Russia Are Wary of Biden-Putin Summit,” *The Seattle Times*, June 13, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://www.seattletimes.com/nation-world/nation/some-us-allies-near-russia-are-wary-of-biden-putin-summit>.

менить военную силу, если украинские власти попытаются вернуть восставший Восток», сначала звучали диссонансом на фоне саммита, поскольку в них были элементы манипуляции – несвязанные ситуации, как причина конфликта (заявка Украины на членство в НАТО, украинские власти пытаются вернуть восставший Восток). Поэтому западное общество воспринимало меседжи Российской Федерации как смену акцентов, что давало надежду на мир. А надо было понимать российские меседжи так: «Кремль дал понять, что в Европе будет новый горячий конфликт», «Россия увеличила свои силы вблизи Украины и предупредила Киев, что применит военную силу». Поэтому нарратив «Отношения между Российской Федерацией и странами Запада будут зависеть от соблюдения РФ международных норм» не мог быть принят Россией, ибо решение вторгнуться в Украину уже было принято. Для него использовались манипулятивные поводы, что целиком сработало для внутренней аудитории в РФ, если не для международного сообщества.

12 ноября 2021 г. был озвучен нарратив, потерявший актуальность лишь с началом войны 24 февраля 2022 г. – «Нападение России на Украину будет фатальной ошибкой», «США предупреждают союзников, что Россия может вторгнуться в Украину, на фоне роста напряжённости в регионе»,³⁹ «Белый дом призвал европейских союзников готовиться к российскому вторжению в Украину, с дальнейшим наращиванием военной силы на границе и напряжённостью с поставками газа»,⁴⁰ «Почему Россия может ВТОРГНУТЬСЯ в Украину: США предупреждают о десятках тысяч войск на границе».⁴¹ 24 ноября 2021 г. набирала обороты «война меседжей» Российской Федерации («Возможно применение ядерного оружия», «Россия не будет нападать на Украину») и Запада («Страны НАТО встревожены возможным нападением России на Украину»):

Министр обороны России во вторник обвинил бомбардировочную авиацию США в репетиции ядерного удара по России с двух разных направлений в начале месяца и посоветовал, что самолёты появились в 20 км (12,4 мили) от российской границы. Но в Пентагоне заявили, что о его тренировке было своевременно объявлено публично, и международные про-

---

³⁹ William Walker, "US Warns Allies that Russia Could Invade Ukraine as Tensions in the Region Soar," *Daily Mirror*, November 12, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://www.mirror.co.uk/news/us-news/warns-allies-russia-could-invade-25440116>.

⁴⁰ Chris Pleasance and Elizabeth Elkind, "REVEALED: White House Has Warned European Allies to Prepare for a Russian INVASION of Ukraine with Further Border Military Build-up and Tensions over Gas Supplies," *Daily Mail*, November 11, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10192833/White-House-warns-Europe-prepare-Russian-INVASION-Ukraine-border-military-build-up.html>.

⁴¹ Aliss Higham, "Why Russia Could INVADE Ukraine: US Warns Tens of Thousands of Troops at Border," *Daily Express*, November 12, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://www.express.co.uk/news/world/1520420/russia-invade-ukraine-troops-border-evg>.

токолы были соблюдены. Обвинения Москвы прозвучали в момент максимальной напряжённости в отношениях с Вашингтоном из-за Украины, когда американские официальные лица выражают озабоченность возможностью нападения России на своего южного соседа – Кремль отверг это предположение, назвав его ложью. Москва, в свою очередь, обвинила США, НАТО и Украину в провокационных и безответственных действиях, указав на поставки Украине американского оружия, использование Украиной турецких БПЛА против пророссийских сепаратистов на востоке Украины и военные учения НАТО вблизи её границ.⁴²

Итак, маркеры будущего полномасштабного вторжения РФ в Украину присутствовали в американских и британских СМИ в 2021 г. Смена модальности нарративов с вопросительной («Возможна ли война в Европе в результате эскалации ситуации в Украине Путинской Россией?») на утвердительно-прогностическую («Нападение России на Украину будет фатальной ошибкой») должна была подсказать аналитикам, что Европа идёт к войне и должна принять более действенные превентивные меры.

Вместо заключения. Цена возможных расчётов и рекомендации на будущее

В настоящее время политологи пытаются понять, почему крупнейшая трагедия первой четверти XXI века была не очевидна, хотя военные и разведка вполне откровенно говорили о намерениях Кремля.

Анализ, предполагавший низкую вероятность полномасштабного военного вторжения России, не был ошибочным. Он основывался на наблюдаемых условиях и предпосылках, которые были верны, по крайней мере внешне, до февраля. Согласно альтернативной точке зрения, с января по февраль 2022 года в кремлевских кругах произошло нечто радикальное, что изменило отношение Путина к Украине.⁴³

Мы не можем исключать такой возможности, хоть и считаем её маловероятной. Если бы вторжение считалось более вероятным, обсуждение поддержки Украины и превентивных мер могло бы изменить или смягчить ход последних событий. Давно было ясно, что стратегическая цель России – подчинить Украину. И когда инструменты мягкой силы, в сочетании со щедрым спонсированием пророссийских партий в украинском парламенте, не привели к цели, Украина и далее дрейфовала на Запад даже в условиях про-

---

⁴² Andrew Osborn and Phil Stewart, “Moscow Says U.S. Rehearsed Nuclear Strike against Russia This Month,” *Reuters*, November 24, 2021, доступ на 13 июля 2022, <https://www.reuters.com/world/russia-notes-significant-increase-us-bomber-activity-east-minister-2021-11-23>

⁴³ Dumitru Minzarari, “Failing to Deter Russia’s War Against Ukraine: The Role of Misperceptions,” *German Institute for International and Security Affairs*, April 29, 2022, доступ на 13 июля 2022 г., <https://www.swp-berlin.org/en/publication/failing-to-deter-russias-war-against-ukraine-the-role-of-misperceptions>.

должающейся войны на Востоке. Россия, будучи не в силах изменить внешнеполитический курс Украины, выбрала самый очевидный следующий шаг. «Так не достанься же ты никому!».⁴⁴

Дело тут не в НАТО, а в том, что бывшая советская республика может стать демократическим государством с верховенством права и честными выборами. Это две главные угрозы кремлевскому режиму, который уже более десяти лет концентрирует огромные ресурсы в руках горстки людей. В какой-то момент отказ от власти становится самоубийством, учитывая способы получения и сохранения власти и богатства, в том числе за счет возрождения фашистских идей Ивана Ильина и поощрения использования «богатого опыта» советского тоталитаризма.

России была бы выгодна беспокойная, коррумпированная, полу-демократическая Украина, безуспешно стремящаяся в европейскую семью, как доказательство «ошибочности прозападного курса». Но вместо этого Россия решила показать другим, более мелким странам, которых она считает своими сателлитами, что ждёт тех, кто не готов сдаться и смириться.

Главная ошибка западных политологов состояла в том, что они рассматривали ситуацию в логике демократически избранных лидеров, вынужденных учитывать самые разные интересы и стремления элит и народа, чего в России нет. Те, кто пытался разобраться в истоках внутренних процессов в этой стране, обратили пристальное внимание на культуру политики, которая в конечном счёте перевесила холодный расчёт (или просчёт) своих сил, а также соотношение приобретений и потерь.

Насилие и доминирование, как краеугольные камни власти русских правителей, можно проследить в течение столетий. Развитие современной России определил XX век, и особенно 1990-е годы, в то время как соседние европейские страны стремились поставить в центр своего существования права человека и демократические свободы. «Рождение» и Советского Союза, и Российской Федерации было отмечено репрессиями и физическим уничтожением целых групп – политических соперников, национальных меньшинств, инакомыслящих, бизнес-конкурентов. После распада Советского Союза преступные организации боролись за ресурсы, чтобы выжить. Те, кто выжил, постепенно стали политической и деловой элитой. В очень бедных экономических условиях, когда людям буквально не всегда есть что есть, лучше всего живётся самым жестоким. Именно тогда подход «кто сильный, тот и прав» стал фактором формирования культуры насилия, проявившейся в массовых военных преступлениях против мирного населения Украины.

Тот же подход развёл и внешнюю политику. Как гангстеры, «ведущие переговоры» в присутствии своих вооружённых банд, Россия не смотрит на переговорный процесс, как средство достижения баланса интересов. Она лишь прощупывает силы другой стороны. Верно сказано, что «руководство

---

⁴⁴ «Бесприданница», пьеса Александра Островского.

России видит в переговорах неспособность навязать свою волю, ибо, имея силу, можно не говорить, а действовать и навязать желаемый результат».⁴⁵

Как ни прискорбно, правление президента Путина совпало с постепенным укреплением российской экономики, главным образом благодаря росту цен на природные ресурсы. Большая часть населения России ошибочно усматривала причинно-следственную связь между концентрацией власти и улучшением экономической ситуации. Поэтому многие стали воспринимать демократию как анархию, предпосылку экономической нестабильности, неопределенности и слабости. А терпеть это никак нельзя. Поэтому значительная часть населения России, демонстрирующая полную поддержку или не выступающая против действий Кремля, является не жертвой пропаганды (поскольку многие могут, но не хотят получать информацию непосредственно от своих родственников или друзей в Украине), а, скорее, воплощением авторитарного характера российского общества.

За некоторыми исключениями, ожидания Запада, что после первых неудач российской армии в Украине и тяжелых потерь личного состава российское общество отреагирует, не оправдались. Миф или чувство принадлежности к чему-то большему (Великой России, Мировой Державе) оказались для значительной части довольно бедного населения важнее личного счастья или семейного благополучия. В отличие от украинцев, которые ценят возможность быть «авторами» истории современной Украины, большинство россиян остаются пассивными и далёкими от общественной жизни и политики. Поэтому нарратив о загадочной русской душе можно пересмотреть, сведя его к вопросу: «Почему 140 с лишним миллионов человек, населяющих «бензоколонку, выдающую себя за страну»,⁴⁶ почти ничего не делают, чтобы сделать её уютным домом?».

Ответ на этот вопрос многое объяснит в логике нынешних политических решений Российской Федерации. Хотя некоторые западные наблюдатели считают, что режим слабеет, режим, нацеленный на самосохранение, может адаптироваться к новым реалиям, сформированным западными санкциями, поскольку население не оказывает заметного сопротивления, не говоря уже о слабом и расколотом гражданском обществе.

Западным политологам не следовало выдавать желаемое за действительное и проецировать на чужака западный менталитет. Когда речь идёт о России, тоталитарном государстве в мире, которому нужны углеводороды, надо помнить, что первый и главный аргумент — это сила.

И последняя, очевидная, но подзабытая истина: хотя большинство наблюдателей считали Путина рациональным игроком, не желающим рисковать, когда ставки так высоки, им следовало помнить, что «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно».⁴⁷

---

⁴⁵ Minzarari, "Failing to Deter Russia's War Against Ukraine."

⁴⁶ Сенатор Джон Маккейн.

⁴⁷ Лорд Актон (1834–1902) в письме епископу Манделлу Крейтону.

Чтобы избежать новых ошибок в оценке потенциальных военных угроз, политологи и аналитики должны:

1. Не делать выводы, выдавая желаемое за действительное, и не проецировать менталитет и политическую культуру одной страны на другую. Это первый шаг к фатальной ошибке.
2. Принимать во внимание особенности национальной культуры – историческую склонность её носителей подменять конструктивные решения агрессией.
3. Следить за маркерами надвигающегося конфликта в СМИ. Смена нарративов, месседжей и лексические сигналы являются безошибочным свидетельством реальной ситуации.
4. Слышать альтернативные голоса. Маргинальное мнение может оказаться верным.
5. Системно изучать ситуацию – разные подходы и методы дадут желаемый результат.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнерство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторах

Елена Давликанова, доцент Сумского государственного университета и политолог с более чем десятилетним опытом работы в международных фондах, в частности, NDI и FES. <https://orcid.org/0000-0001-8536-3959>.
Электронная почта: elena.davlikanova@gmail.com

Лариса Компанцева, доктор филологии, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Национальной академии Службы безопасности Украины (Киев, Украина), одна из основателей научных школ интернет-лингвистики и стратегических коммуникаций в Украине. В последнее время занималась лингвистической экспертизой социальных сетей с использованием инструментов больших объёмов данных и исследованиями коммуникационной сферы как элемента национальной безопасности.
<https://orcid.org/0000-0001-7902-9209>.
Электронная почта: larafkom@gmail.com

Русский гамбит для изменения существующего мирового порядка

Эрик Фагергрэн

Штаб Европейского командования ВС США, <https://www.eucom.mil/>

Аннотация: После распада Советского Союза, Россия несколько раз меняла свою Стратегию национальной безопасности (СНБ), чтобы укрепить свои позиции в мире. Первоначальная цель СНБ заключалась в том, чтобы сформировать воодушевляющие внешнеполитические цели и амбиции Кремля. В 2021 г. президент Путин счёл, что Россия способна изменить статус Кремля в мире, и решил действовать. Кроме публикации СНБ в 2021 г., президент Путин также написал собственное историческое эссе о России и Украине. Статья президента Путина вооружила Кремль нарративом для обеспечения народной поддержки внутри страны и внешнего оправдания действий России против Украины. Конечная цель СНБ – восстановить мировой порядок времён Холодной войны. Президент Путин использует Украину, чтобы усилить позиции России в мире, в то же время пытаясь дискредитировать основанный на правилах Евроатлантического порядка.

Ключевые слова: Россия, Украина, мировой порядок, великая держава, президент Путин, Донбасс, Крым, НАТО, Стратегия национальной безопасности, специальная военная операция, историческое единство русских и украинцев.

Вступление

*Ще не вмерла України і слава, і воля,
Ще нам, браття молодії, усміхнеться доля.
Згинуть наші воріженьки, як роса на сонці.
Запануєм і ми, браття, у своїй сторонці.
... В ріднім краю панувати не дамо нікому;*

... Ще у нашій Україні доленька наспіє.
Душу, тіло ми положим за нашу свободу.
І покажем, що ми, браття, козацького роду.¹

Это стихотворение, позднее ставшее национальным гимном Украины, написал в XIX веке этнограф Павло Чубинский. В том же 1862 году, в котором он опубликовал это стихотворение, российские власти арестовали Чубинского по обвинению в участии в украинском национальном движении.² Украинская национальная идентичность столетиями была предметом споров. В 1920-х гг. большевики инициировали в советских республиках политику укоренения, направленную на развитие местной культуры, образования и языка. В Украине политика укоренения называлась «украинизацией».³ Со временем Иосиф Сталин стал опасаться, что украинизация может привести к формированию национальной идентичности, в результате чего Украина будет стремиться к независимости от Советского Союза. 11 августа 1932 года Сталин писал: «Самое главное сейчас Украина. Дела на Украине из рук вон плохи ... Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять».⁴ Сталин решил покончить с украинизацией двумя путями: коллективизация сельского хозяйства и ликвидация автономных украинских институтов (как Украинской православной церкви и Украинской коммунистической партии).⁵ Результат разрушительных усилий Сталина, положивших конец украинизации, сегодня известен как Голодомор.

Сейчас Украина снова стала «самым главным» для Российской Федерации, и Кремль может выпустить Украину из сферы своего влияния. В июле 2021 года в Российской Федерации вышли два важных документа, раскрывающих взгляды президента Путина и стратегию России по сохранению влияния на Украину и противодействию основанной на правилах Западной системе. Первый документ вышел 2 июля 2021 г. Это Стратегия национальной

---

¹ Из стихотворения, положенного в основу Национального гимна Украины, https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Украины.

² Ivan Katchanovski, Zenon E. Kohut, Bohdan Y. Nebesio, and Myroslav Yurkevich, *Historical Dictionary of Ukraine*, 2nd ed. (Lanham: Scarecrow Press, 2013), https://shron.2.chtyvo.org.ua/Zbirnyk_statei/Historical_Dictionary_of_Ukraine_anhl.pdf.

³ Serhy Yekelchuk, *The Conflict in Ukraine: What Everyone Needs to Know* (Oxford: Oxford University Press, September 2015).

⁴ Kateryna Bondar, "The Ukrainian Famine of 1932-1933: Legal Case for Genocide," *Ukrainian Quarterly* 75, no. 3 (2019): 13-19.

⁵ Сталин И. В., Письмо Л. М. Кагановичу, <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/304554>.

безопасности (СНБ) Российской Федерации.⁶ Второй документ, дающий понимание роли Украины в стратегии России – статья президента Путина, опубликованная 12 июля 2021 г., под названием «Об историческом единстве русских и украинцев».⁷ Понимание последовательных изменений в формулировках СНБ и воплощения взгляда президента Путина на историю России и Украины в этой стратегии важно для анализа нынешних целей действий России в Украине.

Президент Путин в общем изложил свои намерения, выступая на открытии ежегодного заседания Валдайского клуба в октябре 2021 года. Начал он с мысли о том, что пришло время перемен – пора пересмотреть мировой порядок, установленный Западом после распада Советского Союза.⁸ Он заявил: «Попытка сделать это [нынешний мировой порядок] после окончания холодной войны на основании господства Запада успехом, как мы видим, не увенчалась. Нынешнее состояние мира – продукт как раз той самой неудачи, мы должны извлечь из этого уроки».⁹ Чтобы изменить нынешний мировой порядок, президент Путин использует Украину в обоснование своей позиции. По словам аналитика Лилии Шевцовой, «Украина, таким образом, стала полем боя, на котором Кремль может бороться с Западной цивилизацией».¹⁰ Война России в Украине – это попытка вернуть себе статус великой державы в нынешнем мировом порядке, одновременно дискредитируя основанную на правилах Евроатлантическую систему. Попытки России достичь этой цели в условиях глобального соперничества поясняются четырьмя важными факторами. Во-первых, СНБ определяет национальные приоритеты Кремля и демонстрирует политическую и военную волю России защитить свои национальные интересы. Во-вторых, успех России в возврате и сохранении статуса великой державы зависит от выживания путинского режима. В-третьих, президент Путин использует исторический нарратив для противодействия западному влиянию и оправдания действий Кремля на «исторических русских землях». В-четвёртых, выбор Россией момента для изменения нынешнего мирового порядка основан на представлениях президента Путина о реальности.

---

⁶ Президент России, Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

⁷ Владимир Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев», *Официальные сетевые ресурсы Президента России*, 12 июля 2021, <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>.

⁸ Заседание дискуссионного клуба «Валдай», *Президент России*, 21 октября 2021, <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>.

⁹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай», октябрь 2021 г.

¹⁰ Lilia Shevtsova, “Russia’s Ukraine Obsession,” *Journal of Democracy* 31, no. 1 (January 2020): 138-147, <https://doi.org/10.1353/jod.2020.0011>.

Развитие ситуации

Напряженность между Западом и Россией достигла максимума. Собрав группировку численностью более 190 000 военнослужащих, президент Путин приказал вторгнуться в Украину, захватить главные города и свергнуть украинское правительство. Угроза жестких санкций Запада и дипломатические переговоры между Россией и США, Организацией Североатлантического договора (НАТО) и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в середине января 2022 года не остановили нападение России. Хотя санкции не предотвратили российское вторжение в Украину, не недавние дипломатические усилия Запада стали причиной действий России в Украине. Чтобы понять мотивы, выбор времени и конечные цели Кремля, стоит взглянуть на мировые события после распада Советского Союза с российской точки зрения.

После распада Советского Союза Запад рассматривал окончание Холодной войны как победу либеральных демократических ценностей. Россия, со своей стороны, видела в окончании Холодной войны возможность сотрудничать с Западом на равных в создании нового мирового порядка.^{11,12} Как выразился посол России в США Анатолий Антонов, «Романтические иллюзии развеялись, Соединённые Штаты немедленно начали строить новый мировой порядок, разместив Россию на его задворках».¹³ После окончания Холодной войны многие бывшие советские республики приняли западный либеральный порядок, сделав нужные шаги, чтобы стать членами Европейского Союза и вступить в НАТО. В сознании российских руководителей страна осталась с ощущением посягательства на постоянно уменьшающуюся сферу её влияния, географического и политического, на мировой арене. Посол Антонов далее поясняет: «Мы подошли к моменту, когда нам некуда отступать. Военное использование Украины странами-членами НАТО представляет экзистенциальную угрозу для России».¹⁴ Притяжение либеральной демократии Запада и неспособность России предотвратить союз бывших советских республик с Западом побудили Россию активно противодействовать дальнейшей западной экспансии. Россия начала с Грузии в 2008 году и Украины в 2014 году.

Нынешняя военная операция России в Украине дала неожиданные результаты. До вторжения России в Украину в феврале 2022 г. Вооружённые силы Украины боролись с поддерживаемыми Россией сепаратистами на

---

¹¹ Roger E. Kanet, ed., *Routledge Handbook of Russian Security* (Abingdon, Oxon: Routledge, 2019).

¹² Anatoly Antonov, "An Existential Threat to Europe's Security Architecture?" *Foreign Policy*, December 30, 2021, <https://foreignpolicy.com/2021/12/30/russia-ukraine-nato-threat-security/>.

¹³ Antonov, "An Existential Threat to Europe's Security Architecture?"

¹⁴ Antonov, "An Existential Threat to Europe's Security Architecture?"

границах самопровозглашённых Донецкой и Луганской «народных республик» с 2014 г. Восемь лет военного противостояния не принесли заметных плодов, соглашения о прекращении огня нарушались ежедневно.¹⁵ Что касается Крымского полуострова, аннексированного Россией в 2014 г., то президент Путин дал ясно понять, что уступок не будет. Конфликт в Украине отличается от российских авантур в других затяжных конфликтах – в грузинских Абхазии и Южной Осетии, молдавском Приднестровье, Нагорном Карабахе – реакция Украины. Боевые действия в Донбассе и аннексия Крыма еще больше оттолкнули население Украины от Кремля и приблизили его к Западу.

Российское вторжение показало решимость Украины сберечь свой суверенитет, поскольку мир увидел готовность украинского народа защитить своё отечество. Президент Путин воспринял разворот Украины с Востока на Запад как личное оскорбление, противоречащее его взглядам на братство и единство украинцев и россиян.¹⁶ Выход Украины из-под влияния Кремля произошёл не за один день – он шёл годами. Оранжевая революция 2004 г. и Евромайдан 2014 г. стали двумя ключевыми событиями, показавшими Кремлю переход Украины из-под влияния России к западной, либерально-демократической системе власти. Годами наблюдая за этими изменениями в Украине, в других бывших советских республиках и внутри страны, президент Путин нацелил стратегию безопасности России на противодействие изменениям внешних условий.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации

С окончанием Холодной войны Российская Федерация разработала стратегию безопасности, которая менялась при каждом руководителе, исходя из политической воли и военных возможностей. Нынешняя Стратегия национальной безопасности РФ – это инструмент планирования, используемый для определения национальных интересов и приоритетов. Она содержит долгосрочные цели и задачи Российской Федерации по обеспечению национальной безопасности и дальнейшего развития.¹⁷ Её смысл аналогичен концепции – представить идеальный образ, к которому Россия должна стремиться. Кроме того, она определяет общую политику безопасности России, в сочетании с другими федеральными документами, такими, как Военная доктрина, Концепция внешней политики и Доктрина информационной безопасности.¹⁸

---

¹⁵ “Ukraine Watchlist,” *BBC Monitoring*, February 28, 2022, доступ на 28 февраля 2022.

¹⁶ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

¹⁷ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

¹⁸ Sophia Dimitrakopoulou and Andrew Liaropoulos, “Russia’s National Security Strategy to 2020: A Great Power in the Making?” *Caucasian Review of International Affairs* 4,

Некая форма стратегии национальной безопасности у Кремля была с веренизации Российской Федерации в начале 1990-х гг. Президент Медведев подписал первую СНБ в 2009 г. До СНБ 2009 г. руководящим документом была Концепция национальной безопасности Российской Федерации. С переходом от «концепции безопасности» к «стратегии безопасности» Кремль поставил измеримые цели, которых он мог достичь в заданные сроки.¹⁹ Профессор Хельсинского университета д-р Катри Пюннёнени провела сравнительный анализ смены концепций стратегией безопасности России с 1990-х гг. до 2015 г. Д-р Пюннёнени утверждает: «В 1997 г. Россия явно не имела политических, экономических и военных ресурсов для реализации своих внешнеполитических амбиций. Сегодня же [декабрь 2015 г.] Россия имеет и ресурсы, и политическую волю, чтобы защитить свою национальную безопасность посредством военной силы».²⁰ Адаптация «стратегии безопасности» 2009 года сформировала целый подход правительства с применением жёсткой и мягкой силы, охватывавший, кроме национальной безопасности, повышение уровня жизни граждан, экономический рост, науку, новые технологии, образование, здравоохранение, культуру и изменения климата. СНБ обновлялась соответственно событиям на момент публикации – Грузия, Крым, Донбасс, расширение НАТО.

Кроме мировых событий, десятилетие 2008-2018 гг. отмечено сменой стратегических возможностей и самовосприятия России. Когда на саммите НАТО в 2008 г. репортёры спросили президента Путина о стремлении Украины вступить в НАТО, он ответил, что если Украину «...примут в НАТО, [Украина] просто прекратит существование».²¹ В СНБ 2009 г. эта мысль президента Путина не учтена – в то время у Кремля не было политической воли и военных средств претворить слова президента Путина в действия. Между стратегиями 2009 и 2015 гг. аннексия Крыма Россией и конфликт в Донбассе привели к серьёзным изменениям геополитического ландшафта, одновременно показав миру политическую и военную волю Российской Федерации.

К 2018 г. Россия вновь показала свои политические и военные возможности, применив войска вне традиционной сферы своего влияния. Приглашённый эксперт Московского Центра Карнеги Татьяна Становая писала об изменении самовосприятия России, начавшемся в 2018 г.: «Опьяненный военными успехами России в Сирии, её уникальной ролью в Центральной Азии, возросшим присутствием в Африке и, прежде всего, недавно разработанным «чудо-оружием», Путин перестал чувствовать себя проигравшим,

---

no. 1 (Winter 2010): 35-42, <http://cria-online.org/russias-national-security-strategy-to-2020-a-great-power-in-the-making/>.

¹⁹ Dimitrakopoulou and Liaropoulos, “Russia’s National Security Strategy to 2020.”

²⁰ Katri Pynnöneniemi, “Russia’s National Security Strategy: Analysis of Conceptual Evolution,” *The Journal of Slavic Military Studies* 31 no.2 (2018): 240-256, <https://doi.org/10.1080/13518046.2018.1451091>.

²¹ Ольга Алленова, Елена Гада, Владимир Новиков, «Блок НАТО разошелся на блок-пакеты», *Коммерсантъ*, 7 апреля 2008, <https://www.kommersant.ru/doc/877224>.

но обрёл ощущения человека, который может идти в наступление».²² Стратегии безопасности 2009 и 2015 гг. устанавливали временной горизонт 2020 г. для выполнения задач, поставленных президентскими указами. Цель этих задач безопасности была определена как «...организационно и экономически сильное централизованное государство, имеющее статус суверенной великой державы».²³ Уложившись в сроки стратегий 2009 и 2015 гг. и считая, что «сильное централизованное государство» создано, Кремль сместил фокус СНБ 2021 г. Конечная цель СНБ 2021 г. – восстановить «конкурентоспособность и международный престиж России».²⁴ Политическая воля и способность России защитить свою национальную безопасность военными средствами выросли и пронизывают всю СНБ 2021 года. Ключ подхода Кремля к восстановлению его престижа – в его способности сохранять влияние на своё население и население бывших советских республик, пока ещё не вступивших в Европейский Союз или НАТО.

Изменение с течением времени тона СНБ отражает вторичные и третичные цели стратегических посланий внутренней и международной аудитории о попытках Кремля изменить мировой порядок.²⁵ В СНБ 2009 г. поддержано «...равноправное и полноценное стратегическое партнёрство с Соединёнными Штатами Америки на основе совпадающих интересов».²⁶ В СНБ России 2015 г. США, Евросоюз и НАТО много раз прямо упомянуты как соперники. В СНБ 2021 г. дважды упомянуты США, один раз – НАТО, и ни разу – ЕС. В СНБ 2021 г. вместо США, ЕС и НАТО используется общий термин «Запад», а также «недружественные страны» и «недружественные действия иностранных государств».²⁷ Кроме того, более дружеский тон в отношении США и их союзников в СНБ 2021 г. сменили недружественные обороты в адрес Запада. Джулиан Купер из Центра российских, евразийских и европейских исследований говорит: «Терминология стала более резкой, [...] США и их союзники прямо названы источником угрозы российским ценностям, наряду с транснациональными корпорациями, НПО, религиозными, террористическими и экстремистскими организациями».²⁸ Это изменение, вероятнее всего, связано с представлением Кремля о себе и своем положении в мире. Не называя конкретные враждебные государства и двусмысленно объединяя США, ЕС и НАТО в «недружественные страны», эта терминология

²² Tatiana Stanovaya, “3 Things the World should Know about Putin: The Nature of Putin’s Russia Has Changed Drastically in the Last Few Years,” *Foreign Policy*, January 27, 2022, <https://foreignpolicy.com/2022/01/27/putin-russia-ukraine-crisis-invasion>.

²³ Kanet, ed., *Routledge Handbook of Russian Security*.

²⁴ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

²⁵ Pynnöniemi, “Russia’s National Security Strategy.”

²⁶ Dimitrakopoulou and Liaropoulos, “Russia’s National Security Strategy to 2020.”

²⁷ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

²⁸ Julian Cooper, “Russia’s Updated National Security Strategy,” *Russian Studies Series 2/21*, NATO Defense College, последнее обновление 19 июля 2021, доступ на 14 октября 2021 г., <https://www.ndc.nato.int/research/research.php?icode=704#>.

укрепляет представление России о том, что она окружена одной общей угрозой, с которой Кремль должен бороться, чтобы завоевать престиж в мире.

Разница в эмоциональной окраске Запада в стратегиях 2015 и 2021 годов является показательным индикатором изменения мышления России и выбора времени для её нынешних действий в Украине. Во II разделе СНБ «Россия в современном мире: тенденции и возможности» продвигается мысль о том, что теперь у Кремля есть окно возможностей для изменения «структуры мирового порядка».²⁹ В России считают, что последние 30 лет она действовала с позиции слабости. Учитывая события, приведшие к вторжению в Украину, особенно уход США из Афганистана и внутренние противоречия на Западе (внутренние проблемы США, BREXIT, новое руководство в Германии), Россия решила, что она действует с позиций как минимум паритета со США.³⁰ В отличие от предыдущих стратегий безопасности, в СНБ 2021 г. утверждается, что «страны», имея в виду Запад, и особенно Соединенные Штаты Америки, теряют своё безусловное лидерство и пытаются диктовать свои «...правила другим членам международного сообщества...», прибегая к «недобросовестной конкуренции», односторонним ограничительным мерам (санкциям), «и открыто вмешиваются во внутренние дела суверенных государств».³¹ В СНБ далее подчёркиваются претензии России на своё место в мире. Отмечено, что Россия сохраняет способность защитить свою национальную безопасность внутри страны и за рубежом прежде всего дипломатически, и затем, при необходимости, при помощи «симметричных и асимметричных мер».³² Воображаемый статус России как конкурента в мире является в одинаковой степени декларацией для всего мира и для российского народа. Таким образом, Украина становится площадкой, где Россия может открыто бросить вызов Западу, Альянсу и решимости Запада поддерживать нынешний порядок на основе правил.

В трёх разделах СНБ 2021 г. упомянута роль Украины в стратегии Кремля по повышению своей конкурентоспособности в мире. Речь о ключевой роли Украины в достижении целей России, в частности, идёт в разделах о том, как Россия видит себя в современном мире, и о национальных интересах и приоритетах России. Интересы и приоритеты России поясняют, как Россия планирует обеспечивать свою национальную безопасность. Это специальные подразделы СНБ «Информационная безопасность», «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и историче-

---

²⁹ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

³⁰ “Round-up: Russian Press Focuses on Moscow’s New Signal to West,” *BBC Monitoring*, December 21, 2021.

³¹ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

³² Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

ской памяти» и «Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество».³³ В тексте всех трёх этих подразделов присутствует идея, описанная в Военной доктрине России 2016 г., как «‘действия отдельных лиц’ в качестве одной из внутренних угроз суверенитету, государственной и территориальной целостности России».³⁴ Независимо от конечного результата СНБ, гарантом успеха является российский народ.

Из текста СНБ становится понятным главное препятствие для противодействия России мировому порядку: внутренний конфликт. Боязнь президента России Путина некой аналогии Майдана красной нитью проходит через СНБ 2021 г. Она продолжает аналогичную линию СНБ 2015 г. по защите путинского режима от народного восстания. Анализируя СНБ 2015 г., российские учёные Владимир Гельман и Павел Щелин утверждали, что анализ международной политики в СНБ 2015 г. исходит исключительно из выживания режима. «В то время как в Стратегии 2009 года подчёркивались условия глобальной конкурентоспособности, новая версия [СНБ 2015] не заглядывает вдаль и полна страха перед цветными революциями, в развитие заявлений Путина о Революции на Майдане».³⁵ Как и в СНБ 2015 г., в СНБ 2021 г. лишь раз упомянута «цветная революция»; однако ощущение напряжённости в стране – главная тема разделов СНБ 2021 г. В СНБ 2021 г. конкретно сказано: «Недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения её внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества».³⁶ Реструктуризация и расширение национальных приоритетов подогревают постоянный страх волнений в стране: «Почти все приоритетные направления в [СНБ] 2021 г. содержат критику действий Запада, будто бы подрывающих национальные интересы России».³⁷ В СНБ 2021 г. указан один из путей борьбы с западным влиянием в России и недопущения возможных волнений в стране – к числу национальных приоритетов добавлена «Информационная безопасность».

Информационная безопасность России: защитить режим

На первый взгляд, информационная безопасность, названная в СНБ 2021 г. одним из национальных приоритетов, не ориентирована на информационную войну и вроде бы не касается наступательных информационных опера-

³³ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

³⁴ Pynnöniemi, “Russia’s National Security Strategy.”

³⁵ Kanet, ed., *Routledge Handbook of Russian Security*.

³⁶ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

³⁷ Nivedita Kapoor, “Russia’s New National Security Strategy,” *Observer Research Foundation*, July 7, 2021, доступ на 27 января 2022 г., <https://www.orfonline.org/expert-speak/russias-new-national-security-strategy/>.

ций, в проведении которых Запад регулярно обвиняет Россию. Общая коннотация приоритета информационной безопасности продолжает тему России, находящейся в круговой осаде. В СНБ 2021 г. сказано, что иностранные государства используют информацию для «... дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации», нацеливаясь на российскую молодёжь.³⁸ Новый национальный приоритет информационной безопасности предусматривает апробированный метод контроля некремлёвских информационных нарративов для широких слоёв населения России. Согласно СНБ, Кремль называет любые новости или СМИ, противоречащие путинским, дезинформацией.

Чтобы воспрепятствовать распространению потенциально опасной информации, российская власть создает собственные лживые нарративы по пяти основным темам: Россия – жертва; пересмотр истории; «закат Западной цивилизации»; народные движения как спонсируемые США «цветные революции»; и наконец, реальность такова, какой её хочет видеть Кремль.³⁹ Сопоставление информации и дезинформации со стороны США и России играет важную роль для народной поддержки избирателей и оправдания дальнейших дипломатических или военных шагов. Внутренняя политика в Украине, «специальная военная операция» России в Украине, а также официальные заявления и документы России соответствуют стилю работы, определяемому в военной доктрине для информационной безопасности.

Важно понимать, как США и Россия рассматривают информационную безопасность и как каждая страна действует в сфере информации. Американское определение инструмента информации государственной власти «...ограничивается усилиями правительства США по распространению и сбору информации среди зарубежной аудитории».⁴⁰ С другой стороны, военная доктрина России касательно информационных операций включает две категории: кибероперации, например, хакерство, и операции влияния. Первая касается технических аспектов и включает «перекрытие коммуникаций, кражу данных и слежку за персональными устройствами».⁴¹ Второй компонент информационной безопасности России «... нацелен на когнитивные процессы руководителей и населения противника. Он охватывает психологические манипуляции».⁴² Российские военные стратеги Чекунов и Бог-

---

³⁸ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

³⁹ U.S. State Department, “Russia’s Top Five Persistent Disinformation Narratives,” Fact Sheet, *Office of the Spokesperson*, January 20, 2022, доступ на 28 января 2022 г., <https://www.state.gov/russias-top-five-persistent-disinformation-narratives/>.

⁴⁰ D. Robert Worley, *Orchestrating the Instruments of Power: A Critical Examination of the U.S. National Security System* (Raleigh, NC: Lulu Press, 2012).

⁴¹ David Shedd and Ivana Stradner, “The Curious Omission in Russia’s New Security Strategy,” *Defense One*, August 25, 2021, <https://www.defenseone.com/ideas/2021/08/curious-omission-russias-new-security-strategy/184854/>.

⁴² Shedd and Stradner, “The Curious Omission in Russia’s New Security Strategy.”

данов утверждали: «При нынешней революции в информационных технологиях, информационно-психологическая война во многом заложит основу для победы». Начальник Генерального штаба Вооружённых сил РФ Валерий Герасимов уточнил, что он оценивает соотношение невоенных и военных мер как 4:1.⁴³ В СНБ сказано, что информационная безопасность касается не только «руководителей и населения противника», но и народа самой России. Невоенный и военный успех во многом будет зависеть от того, кто контролирует нарратив.

Урок пересмотра истории от президента Путина

Статья президента Путина – мощный нарратив для внутреннего и международного потребления, использующий элементы СНБ. В разделе СНБ «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» сказано: «Информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета. Участились попытки фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов, ослабления государствообразующего народа».⁴⁴ Чтобы исправить «фальсификации» и «искажение» исторической правды, президент Путин лично написал свою версию истории России и Украины. Президент Путин лаконично изложил мысли и идеи, которыми он периодически делился на протяжении всех лет своего пребывания у власти, в статье «Об историческом единстве русских и украинцев». Президент Путин заявляет: «Чтобы лучше понять настоящее и заглянуть в будущее, мы должны обратиться к истории».⁴⁵ Хотя ученые и академики обнаружили у президента Путина множество исторических неточностей, это – «факты», которые президент Путин использует, чтобы «заглянуть в будущее» Украины как партнёра России, и нарратив, по которому действует Кремль.

Президент Путин начинает своё эссе утверждением, что «...русские и украинцы – один народ, единое целое».⁴⁶ Если представить, что украинцы и русские – «один народ», то традиционные русские духовно-нравственные ценности, упомянутые в СНБ, в равной степени относятся ко всем русским, белорусам и украинцам в силу их «братских связей». Тогда гражданство ничего не значит в сравнении с русской идентичностью. Эта русская идентичность и «культурный суверенитет» определяются в СНБ культурой, духовно-нравственными ценностями, языком и общей историей.⁴⁷ СНБ далее определяет эти свойственные россиянам ценности как «жизнь, достоинство,

---

⁴³ Shedd and Stradner, “The Curious Omission in Russia’s New Security Strategy.”

⁴⁴ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

⁴⁵ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

⁴⁶ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

⁴⁷ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».⁴⁸ Президент Путин подчёркивает, что украинцы подвергаются «принудительной смене идентичности», а Запад принуждает их «отречься от своих корней».⁴⁹ Он продолжает: «Не будет преувеличением сказать, что курс на насильственную ассимиляцию, на формирование этнически чистого украинского государства, агрессивно настроенного к России, по своим последствиям сравним с применением против нас оружия массового поражения».⁵⁰ В статье президента Путина, как и в подписанной им в июле 2021 г. СНБ, утверждается, что Запад и другие «недружественные страны» виновны во вмешательстве в украинские дела и в соучастии в отторжении этнических русских.

Взгляд президента Путина на историю содержит дополнительный анализ причин «украинизации» Украины. Президент Путин описывает украинизацию как развитие «украинской культуры, языка, идентичности» отдельно от большой русской нации.⁵¹ Он возлагает вину прежде всего на большевиков и их социальные эксперименты. И в тоже время президент Путин заявляет, что украинизация началась намного раньше большевиков, когда польская верхушка и австро-венгры внедрили «... представления об отдельном от русского украинском народе».⁵² Продвижение президентом гипотезы о том, что понятие украинского народа и культуры выдумали внешние силы, подкрепляет идею Путина о вмешательстве Запада во внутренние дела Украины. Президент Путин отказывается принять, что украинский народ сам, по собственной воле ставит высокие цели организации либерально-демократического управления, аналогично другим бывшим советским республикам, которые сейчас входят в ЕС. Эта мысль легитимизирует цветные революции и противоречит концепции украинизации. Она же сводит на нет любые оправдания, которыми Кремль мог бы воспользоваться, заступаясь за правоверных русских, которым «...стали грозить этническими чистками и применением военной силы».⁵³

Наряду с западной либеральной моделью, президент Путин обвиняет нынешнее руководство Украины в якобы принуждении русских к ассимиляции в новом украинском государстве. А вот фраза из другого контекста, в

---

⁴⁸ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

⁴⁹ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

⁵⁰ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

⁵¹ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

⁵² Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

⁵³ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

равной степени описывающая отношение Кремля к руководителям Украины: они просто «меньшинство, притворяющееся большинством».⁵⁴ На заседании Валдайского клуба в 2021 г. президент Путин заявил, что «... молчаливое большинство за них [нынешнее руководство Украины] голосовало в надежде на то, что будут исполняться данные предвыборные обещания, но немолчаливое агрессивное меньшинство националистическое подавляло всяческую свободу принятия ожидаемых населением Украины решений».⁵⁵ Подход «кто кого» к проводимой Украиной политике, которая потенциально может быть направлена против этнических русских, дает Кремлю обоснование своих внешнеполитических целей. В СНБ сказано, что для достижения внешнеполитических целей Российской Федерации Кремль может оказывать «... поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, в том числе права на сохранение общероссийской культурной идентичности, обеспечение защиты их интересов».⁵⁶ Этно-националистический подход президента Путина к Украине является главным поводом для действий Кремля против Украины.

Общий посыл статьи президента Путина состоит в том, что наследники древней Руси – Россия, Беларусь и Украина, или, как он выражается в своей статье, Великороссия (Великая Россия – географически, нынешняя Россия), Беларусь, Малороссия (Малая Россия – географически, нынешнее государство Украина), и Новороссия (Новая Россия – земли Юга/Юго-Востока Украины, выходящие к Черному и Азовскому морям и границам России) – были «многообразны по своему этническому и религиозному составу», но симбиотически работали на формирование общероссийской нации.⁵⁷ Президент Путин прежде всего возлагает вину на большевиков, за то, что они разрушили эту присущую России идентичность и отношения сотрудничества. Он утверждает, что «... современная Украина – целиком и полностью детище советской эпохи», а большевики «... произвольно нарезали границы, раздавали щедрые территориальные ‘подарки’». Президент Путин заключает, что «Россия фактически была ограблена» большевиками.⁵⁸

В 1991 г. три государства-основателя Советского Союза (Российская Федерация, Беларусь и Украина) подписали Беловежские соглашения, или Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, где была статья о том, что они «... признают и уважают территориальную целостность друг друга [по состоянию на 1991 г.] и неприкосновенность существующих

---

⁵⁴ Elder L. Tom Perry, “Why Marriage and Family Matter – Everywhere in the World,” *The Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints*, April 2015, доступ на 8 декабря 2021, <https://www.churchofjesuschrist.org/study/general-conference/2015/04/why-marriage-and-family-matter-everywhere-in-the-world>.

⁵⁵ Заседание дискуссионного клуба «Валдай», октябрь 2021 г.

⁵⁶ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

⁵⁷ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

⁵⁸ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

границ в рамках содружества».⁵⁹ Президент Путин, однако, утверждает, что Беловежские соглашения не имеют юридической силы, потому что большевики отторгли от России исторические территории. Единственным правовым выходом для государств-основателей СССР было бы «... вернуться в те границы, в которых они вступили в состав Союза» в 1922 г.⁶⁰ Иными словами, передача Никитой Хрущёвым Крыма Украине в 1954 г. была «... грубым нарушением правовых норм», а поэтому Россия оправданно аннексировала полуостров в 2014 г.⁶¹ Важным упущением в аргументации президента Путина является Алма-Атинская декларация. Менее чем через две недели после того, как три крупнейших бывшие советские республики подписали Беловежские соглашения, 11 бывших советских республик, включая Россию, Украину и Беларусь, подписали Алма-Атинскую декларацию. Эта декларация подтверждает статьи Беловежских соглашений. В ней декларируется «... взаимное признание и уважение государственного суверенитета и суверенного равенства, неотъемлемое право на самоопределение, принципы равноправия и невмешательства во внутренние дела, отказ от применения силы и угрозы силой, экономических и любых других методов давления, мирное урегулирование споров, уважение прав и свобод человека, включая права национальных меньшинств, добросовестное выполнение обязательств и других общепризнанных принципов и норм международного права; ... территориальной целостности друг друга и нерушимости существующих границ».⁶² Юридический аргумент Путина, ставящий под сомнение действительность прошлых договоров для оправдания своих действий в Украине, в теории может в равной степени быть применён к любому прошлому договору со всеми бывшими советскими республиками.

Отказ президента Путина от соглашений, заключенных при распаде Советского Союза, на правовых основаниях – лишь часть аргументации Кремля. Альтернативное оправдание пересмотра прошлых соглашений согласуется с идеей президента Путина о пересмотре постсоветского урегулирования с позиции, которой у России не было в начале 1990-х гг. Кремль считает пересмотр прошлых договоров правом самопровозглашённой мировой державы. Говоря о проекте договора со США от декабря 2021 г. и проекте соглашения с НАТО на недавней коллегии Минобороны, президент Путин заявил, что даже письменные обязательства Запада ничего не гарантируют, поскольку «Запад легко отказывается от любых договоренностей».⁶³

---

⁵⁹ Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, *Интернет-портал СНГ – Пространство интеграции*, 8 декабря 1991 г., <https://e-cis.info/page/3373/79405/>.

⁶⁰ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

⁶¹ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

⁶² Commonwealth of Independent States, “Alma-Ata Declaration,” December 21, 1991, Alma Ata, доступ на 5 февраля 2022, <https://cis.minsk.by/page/178/alma-atinskaa-deklaracia-g-alma-ata-21-dekabra-1991-goda>.

⁶³ Stanovaya, “3 Things the World should Know about Putin.”

Конкретное обязательство, которое упоминает президент Путин, касается расширения НАТО. В 1990 г., во время объединения Германии, госсекретарь США Джеймс Бейкер уверял Михаила Горбачева, что НАТО не будет продвигаться «на восток ни на дюйм».⁶⁴ Хотя США и Советский Союз не подписывали формальный договор о нерасширении НАТО, Кремль рассматривал расширение НАТО как нарушение устной договорённости Бейкера с Горбачёвым. Поэтому президент Путин считает, что если Вашингтон и Брюссель могут интерпретировать соглашения в соответствии со своими потребностями, то и Москва, как равная, тоже может пересмотреть соглашения, заключенные при ликвидации Советского Союза. Но пересмотр письменных договоров угрожает нерушимости всех договоров, подписанных Российской Федерацией. Такие действия могут выйти из-под контроля, и возникает вопрос, сколько таких договоров и как далеко тут можно зайти. В своей книге *Aggression against Ukraine* Томас Грант заканчивает свои рассуждения о территории, ответственности и международном праве словами: «Проблема с пересмотром территории, когда это делают, ссылаясь на историю, заключается в том, что история есть не у одного государства».⁶⁵ Ревизионистский исторический опус президента Путина сводится к некоторым периодам русской истории, которые президент Путин хочет повторить. Открытый характер этого нарратива применим ко всем договорам, с середины 1800-х гг. и по сей день, с конечной целью сохранения русской культурной идентичности на «исторических русских землях».

Операционный код президента Путина

К сожалению, насколько далеко Кремль пойдёт для защиты «культурного суверенитета» этнических русских, решает президент Путин. Статья его авторства содержит нарратив для русских, украинцев и мирового сообщества. Его поддержка этими группами, особенно среди своих избирателей и пророссийской части населения Украины – это переменная, которую президент Путин должен учитывать при принятии решений. Профессор Центра Джорджа Маршалла д-р Грэм Херд писал об операционном коде президента Путина: «Путин принимает решения, когда выгоды перевешивают затраты, либо когда затраты становятся приемлемыми [...] Путинский расчёт рисков, его восприятие затрат и выгод имеют решающее значение для понимания, когда и почему принимаются стратегические решения».⁶⁶ После вторжения в Украину без ответа остается вопрос, достаточен ли нарратив, который президент Путин транслировал российскому народу и всему миру, чтобы

---

⁶⁴ Jan Eichler, *NATO's Expansion After the Cold War: Geopolitics and Impacts for International Security* (Cham, Switzerland: Springer, 2021).

⁶⁵ Thomas D. Grant, *Aggression Against Ukraine: Territory, Responsibility, and International Law* (New York, NY: Palgrave Macmillan, 2015).

⁶⁶ Kanet, ed., *Routledge Handbook of Russian Security*.

оправдать официальное признание «ДНР» и «ЛНР» и вторжение в суверенную страну.

Критическая проблема с операционным кодом президента Путина при принятии решения о вторжении в Украину заключается в том, что он основан на «его представлениях». Аналогично его извращённому пониманию истории, ошибочное понимание цены и выгоды ведёт к решениям, основанным на ложных посылах. Недавние решения о вторжении в Украину были приняты потому, что президент Путин окружил себя «надёжными» советниками, которые поддакивают ему и формируют «представление», будто цена действий сейчас значительно превосходит цену ожидания в будущем. Наподобие Потёмкинских деревень, которые показывали Екатерине Великой, Путинские советники генерируют потёмкинские оценки украинских реалий.

Сообщая о вторжении в Украину 24 февраля 2022 г. президент Путин заявил, что его главная цель – «защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины».⁶⁷ Термин «денацификация» перекликается с упоминанием Путиным «украинизации» Украины в своём эссе. Страх украинизация и действия президента Путина также напоминают о двояком подходе Сталина к украинским институтам и национальной идентичности в преддверии Голодомора 1932 года. Нет никаких свидетельств, указывающих на то, что Украина дискриминировала или геноцидила русских в Украине или сепаратистских районах Донбасса. Социолог, академик Мартин Шоу определял геноцид как «форму насильственного социального конфликта или войны между вооружёнными организациями, стремящимися уничтожить гражданские социальные группы, и этими группами и другими сторонами, сопротивляющимися такому уничтожению».⁶⁸ В последнем докладе Комиссии ООН по правам человека перед российским вторжением указывалось, что с 2014 г. снижается число гражданских, погибших на Донбассе, и что все смерти связаны с конфликтом.⁶⁹ Иными словами, гибель гражданских – это сопутствующие потери в результате вооружённых столкновений враждующих сторон. Вооружённые силы Украины преднамеренно не атаковали никакую

---

⁶⁷ Владимир Путин, «Обращение Президента Российской Федерации», 24 февраля 2022 г., <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>.

⁶⁸ Amos Fox, “Russo-Ukrainian Patterns of Genocide in the Twentieth Century,” *Journal of Strategic Security* 14, no. 4 (2021): 56-71, <https://doi.org/10.5038/1944-0472.14.4.1913>.

⁶⁹ United Nations Human Rights, “Conflict-Related Civilian Casualties in Ukraine,” Office of the High Commissioner, October 8, 2021, доступ на 8 апреля 2022 г., <https://ukraine.un.org/sites/default/files/2021-10/Conflict-related%20civilian%20casualties%20as%20of%2030%20September%202021%20%28rev%208%20Oct%202021%29%20EN.pdf>.

«гражданскую социальную группу» с целью её уничтожения. Использование президентом Путиным слова «геноцид», вероятно, поясняется его представлением, будто этнические русские в Украине подвергаются «принудительной смене идентичности» вследствие каких-то политико-социальных реформ Киева и его ориентации на Запад.⁷⁰

Представления Путина не соответствуют реальности, что ведёт к дальнейшему отторжению украинского народа, независимо от языка и религии, от России. Вторая заявленная цель нынешней операции – демилитаризация Украины – является воплощением заявления президента Путина, что Украина нелегитимна как государство.⁷¹ Легитимность государства базируется на четырёх компонентах: население, территория, власть и суверенитет. Способность государства осуществлять власть и контролировать определённый географический район критична с точки зрения как территории, так и суверенитета.⁷² Демилитаризация Украины Россией привела бы к ликвидации двух из четырёх компонентов легитимного государства, де-факто отдав Кремлю территорию и суверенитет Украины. Но делегитимизация Украины как суверенного государства без поддержки народа сопряжена с серьёзным риском мятежа и народных восстаний.

Сразу после российского вторжения в Украину президент Путин пояснил, чего он надеется достичь, вторгшись в Украину.⁷³ В выступлении Путина бросается в глаза, что Украина кратко упомянута лишь раз в конце его речи; зато всё внимание сосредоточено на Западе – президент Путин прямо возлагает вину на США. Он говорит, что «НАТО – это только инструмент внешней политики США», и что «... весь так называемый западный блок, сформированный США по своему образу и подобию, весь он целиком и есть та самая 'империя лжи'». ⁷⁴ Президент Путин предъявил обвинения Соединённым Штатам, упомянув экспедиционные операции Запада в Сербии, Ираке, Ливии и Сирии как «вопиющие ... примеры пренебрежения международным правом». ⁷⁵ Формулировки президента Путина продолжают обвинительную риторику СНБ о провале американской и западной системы, основанной на правилах. В качестве альтернативной «великой державы» для подражания Путин предлагает другим странам Россию.

---

⁷⁰ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

⁷¹ Путин, «Обращение Президента Российской Федерации».

⁷² Sumedha Korishetti, "Challenges to State Control of Territory: Comparative Analysis of Yemen, Afghanistan and Myanmar," *Asian Journal of Comparative Politics* 7, no. 1 (2022): 115-131. <https://doi.org/10.1177/20578911211004775>.

⁷³ Путин, «Обращение Президента Российской Федерации».

⁷⁴ Путин, «Обращение Президента Российской Федерации».

⁷⁵ Путин, «Обращение Президента Российской Федерации».

Заклучение

Действия Кремля против Украины с 2014 г. вплоть до нынешней «специальной военной операции» стали авантюрой, направленной против евроатлантического порядка на основе правил. Служба внешней разведки Российской Федерации определяет цели и задачи достижения Россией международного признания и превращения в «... один из влиятельных центров современного мира».⁷⁶ Ярчайшей демонстрацией использования Кремлём элементов Службы, подкреплённых нарративом исторической статьи Путина, стал повод для нападения президента Путина на Украину – защитить «культурный суверенитет» России за рубежом. Защита этнических русских в Украине может оправдывать вторжение в мозг Путина, но умиротворение Украины – лишь промежуточная задача. Желаемая конечная цель России – изменить мировой порядок и более серьёзно противодействовать либеральной демократии Запада.

Российское вторжение в Украину изменило и продолжит менять евроатлантическую безопасность. Миллионы украинских перемещённых лиц и беженцев бегут на запад. Запад вливает миллионы долларов в военную технику и помощь Вооружённым силам Украины. Судя по надвигающемуся сокращению экспорта из Украины и России, маячит мировой продовольственный кризис. Каждый день прибывают иностранные бойцы, воюющие на стороне как Украины, так и России. Действия России безусловно изменили безопасность Европы. Но эти изменения оказались не такими, как хотел президент Путин. Вооружённые силы РФ не смогли достичь в Украине поставленных задач. Военные неудачи России вынудили Кремль прибегнуть к энергетическому шантажу, угрозе применения ядерного оружия и потоку дезинформации. Мировой престиж России сомнителен.

Украина сорвала планы реализации приоритетов национальной безопасности президента Путина. Решимость Украины отстаивать свой суверенитет и территориальную целостность обостряет главную фобию президента Путина – страх цветной революции в России. 16 марта 2022 г., пытаясь заручиться внутренней поддержкой на фоне неудач в Украине, президент Путин предложил руководству Российской Федерации новый социально-экономический план. Подтекст его выступления наводит на мысль, что президент Путин поверил в сентенцию, что «Путин – это Россия, Россия – это Путин». Он заявил: «Коллективный Запад пытается расколоть наше общество, спекулируя на боевых потерях, на социально-экономических последствиях санкций, спровоцировать гражданское противостояние в России».⁷⁷ Упоминание президентом Путиным «социально-экономических последствий» отсылает нас к Службе. На протяжении всей речи он повторяет мантру о подрыве коллективным Западом его власти путём экономического давления. Его послание к избирателям состоит в том, что он знает, как управлять Россией в

---

⁷⁶ Президент России, «О Стратегии национальной безопасности».

⁷⁷ Президент России, Сопение о мерах социально-экономической поддержки регионов, 16 марта 2022 года, <http://kremlin.ru/events/president/news/67996>.

это трудное время. Цель – успокоить население во избежание потенциального раскола между ним и народом России.

Президент Путин также попытался парировать нарратив, будто нынешние экономические трудности связаны с достижением целей его стратегии национальной безопасности. Он отметил: «...происходящие события подводят черту под глобальным доминированием западных стран ... [и] ставят под сомнение ту экономическую модель, которая ... навязывалась развивающимся странам, да и вообще всему миру...».⁷⁸ Нарратив и заявленные цели президента Путина будут меняться по мере ухудшения его положения. Но главное для сохранения власти президента Путина – это Украина. Действия президента Путина в Украине укрепили механизм евроатлантической безопасности и усилили решимость Украины сохранить свободу. В конечном счёте россиянам придётся решать, что такое Россия: Путин, или нечто большее.

С другой стороны, Североатлантический альянс укрепил свои позиции в нынешнем мировом порядке. У Запада появилась общая угроза, и он полон решимости противостоять этой угрозе при помощи беспрецедентных санкций, повышения расходов на национальную оборону и военного сдерживания. Украина буквально стала полем боя, на котором Кремль борется против западной цивилизации.⁷⁹ Своей кровью и стойкостью украинский народ поддерживает авторитет евроатлантического порядка на основе правил.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнерство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторе

Эрик Фабергрэн – специалист по планированию разведки штаба Европейского командования ВС США. В 2021-2022 гг. был научным сотрудником штаба сухопутных войск G-3/5/7 в Европейском центре исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла. Профессиональный офицер военной разведки с опытом работы на тактическом, оперативном и стратегическом уровне. Имеет степень бакалавра по исследованию России и Восточной Европы Военной академии США и магистра оборонных и стратегических исследований Военно-морского колледжа.

Электронная почта: elfagergren@gmail.com

---

⁷⁸ Президент России, Совещание о мерах социально-экономической поддержки регионов.

⁷⁹ Shevtsova, “Russia’s Ukraine Obsession,” 138-147.

Слишком много братской любви? – «Братство» русских и украинцев как нарратив российской пропаганды

Марина Стародубская

Управляющий партнер консалтинговой компании TLFRD,

<https://www.tlfrd.com>

Магистр управления, адъюнкт-профессор Киево-Могилянской Бизнес-школы, <https://www.kmbs.ua>

Аннотация: В данной статье на основе результатов межкультурных исследований показано, что народы Украины и России весьма отличны по шкале индивидуализм-коллективизм, лежащей в основе национальной идентичности. В ней утверждается, что идея русско-украинского братства, по сути – миф, основанный, возможно, на весьма ограниченных культурных деталях или чрезмерно широком описании характера, а не на базовой идеологии общества. Иллюзии братства – это продукт пропаганды, основанной на ряде нарративов о странах (включая Украину), которые Россия считает «сферой своего влияния» и безуспешно пытается вернуть под свой контроль. Ключом к пониманию таких нарративов и их логики служит понимание мотивов России, государства с традициями авторитаризма и стабильно сильным идеологическим неприятием демократических ценностей. Межкультурные исследования дают более глубокое и широкое понимание глубинных отличий между русским и украинским народами. Примерно 50 % различий в национально-культурных ориентациях уникальны для страны и коренятся в устойчивых отличиях траекторий исторического развития. Особенно интересно соотношение индивидуализма и коллективизма в русской и украинской культурах и их влияние на институты, ибо эти параметры относятся к наиболее характерным культурным отличиям. Автор утверждает, что четкие различия в культурах можно увидеть, наблюдая за очевидной эволюцией и разной значимостью институтов.

Ключевые слова: братские народы, Украина, Россия, межкультурное сравнение, ценности, институты.

Вступление

Возможно, никакой иной российский миф об Украине не посеян в нашу память и ментальность так глубоко, как то, что «украинцы и русские – братские народы».¹ Несколько поколений украинцев выросли, будучи уверенными, что у них есть историческое сходство и связь с русскими, которых на самом деле никогда не было. В реальности слова о «братских народах» – продукт пропаганды, основанный на ряде нарративов о странах, которые Россия считает «сферой своего влияния» и безуспешно пытается вернуть под свой контроль. Особенно она хочет сделать «снова своей» Украину.² Понимание мотивов России, государства с традициями авторитаризма³ и стабильно сильным идеологическим неприятием демократических ценностей,⁴ является ключом к пониманию таких нарративов и их логики. Межкультурные исследования дают свидетельства и более глубокое и широкое понимание глубинных отличий между русским и украинским народами. Примерно 50 % различий в национально-культурных ориентациях уникальны. Они коренятся в устойчивых отличиях траекторий исторического развития, несмотря на последствия глобализации и международное экономическое сотрудничество.⁵ Особенно интересно для понимания этих различий соотношение индивидуализма и коллективизма в русской и украинской культурах и их влияние на институты. Эти параметры относятся к наиболее характерным культурным отличиям, то есть определяют многие различия между национальными культурами.⁶ В данной статье мы покажем, используя результаты межкультурных исследований, что народы Украины и России весьма отличны по шкале индивидуализм-коллективизм и отнюдь не «бра-

¹ Irina Khaldarova, “Brother or ‘Other’? Transformation of Strategic Narratives in Russian Television News during the Ukrainian Crisis,” *Media, War & Conflict* 14, no. 1 (2021): 3-20, <https://doi.org/10.1177/1750635219846016>.

² Dmitry Gorenburg, “Russian Foreign Policy Narratives,” *Security Insights*, no. 042 (George C. Marshall European Center for Security Studies, November 2019), <https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/russian-foreign-policy-narratives-0>.

³ “Freedom in the World 2021: Russia,” Freedom House Country Report, 2021, <https://freedomhouse.org/country/russia/freedom-world/2021>.

⁴ Eugene Rumer and Richard Sokolsky, “Grand Illusions: The Impact of Misperceptions About Russia on U.S. Policy,” Paper (Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, June 30, 2021): 23-25, <https://carnegieendowment.org/2021/06/30/grand-illusions-impact-of-misperceptions-about-russia-on-u.s.-policy-pub-84845>.

⁵ Sjoerd Beugelsdijk and Chris Welzel, “Dimensions and Dynamics of National Culture: Synthesizing Hofstede With Inglehart,” *Journal of Cross-Cultural Psychology* 49, no. 10 (November 2018): 1469-1505, 1469, <https://doi.org/10.1177/0022022118798505>.

⁶ Anu Realo, Jüri Allik, and Maaja Vadi, “The Hierarchical Structure of Collectivism,” *Journal of Research in Personality* 31, no. 1 (March 1997): 93-116, <https://doi.org/10.1006/jrpe.1997.2170>.

тью». Учитывая скудность рецензируемых исследований украинской национальной культуры, выводы основаны на научных трудах, данных международных аналитических центров и независимых СМИ.

Как речные берега: каким образом национальная культура формирует и «цементирует» институты страны

Национальная культура формируется веками, под влиянием ландшафта, климата, местоположения страны, войн и правящих режимов, взаимодействия и стратификации в обществе, и сильно зависит от пройденного пути, или, проще говоря, устойчива к переменам.⁷ Национальная культура постоянно даёт конкретные проявления на индивидуальном и общественном уровне. Именно она в первую очередь формирует институты – механизмы общественного выбора, распределения политического влияния и стойких закономерностей поведения. Институты могут быть формальными (правила, законы и механизмы их соблюдения) и неформальными (саморегулирование, кодексы этики и поведения, условности, глубоко укоренившиеся социальные нормы).⁸ Но когда институты развились и укоренились, они сами начинают «направлять» национальную культуру – так, как высокие берега направляют и сдерживают реку – не допуская таким образом быстрых и внезапных культурных сдвигов.⁹ Институты структурируют социальное взаимодействие людей, поддерживая общее правомерное понимание реальности¹⁰ (что происходит, и что из этого следует). Поэтому никакие серьёзные изменения в национальной культуре не возможны без глубоких институциональных изменений.

Возьмём, например, явление коррупции. Связи и кланы появились ещё в царской России и возродились у новых правящих классов в советские времена, а затем и среди политической элиты 1990-х гг. Они охраняли личные интересы участников. Вместе с глубоко укоренившейся традицией «правового нигилизма»,¹¹ они подрывают функции чиновничества и по сей день

⁷ Beugelsdijk and Welzel, “Dimensions and Dynamics of National Culture,” 1497-1498.

⁸ Daron Acemoglu, Simon Johnson, and James A. Robinson, “Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth,” in *Handbook of Economic Growth*, vol. 1A, edited by Philippe Aghion and Steven N. Durlauf (Amsterdam and Boston: Elsevier, North-Holland, 2006), 385-472, <https://economics.mit.edu/sites/default/files/publications/institutions-as-the-fundamental-cause-of-long-run-.pdf>.

⁹ Alberto Alesina and Paola Giuliano, “Culture and Institutions,” *Journal of Economic Literature* 53, no. 4 (December 2015): 898-944, 901-904, <http://dx.doi.org/10.1257/jel.53.4.898>.

¹⁰ Alexander Fürstenberg, Sebastian Starystach, and Andrzej Uhl, “Culture and Corruption: An Experimental Comparison of Cultural Patterns on the Corruption Propensity in Poland and Russia,” *European Journal of Criminology* (2022), 5-6, <https://doi.org/10.1177/14773708221081017>.

¹¹ Manabu Suhara, “Corruption in Russia: A Historical Perspective,” in *Democracy and Market Economics in Central and Eastern Europe: Are New Institutions Being Consolidated?* ed. Tadayuki Hayashi (Sapporo: Hokkaido University, 2004), 383-403.

служат кормушкой для коррупции.¹² Базовый принцип коррупции в России – «плати тем, кто выше тебя в иерархии, и будь лоялен, работая на своё обогащение».¹³ Коррупция – это путь наверх по социальной лестнице, попутное укрепление связей с «нужными» людьми и выплата «ренты» тем, кто выше, в знак лояльности. В таком обществе расположить к себе тех, кто наверху, гораздо важнее, чем «выполнять свою работу». Пока сохраняется модель этих неформальных непрозрачных отношений, она будет препятствовать развитию и функционированию формальных, прозрачных институтов.

В Украине коррупция имеет иные институциональные причины. Она коренится преимущественно в неверии в способность государственных институтов системно выполнять свои функции. Когда территория Украины была поделена между Австро-Венгрией и Россией, эти части развивались разными путями: на Западе Габсбурги покровительствовали украинцам в противовес полякам, а на Востоке Романовы подавляли всякую местную идентичность. Поэтому разные взгляды на геополитическую роль Украины и голосование на выборах и сегодня сохраняются на этих территориях. Одна тяготеет к России, другая – к Европе по своей национальной идентичности, культурной ориентации, силе общественных связей и гражданской активности, что ежедневно проявляется через неформальные институты, такие, как семья и местное сообщество.¹⁴ Будучи главными «кругами доверия», семья и местное сообщество остаются самыми мощными неформальными институтами в Украине, в то время как институты власти имеют наинизшие рейтинги доверия с 1991 г., когда Украина обрела независимость, и по сей день: до российского вторжения в феврале 2022 г. 37,5 % украинцев доверяли институтам государства, 19,8 % доверяли судам, 34,6 % доверяли полиции, и 30,1 % доверяли другим украинцам, которых они впервые видят (кроме Вооружённых сил с уровнем доверия 70,1%).¹⁵

---

¹² Susanne Schattgenberg, "Korruptes Rußland? Russische Verwaltungskultur im 19. Jahrhundert," *Themenportal Europäische Geschichte* (2007), www.europa.clio-online.de/Portals/_Europa/documents/B2007/E_Schattgenberg_Beamte.pdf.

¹³ Noah Buckley, "Corruption and Power in Russia," *Russia Political Economy Project* (Foreign Policy Research Institute, April 2018): 9-12, <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/04/Buckley.pdf>.

¹⁴ Leonid V. Peisakhin, "Living Historical Legacies: The 'Why' and 'How' of Institutional Persistence – The Case of Ukraine," *SSRN*, September 1, 2010, 4-7, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1666548>.

¹⁵ *Ukraine in World Values Survey 2020: Resume of the Analytical Report* (Kyiv, Ukraine: NGO Ukrainian Centre for European Policy, 2020), 5-8 https://ucep.org.ua/wp-content/uploads/2020/11/WVS_UA_2020_report_ENG_WEB.pdf.

«Слоёный пирог» национальной культуры: как её можно изменить, и почему это так долго?

Чтобы понять, как может меняться национальная культура, следует рассмотреть три ее уровня, которые дополняют друг друга и имеют разные периоды «изменений»: (1) базовые представления, (2) убеждения и ценности; (3) нормы поведения и артефакты.

Для заметного сдвига в национальной культуре должны произойти изменения на самом глубоком уровне – «базовых представлений»,¹⁶ смыслообразующих шаблонов, которые общество воспроизводит «по умолчанию» из поколения в поколение, для изменения которых нужны века.¹⁷ Например, к базовым представлениям украинской национальной культуры относится свобода (воля) – возможность принимать важные решения без давления и принуждения,¹⁸ что характеризуется прежде всего гибким и необязательным подходом к правилам и ограничениям,¹⁹ где равенство, справедливость и ответственность менее важны, чем свобода.²⁰ В то же время среди базовых представлений русской национальной культуры – несамостоятельность населения при принятии решений и насилие как средство достижения послушания и уважения. Модели взаимодействия «вертикальны», принудительны, а не «горизонтальны» и основаны на диалоге:²¹ «принуждение вместо убеждения», «внушение вместо объяснения», и «компромисс – это слабость».²²

Следующий уровень проявления национальной культуры в социальном взаимодействии и индивидуальном осмыслении содержит «убеждения и

---

¹⁶ Kwasi Dartey-Baah, “The Impact of National Cultures on Corporate Cultures in Organisations,” *Academic Leadership: The Online Journal* 9, no. 1 (Winter 2011), статья 47, 5, <https://scholars.fhsu.edu/alj/vol9/iss1/47/>.

¹⁷ Ronald Inglehart and Wayne E. Baker, “Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values,” *American Sociological Review* 65, no. 1 (February 2000): 19-51, 40-50, <https://doi.org/10.2307/2657288>.

¹⁸ S. Kolyshko, M. Parashchevyn, and V. Yavorsky, “What Ukrainians Think of Human Rights: Assessment of Change” (Kyiv, Ukraine: Center for Information on Human Rights and Democratic Initiatives Foundation, 2018), 15-18, <https://dif.org.ua/uploads/pdf/19484532155c0fae449caba5.69437042.pdf>.

¹⁹ William David Brice and Wayne D. Jones, “The Cultural Foundations of Family Business Management: Evidence from Ukraine,” *Eurasian Journal of Business and Economics* 1, no. 1 (2008): 3-23, 18, www.ejbe.org/EJBE2008Vol01No01p03BRICE-JONES.pdf.

²⁰ Kolyshko, Parashchevyn, and Yavorsky, “What Ukrainians Think of Human Rights,” 15-18.

²¹ Valery Chirkov, et al., “Differentiating Autonomy from Individualism and Independence: A Self-Determination Theory Perspective on Internalization of Cultural Orientations and Well-Being,” *Journal of Personality and Social Psychology* 84, no. 1 (2003): 97-110, 100, 103, 104, <https://doi.org/10.1037/0022-3514.84.1.97>.

²² Richard D. Lewis, *When Cultures Collide: Leading Across Cultures* (Boston/London: Nicholas Brealey International, 2006), 372-379, <http://www.utntyh.com/wp-content/uploads/2011/11/When-Cultures-Collide.pdf>.

ценности» – мотивирующие принципы, «сигнализирующие» как нужно взаимодействовать с окружением в конкретных ситуациях. Для их изменения нужны десятилетия.²³ Многочисленные исследования, в частности, Ингельгарта, Бейгелсдейка и Велцеля, показывают, что хотя убеждения и ценности меняются, эти изменения не радикальны и идут по пути, определённого базовыми представлениями конкретной национальной культуры.

Основные отличия в убеждениях и ценностях украинцев и русских проявляются через отношение к понятию руководства, самостоятельности и национальной идентичности, подкрепленное наследием авторитаризма в России²⁴ и отсутствием такого наследия в Украине:²⁵

- *Правители/руководители*: В русской культуре способность доминировать, ломая писанные и неписанные правила, вмешиваться в предпочтения подчинённых без потребности что-либо объяснять им²⁶ — ключевые признаки авторитета, а подчинение своих интересов интересам старших членов «своей группы» не только нормально, но и ожидаемо по умолчанию.²⁷

В украинской культуре руководитель пользуется авторитетом, если подчинённые верят, что он учитывает их интересы при принятии решений – эта вера была частью институциональной ткани страны даже в советские времена.²⁸ Если руководитель утрачивает легитимность, его можно свергнуть, что регулярно и случилось в истории Украины, включая три революции («на граните» в 1990 г.; «Оранжевая революция» 2004 г. и «Евромайдан» 2014 г.) только за последние 30 лет.

- *Самостоятельность населения при принятии решений*: Согласно данным GLOBE Project, к важным практическим проявлением ценностей русской национальной культуры относится невозможность получить желаемый результат без агрессии, слабый учёт социально-

²³ Beugelsdijk and Welzel, “Dimensions and Dynamics of National Culture,” 1485-1487.

²⁴ Ben Judah, “The Terrible Truth So Many Experts Missed about Russia,” *Slate*, February 28, 2022, <https://slate.com/news-and-politics/2022/02/ukraine-invasion-putin-is-ruling-alone.html>.

²⁵ Nataliya Kibita, “‘Why Isn’t Ukraine Authoritarian?’ Asks Nataliya Kibita,” Ukrainian Research Institute (HURI), Harvard University, July 11, 2019, <https://huri.harvard.edu/news/why-isnt-ukraine-authoritarian-asks-nataliya-kibita>.

²⁶ Marlies Glasius, “What Authoritarianism Is ... and Is Not: A Practice Perspective,” *International Affairs* 94, no. 3 (May 2018): 515-533, 525, <https://doi.org/10.1093/ia/iyy060>.

²⁷ Maaja Vadi and Michael Vereshagin, “The Deposit of Collectivism in Organizational Culture in Russia: Some Consequences of Human Resources Management,” *Baltic Journal of Management* 1, no. 2 (May 2006): 188-200, 190-192, <https://doi.org/10.1108/17465260610663881>.

²⁸ Kibita, “‘Why Isn’t Ukraine Authoritarian?’.”

этических принципов, ориентация на проблемы, а не на исполнение, и недостаток человечности – как в целом, так и в отношении начальника с подчинёнными.²⁹ Проще говоря, желаемое состояние русских масс можно описать как «выученная безнадёжность». Жизненно важные решения делегируют узкому кругу, «верхушке» данного сообщества и затем «спускают» вниз для исполнения, не заботясь об обсуждении или убеждении – всё это свойственно авторитарным государствам.³⁰

В украинском обществе возможность принимать важные решения без давления и принуждения – важный критерий качества жизни, в основном из-за традиции разрешения политических разногласий путём переговоров (а не укрепления власти)³¹ и сильного регионального распределения политической власти.³² Украинская культура, даже коллективистская и иерархичная, характеризуется 56 % граждан, ожидающих от власти обеспечения равных условий и возможностей при ответственности каждого за их использование, а четыре главные ценности (после свободы) – справедливость, безопасность, равенство и достоинство.³³

- *Национальная идентичность*: После распада СССР Россия растеряла остатки национальной идеи, которая ранее строилась на сохранении «величия» страны путём подчинения других стран. С тех пор Россия пыталась «снова стать великой», «спасая русскоговорящее население» в соседних странах, считая их «младшими братьями», которых надо «вернуть домой».³⁴ Последний живой пример отсутствия национальной идеи в России – явление «победобесия»: этот мем означает одержимость воображаемой победой России в «Великой отечественной войне» и утверждения, что в этой войне победил «один народ», тем самым отрицая роль Украины в этом фундаментальном событии. Он проявляется в нарративах российской пропаганды, направленных на оправдание ее попыток принудительно

---

²⁹ “Culture and Leadership Study (2004),” Globe Project, <https://globeproject.com/results/countries/>.

³⁰ В 2021 г. Freedom House присвоил России глобальный рейтинг свободы 20 из 100, рейтинг свободы прессы организации «Репортеры без границ» поставил Россию на 155-е место из 180 стран, а индекс демократии Economist Intelligence Unit отнёс России 124-е место из 167 стран.

³¹ Bohdan Ben, “Why Has Ukraine Succeeded as a Democracy, Contrary to Russia and Belarus?” *Euromaidan Press*, March 7, 2021, <https://euromaidanpress.com/2021/03/07/why-is-ukraine-a-democracy-huri-conference/>.

³² Kibita, ““Why Isn’t Ukraine Authoritarian?””

³³ Kolyshko, Parashchevyn, and Yavorsky, “What Ukrainians Think of Human Rights,” 15-18.

³⁴ Robert Person and Michael McFaul, “What Putin Fears Most,” *Journal of Democracy* 33, no. 2 (April 2022): 18-27, <https://www.journalofdemocracy.org/articles/what-putin-fears-most/>.

навязать Украине пророссийские ценности и культуру и противопоставить Россию и ее «младших недоразвитых ‘братьев’ [Украину, Беларусь, Молдову] ‘коллективному Западу’».³⁵

Украина никогда не проявляла признаков имперских амбиций или черт. Напротив, в ее национальной культуре глубоко укоренено презрение ко всему авторитарному, а национальная идея (пусть не формализованная и еще не легитимизированная общенациональными общественными дискуссиями) всегда вращалась вокруг свободы (воли), выбора и отсутствия принуждения. В частности, после распада СССР в Украине не возникло всеобъемлющей недемократической национальной идентичности. Конечно, существуют разные представления и источники национальной идентичности, но ни одно из них не является обязательным, чтобы монополизировать власть и навязать свои взгляды и видение всему обществу.³⁶

Самый заметный уровень национальной культуры – «*нормы поведения и артефакты*»,³⁷ включая ожидания, нормы и символы, которые обозначают желательные и нежелательные форматы социальных взаимодействий и для изменения которых нужны годы. Поведение и артефакты относительно более подвержены изменениям на всех уровнях национальной культуры, но это изменение поверхностно, а не фундаментально. Ни временные изменения в поведении, ни мимикрия, ни общие убеждения и ценности (даже под давлением) не могут изменить национальную культуру, пока не изменятся ее базовые представления.

Среди наиболее ярких различий в нормах поведения русских и украинцев — волеизъявление и самовыражение во время опасности и невзгод. С 24 февраля 2022 г. Россия с населением около 140 миллионов человек демонстрирует поразительную пассивность населения и отсутствие массовых протестов, в то время как Украина, где проживает в четыре раза меньше людей, чем в России, только за последние 30 лет пережила три революции, глубоко затронувшие общество. Впрочем, ничего удивительного в таком положении вещей нет. Россия относится к числу наиболее атомизированных (инконгруэнтных) обществ мира, где, как показывают приведенные ниже исследования, гражданин является «подданным», лишенным выбора системного воздействия на свою жизнь и иллюзий его наличия.

³⁵ Stephen Hutchings and Joanna Szostek, “Dominant Narratives in Russian Political and Media Discourse during the Ukraine Crisis,” *E-International Relations*, April 28, 2015, <https://www.e-ir.info/pdf/55707>.

³⁶ Yitzhak M. Brudny and Evgeny Finkel, “Why Ukraine Is Not Russia: Hegemonic National Identity and Democracy in Russia and Ukraine,” *East European Politics and Societies* 25, no. 4 (November 2011): 813-833, 817-820, 828, <https://doi.org/10.1177/0888325411401379>.

³⁷ Dartey-Baah, “The Impact of National Cultures on Corporate Cultures in Organisations,” 5.

Это особенно видно из данных исследований InfoSapiens,³⁸ указывающих на пассивность россиян, что проявляется в признании 36 % русских о неспособности повлиять на собственную жизнь (18 % украинцев считают так же) и 38 % русских – о способности влиять на свою жизнь (53 % украинцев считают так же). Еще один фактор, подтверждающий их пассивность – неготовность россиян предпринять какие-то конкретные действия, чтобы остановить «специальную операцию». Хотя 30 % из них считают, что «Россия [кто именно?] должна прекратить «специальную операцию», лишь 19 % сказали, что они остановили бы «специальную операцию», если бы это решение зависело от них. Более того, несмотря на многочисленные публичные уверения о «стремлении к миру», указанные исследования показывают, что 66% русских поддерживают «специальную операцию» в Украине, 71% считают «специальную операцию» справедливой, 69 % чувствуют гордость, и 64 % уверены в «специальной операции». Лишь 12 % русских стыдно за «специальную операцию».

Приведённые выше данные InfoSapiens показывают различие русских и украинцев в присущих им нормах поведения и артефактах. Русские в основном считают себя «жертвой» обстоятельств, что указывает на более глубокую внешнюю локализацию контроля и делегирования ответственности за принятие решений внешним силам, в данном случае – президенту Путину. Глубокое недоверие украинцев к власти как формальному институту порождает крайне критическое отношение к её действиям в мирное время, но во время кризиса (войны) общество консолидируется перед лицом опасности. Например, рейтинг президента Зеленского среди людей с устойчивыми политическими предпочтениями вырос с 26 % до февраля 2022 г. до 82 % в апреле 2022 г.

Исследование VoxUkraine показывает резкие различия в предпочтении свободы и демократических либеральных ценностей у русских и украинцев. В частности, в 2020 г. украинцы сочли свободу самой главной ценностью, по сравнению даже с равенством и безопасностью. Для 70 % свобода была предпочтительнее равенства, для 30 % – предпочтительнее безопасности. В России 55 % предпочли свободу равенству и 24 % – безопасности. Для понимания этих данных важно учитывать, что в глазах украинцев свобода сочетается с низким уровнем насилия – лишь 10 % считают, что для достижения справедливости нужна война, а в России так думают больше 25 %. Кроме того, демократию считают обязательной формой правления 82 % украинцев и 74 % русских.³⁹

---

³⁸ Elena Koneva, Alexander Chilingaryan, and Inna Volosevych, “Mirror of the ‘Military Operation,’” *InfoSapiens* (2022), 6-10, https://www.sapiens.com.ua/publications/socpol-research/230/Mirror_ENG_1_06.pdf.

³⁹ Larysa Tampilina, “What Makes Us, Ukrainians, Different from Russians? Aspirations for Freedom, Liberal Democracy, and Inclusive Society as the Primary Markers for the Ukrainian-Russian Divide!” *VoxUkraine*, March 24, 2022, <https://voxukraine.org/en/what-makes-us-ukrainians-different-from-russians-aspirations-for-freedom-liberal->

Если бы не глубоко укоренившееся в России авторитарное наследие, можно было бы утверждать, что приведенные выше данные отражают поликультурность и многонациональность страны. Однако, принимая во внимание сильную внешнюю локализацию контроля у россиян, на жизнь которых в подавляющем большинстве случаев влияют внешние силы и обстоятельства, нормы поведения и артефакты, описанные в исследованиях InfoSapiens и VoxUkraine, по-видимому, прочно опираются на отсутствие субъектности и делегирование принятия решений – вынужденную пассивность, говоря простым языком.⁴⁰

“Стиральная машина у меня есть, на даче сделал ремонт, где моя империя?”⁴¹

Если Россия и Украина столь различны, то почему некоторые ведущие системы анализа национальных культур (в частности, Хофстеде,⁴² GLOBE, Тромпенаарс,^{43,44,45} Холл^{46,47}) считают, что эти две страны имеют схожие культурные измерения и траектории развития ценностей? Причина таких, казалось бы, идентичных представлений кроется в фокусе исследований Хофстеде, Тромпенаарса и авторов GLOBE, которые рассматривают каждую культуру как общий набор основных ценностей, определяющих поведение

---

democracy-and-inclusive-society-as-the-primary-markers-for-the-ukrainian-russian-divide/.

⁴⁰ Fons Trompenaars and Charles Hampden-Turner, *Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business* (London: Nicholas Brealey, 2000), 54-155.

⁴¹ Цитата из интервью Константина Эггерта, политического обозревателя телеканала «Дождь», для <https://hromadske.ua>.

⁴² “Hofstede Insights: Country Comparison – Ukraine and Russia,” *Hofstede Insights*, <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/russia,ukraine/>.

⁴³ Janez Prašnikar, Marko Pahor, and Jasna Vidmar Svetlik, “Are National Cultures Still Important in International Business? Russia, Serbia and Slovenia in Comparison,” *Management* 13, no. 2 (2008): 1-26, 16, <https://hrcak.srce.hr/file/46579>.

⁴⁴ Laura Deichmann and Line Bohn, “Scandinavian Management across Cultures: An Empirical Study of Cultural Differences between Denmark and Ukraine,” Master Thesis (May 15, 2017), 181-182, https://research-api.cbs.dk/ws/portalfiles/portal/60763285/311145_Laura_Line_master_thesis_2017.pdf.

⁴⁵ Trompenaars and Hampden-Turner, *Riding the Waves of Culture*.

⁴⁶ World Population Review 2022, “High Context Countries 2023,” <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/high-context-countries>.

⁴⁷ Seppo Tella, “The High Context vs. Low Context Cultures,” in *Two Cultures Coming Together*, ed. Seppo Tella, Part 3. Theory and Practice in Communicative Foreign Language Methodology, *Studia Paedagogica* 10 (Helsinki, Finland: Department of Teacher Education, Vantaa Institute for Continuing Education, University of Helsinki, September 1996), 22-28, https://www.researchgate.net/publication/339553785_The_High_Context_vs_Low_Context_Cultures.

их представителей; однако каждая система отличается определением этих ценностей.⁴⁸

Хофстеде определяет культуру как «коллективное программирование разума, которое отличает членов одной группы или категории людей от другой... системы ценностей являются ключевым элементом культуры», а ценности – как «широкие тенденции предпочтения некоторого положения дел другому..., системы или иерархии, которые не обязательно должны находиться в состоянии гармонии: большинство людей одновременно разделяют несколько противоречивых ценностей».⁴⁹

Тромпенаарс определяет культуру как «способ, которым группа людей решает проблемы и улаживает дилеммы... она организует ценности в ментальные программы», а ценности – как «более глубокий слой культуры... дающий определения добра и зла».⁵⁰

У GLOBE культура определяется как «общие мотивы, ценности, убеждения, идентичности и интерпретация или понимание значимых событий, которые являются результатом общего опыта членов коллективов, передаваемого из поколения в поколение», а ценности – как «одобряемые культурой ожидания [поведения]».⁵¹

Холл определяет культуру как «общение; общение – это и есть культура». Его исследования сосредоточены на проявлениях культуры на микроуровне, в частности, на передаче скрытого смысла в «контексте» сопутствующих обстоятельств. По логике Холла, значение, передаваемое высококонтекстными культурами, должно интерпретироваться с учетом его контекста (отношений, предшествующей истории, ситуации, статуса, времени, места и т. д.). Напротив, низкоконтекстные культуры передают значение в основном через слова, а сопутствующие обстоятельства не важны для его интерпретации.⁵²

Ни один из упомянутых подходов прямо не фокусируется на влиянии формальных и неформальных институтов страны на отличия ценностных ориентиров поведения при изучении конструкторов более высокого порядка. В объяснениях действия компонентов национальной культуры институты

---

⁴⁸ Peter Magnusson et al., “Breaking Through the Cultural Clutter: A Comparative Assessment of Multiple Cultural and Institutional Frameworks,” *International Marketing Review* 25, no. 2 (April 2008): 183-201, <https://doi.org/10.1108/02651330810866272>.

⁴⁹ Geert H. Hofstede, *Culture’s Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*, 2nd ed. (Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001), 30-38.

⁵⁰ Trompnaars and Hampden-Turner, *Riding the Waves of Culture*, 13-23.

⁵¹ GLOBE Project, “Global Leadership & Organizational Behavior Effectiveness,” https://GLOBEProject.com/study_2004_2007#data.

⁵² James W. Neuliep, “The Cultural Context,” in *Intercultural Communication: A Contextual Approach*, 8th Ed., Chapter 2 (Thousand Oaks, United States: SAGE Publications, 2020), 61-67.

упоминаются как влияющий фактор, один из трех дифференциаторов национальной культуры; два других – это идентичность и ценности.⁵³

Институты страны играют решающую роль в том, как ее ценности и убеждения проявляются в повседневном поведении – в первую очередь, институты, сформированные культурой страны.⁵⁴ Допустим, формальные институты страны эффективны (выполняют свою функцию без необходимости «обходить» их), легитимны (принимаются гражданами, а не навязаны им), ориентированы на общество (а не самосохранение любой ценой), конгруэнтны (не противоречат социальным нормам) и подотчетны (имеются сдержки и противовесы). В этом случае они будут функционировать иначе и формировать другое поведение, чем если бы указанные характеристики были противоположными.⁵⁵ Иными словами, формальные институты эффективны, только если они соответствуют убеждениям, ценностям и социальным нормам страны, формирующим модели поведения, характерные для данной национальной культуры.

Далее цитируемое исследование показывает, что ключевые (но не все) различия между культурами России и Украины касаются институционально «запрограммированных» культурных измерений на общественном и индивидуальном уровнях, хотя некоторые (не все) измерения культур этих двух стран имеют одинаковый рейтинг.

В системе Хофстеде показано, что Украина и Россия имеют сопоставимые уровни удалённости от власти (толерантность к неравенству власти в обществе), избегания неопределенности (насколько опасны неоднозначные ситуации) и долгосрочной ориентации (сила связей между прошлым и настоящим, степень прагматизма в следовании традициям).⁵⁶ В системе Тромпенаарса обе страны – коллективистские, партикуляристские, эмоциональные, склонны относить события на чужой счёт и синхронны.^{57,58}

Главная причина такого сходства лежит в уровне анализа национальных культур Хофстеде и Тромпенаарсом, каковыми в основном являются ценности, как направляющие принципы норм поведения, но не сами нормы.

⁵³ Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede, and Michael Minkov, *Culture and Organizations: Software of the Mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival* (McGraw Hill, 2010), 21-23.

⁵⁴ Peter Bevington Smith and Michael Harris Bond, “Cultures and Persons: Characterizing National and Other Types of Cultural Difference Can Also Aid Our Understanding and Prediction of Individual Variability,” *Frontiers in Psychology* 10 (November 2019), Article 2689, <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02689>.

⁵⁵ Daron Acemoglu and Matthew O. Jackson, “Social Norms and the Enforcement of Laws,” Working Paper No. 20369 (Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, August 2014), 246-250, <https://doi.org/10.3386/w20369>.

⁵⁶ “Hofstede Insights: Country Comparison – Ukraine and Russia.”

⁵⁷ Prašnikar, Pahor, and Svetlik, “Are National Cultures Still Important in International Business?” 16.

⁵⁸ Deichmann and Bohn, “Scandinavian Management across Cultures,” 181-182.

Например, в измерениях Хофстеде из-за вышеупомянутых институциональных различий удалённость от власти проявляется, как борьба за статус путём доминирования и принуждения в России и путём установления «связей с нужными людьми» в Украине. Избегание неопределённости в России проявляется, как принятие решений «сверху вниз» и минимальная субъектность на нижних уровнях общества. В Украине же это культурное измерение проявляется через краткосрочное планирование и сосредоточение на «плохих сценариях» при принятии решения.

В измерениях Тромпенаарса склонность в основном относить события на чужой счёт в России проявляется путём демонстрации начальником своей способности обеспечить послушание и пиетет подчинённых путём давления и доминирования. В Украине то же измерение проявляется через принадлежность к «группе», как предварительное условие любого сотрудничества, от личного до профессионального. Ещё одним примером из модели культуры Тромпенаарса может служить локализация внешнего контроля, свойственная и России, и Украине. В России ориентация внешнего контроля проявляется в добровольной передаче субъектности и самостоятельности подчинённых начальникам. В Украине же это измерение проявляется в восприятии правил и сроков, как подвижных и гибких: обстоятельства – не «оправдание», но весомая причина задержки.

В системе Холла Россия и Украина принадлежат к высококонтекстным культурам славянства и Центральной Европы,⁵⁹ но при интерпретации значений, передаваемых в обеих культурах, необходимо учитывать разный контекст. Особенно отличаются взгляды на авторитет (абсолютный в России и временный в Украине), руководство («сверху вниз», директивное в России и «сверху вниз», патерналистское в Украине), статус (внушающий страх в России и принятый «группой» в Украине) и другие элементы контекста национальной культуры.

На момент написания этой статьи данные исследований проекта GLOBE по Украине отсутствовали. Украина начала участвовать в исследовании в 2020 г., и данные ожидаются в ближайшее время (согласно сайту GLOBE).

Другим важным фактором при сравнении русской и украинской национальных культур является то, что большинство систем межкультурного анализа (Хофстеде, GLOBE, Тромпенаарс, Холл) рассматривают индивидуализм и коллективизм как «разные полюса» и, соответственно, взаимоисключающие культурные «измерения». Этот подход проверен десятилетиями теоретических и эмпирических исследований, однако он не полностью объясняет различия в социальных нормах и институционально закреплённых моделях поведения в странах, формально подпадающих под определение «индивидуалистских» или «коллективистских».

---

⁵⁹ Tony Morden, "Models of National Culture – A Management Review," *Cross Cultural Management: An International Journal* 6, no. 1 (1999): 19-44, 23, <https://doi.org/10.1108/13527609910796915>.

Разницу в проявлениях индивидуализма и коллективизма в национальных культурах можно объяснить, используя подход к национальным культурам, как к «симптомам», основанный на межкультурной психологии, предложенный Триандисом⁶⁰ и подтверждённый в многочисленных теоретических и эмпирических исследованиях. Подход к «культурам как симптомам» постулирует, что когда национальные культуры анализируют на общественном и индивидуальном уровнях, индивидуализм и коллективизм проявляются, как два разных измерения (а не «разные полюса»), которые не исключают друг друга и могут сосуществовать в одной культуре. Иными словами, есть разные виды индивидуализма и коллективизма. В национальной культуре они могут сосуществовать в разных «пропорциях» и «комбинациях» и принимать разные формы. Коллективистские общества могут обладать некоторыми индивидуалистскими ценностями, убеждениями и поведением, так же как индивидуалистские общества могут нести черты коллективизма. Частота и степень этих проявлений может меняться в зависимости от контекста и ситуации.

«Горизонтальные модели»⁶¹ общественных отношений основаны на презумпции эгалитаризма, постулирующей, что все члены общества равны, и это равенство (прав, возможностей, статуса, потенциала и т.д.) является основой функционирования институтов страны. Как следствие, люди реализуют свою уникальность и субъектность, стремятся к продуктивному взаимодействию с другими людьми и сосредоточены на поддержании значимых связей и отношений. В таких обществах иерархические системы и отношения – не главное, и наблюдается тяга к равному, а не статусному взаимодействию.

«Вертикальные модели»⁶² общественных отношений основаны на презумпции, что все люди в обществе разные – по своему месту в институтах и отношениях иерархии, или в силу статуса, приобретённого при продвижении в системах этого общества. Следовательно, страны, тяготеющие к иерархическому взаимодействию, где люди стремятся выделиться, а лучше – доминировать над другими или приобрести более высокий статус, дают больше возможностей «продвинуться», имея низкий статус. В таких обществах люди и группы делятся на «важных» и «неважных» для достижения конкретных целей, и значение по-настоящему имеют только интересы, права и цели первых. Ниже на основе описанных выше институциональных

---

⁶⁰ Harry C. Triandis, "The Psychological Measurement of Cultural Syndromes," *American Psychologist* 51, no. 4 (1996): 407-415, <https://doi.org/10.1037/0003-066X.51.4.407>.

⁶¹ Theodore M. Singelis, Harry C. Triandis, Dharm P.S. Bhawuk, and Michele J. Gelfand, "Horizontal and Vertical Dimensions of Individualism and Collectivism: A Theoretical and Measurement Refinement," *Cross-Cultural Research* 29, no. 3 (January 1995): 240-275, <https://doi.org/10.1177/106939719502900302>.

⁶² Singelis, Triandis, Bhawuk, and Gelfand, "Horizontal and Vertical Dimensions of Individualism and Collectivism."

и методологических соображений рассмотрены три базовых институциональных отличия между Украиной и Россией.

Отличие №1: Украина — демократия, презирующая автократию, а Россия — автократия, презирующая демократию

Россия — авторитарное государство, не знавшее в своей истории сколько-нибудь значительного периода демократического правления или активной заинтересованности в демократических общественных нормах.⁶³ При персональной автократии ключевые решения в России принимает один человек (последним диктатором такого типа был Сталин⁶⁴). Исследования показывают, что лишь 12,5 % таких диктаторов теряют власть относительно быстро, обычно вследствие смерти — с помощью или без помощи высшего генералитета — или переворота.⁶⁵ Для России демократия неприемлема и опасна, поскольку она побуждает самостоятельно мыслить широкие слои населения, которое, соответственно, становится менее подверженным управлению путём давления и принуждения.⁶⁶

В русской культуре важно не только выделяться своим статусом, но и доминировать над теми, кто находится на более низких уровнях иерархии (вплоть до насилия), а также демонстрировать свою способность вызывать почтение, что дает доступ к взаимодействию с лицами сопоставимого статуса.⁶⁷ В таком обществе те, кто не принадлежит к «группе» — «чужаки», на которых смотрят, как на «врагов».

Украина же всегда была принципиально против авторитарности, в частности, в силу исторических причин, включая частую смену правителей (местных и пришлых) разной политической ориентации, что дало весьма отличные пути институционального развития, политическое поведение и взгляды на «национальную идею».⁶⁸ На территориях, находившихся под управлением Австро-Венгрии, развивались демократические нормы.⁶⁹ Активное диссидентское движение 1960-х гг. и регионализм сочетался с политикой поиска консенсуса, свойственной Украине накануне распада СССР.⁷⁰

---

⁶³ Michael McFaul, "Russia's Road to Autocracy," *Journal of Democracy* 32, no. 4 (October 2021): 11-26, <https://www.journalofdemocracy.org/articles/russias-road-to-autocracy/>.

⁶⁴ Judah, "The Terrible Truth So Many Experts Missed About Russia."

⁶⁵ Jessica L.P. Weeks, "Strongmen and Straw Men: Authoritarian Regimes and the Initiation of International Conflict," *SSRN*, December 15, 2011, 12, <https://doi.org/10.2139/ssrn.1748516>.

⁶⁶ Person and McFaul, "What Putin Fears Most."

⁶⁷ Kemmelmeier et al., "Individualism, Collectivism, and Authoritarianism in Seven Societies," 306-307.

⁶⁸ Peisakhin, "Living Historical Legacies: The 'Why' and 'How' of Institutional Persistence," 5-8.

⁶⁹ Ben, "Why Has Ukraine Succeeded as a Democracy, Contrary to Russia and Belarus?"

⁷⁰ Kibita, "Why Isn't Ukraine Authoritarian?"

Кроме того, Украина как страна никогда долго (столетиями) не существовала в одних и тех же границах, при поколениях схожих правителей, чтобы там выработался подход к государственности любого рода, не говоря уже об авторитаризме. Сейчас Freedom House классифицирует Украину как «гибридный режим» (частично свободный), где свобода существенно ограничена российской аннексией Крыма и территорий, захваченных в 2014 г. и после 24 февраля 2022 г.⁷¹

Для украинцев важно быть успешными и выделяться своим статусом, но главное для них – защитить свои интересы, а не доминировать. Всё это должно происходить синхронно с целями «группы»,⁷² принадлежность к которой повышает качество жизни и обеспечивает продуктивное взаимодействие с (часто) слабыми институтам. Жертвовать своими интересами для «своих» – не требование «по умолчанию», но сознательный выбор с учётом целей и статуса;⁷³ те, кто не принадлежит к «группе» – «чужие», но не обязательно «враги».

Отличие №2: Коллективизм в Украине и России не одинаков

Хотя и Россия, и Украина имеют преимущественно коллективистскую культуру (во всех основных системах межкультурного анализа), тип коллективизма в этих обществах не одинаков, а индивидуализм часто проявляется по-разному.

Украина исторически была вертикальным коллективистском обществом, из-за большой удалённости от власти, относительно консервативных и иерархических православных религиозных основ и высокого избегания неопределённости, что вместе требовало усиленного контроля, «что будет завтра», и необходимости всегда «откладывать на чёрный день».⁷⁴ Далее, глубокая нетерпимость к авторитарности и сложности формирования территории, при оккупации разных частей Украины двумя культурно отличными империями, дали «смесь» двух типов коллективизма: вертикального

⁷¹ Freedom House Country Report-2021, Ukraine.

⁷² Anna Tychmanowicz, Sara Filipiak, and Zoriana Sprynska, “Extravert Individualists or Introvert Collectivists? Personality Traits and Individualism and Collectivism in Students in Poland and Ukraine,” *Current Psychology* 40 (2021): 5947-5957, 5950-5954, <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00480-x>.

⁷³ Beata Glinkowska and Viacheslav A. Chebotarov, “A Comparative Cross-Cultural Analysis of the Profile of a Modern Ukrainian Manager: The Imperatives of the Future in the Context of Internationalization,” *Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe* 21, no. 3 (2018): 63-74, 69-71, <https://doi.org/10.2478/cer-2018-0019>.

⁷⁴ Tychmanowicz, Filipiak, and Sprynska, “Extravert Individualists or Introvert Collectivists?” 5950-5954.

(навязанной иерархии, доминирования) и горизонтального (легитимизированной «групповой» иерархии, диалога).⁷⁵ Такая смесь коллективизмов в Украине дополнительно приправлена заметным вертикальным индивидуализмом, вызванным тяготением общества к независимости и особому личному статусу без необходимости подчинения власти или иерархии (но при подчинении – сознательном).⁷⁶ Иными словами, личная свобода (пусть даже «в группе» с легитимными руководителями) является основой украинской национальной культуры.

Россия всегда была вертикальной коллективистской страной, это изменение по шкале «индивидуализм-коллективизм» доминирует на индивидуальном и общественном уровнях, в значительной степени – из-за укоренившегося наследия авторитарности с царских до советских и постсоветских времён.⁷⁷ Исследования показывают сильную склонность авторитарных режимов к вертикальному коллективизму, прежде всего проявляющуюся в жестком соблюдении социальных норм, почтении к власти и узаконенной агрессии к отклонениям в поведении.⁷⁸

Природа русского коллективизма такова, что «горизонтальные» практики (диалог, убеждение путём объяснений и аргументации, поощрение самостоятельного мышления и принятия решений) в обществе столетиями подавлялись. Это привело к преобладанию «вертикальных» практик, поощрению открытого агрессивного доминирования как способа продвинуться в социальных отношениях и немедленного подчинения навязанной власти, где убеждение, соблюдение договоренностей и открытый обмен информацией считаются признаками несолидных людей.⁷⁹ Индивидуализм в таком обществе проявляется преимущественно на высших уровнях общественной иерархии – то есть нужно «проявить себя в группе» и «заслужить» право на самовыражение, доминируя и подавляя других.

---

⁷⁵ Leonid Borysenko, “Ukrainian Culture: Individualism or Collectivism?” in *Frontier Problems of Modern Psychology* (conference proceedings) (Kherson: Gelvetika, 2016), Psy-ArXiv Preprints, 60-62, <https://doi.org/10.31234/osf.io/a5j2c>.

⁷⁶ Леонід Борисенко, «Структура культурного синдрому «індивідуалізм-колективізм» в Україні», Дипломна робота спеціаліста з психології (березень 2022), 87-88, <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.25349.42728>.

⁷⁷ Sharon Shavitt, Timothy P. Johnson, and Jing Zhang, “Horizontal and Vertical Cultural Differences in the Content of Advertising Appeals,” *Journal of International Consumer Marketing* 23, no. 3-4 (May 1, 2011): 297-310, <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4279851/>.

⁷⁸ Kemmelmeier et al., “Individualism, Collectivism, and Authoritarianism in Seven Societies,” 304, 306, 307.

⁷⁹ Chirkov et al., “Differentiating Autonomy from Individualism and Independence,” 98, 104.

Отличие №3: Разные роли, характер и история развития институтов в Украине и России

Украина имеет историческое наследие сложного развития формальных институтов, в частности, из-за длительных периодов совершенно разного «отношения» стран-завоевателей. После разделов Речи Посполитой в 1772 и 1795 гг. территория нынешней Западной Украины была поделена между Российской и Австрийской империями. В последующие 150 лет население испытывало весьма разные «влияния» завоевателей: подавление украинской национальной идентичности, языка, культуры в России и сравнительная поддержка и разрешение проявлять своё «украинство» под Австрией.⁸⁰ В 1939 г. бывшие субъекты двух вышеупомянутых империй были объединены в границах Советской Украины, страны, получившей независимость в 1991 г. Это «институциональное наследие» колониального периода сохранилось до нынешнего времени, после более чем 50 лет советской власти. В 2013 г. на «бывших русских» территориях на 25 % больше украинцев хотели связи с Россией, а не Европой, и на 15 % меньше были готовы участвовать в протестах, чем на «бывших австрийских».⁸¹

Такая долговечность социальных установок и моделей поведения объясняется силой неформальных институтов в украинском обществе – тесных локальных социальных групп (сообществ) с сильными узловыми участниками из числа «элит». Национальная идентичность и связанные с ней убеждения, ценности и модели поведения, усвоенные этими деятелями, оставались практически неизменными, пока существовало сообщество.⁸² Этим явлением «узких групп доверенных лиц» объясняется преимущественное использование украинцами не формальных, а неформальных институтов и поиск знакомств или «рекомендованных лиц» при взаимодействии с последними, как своего рода «страховки» на случай, если формальный институт не выполняет свою функцию.

В то же время доверие к формальным институтам в Украине всегда было низким – с немногочисленными исключениями, когда указанные институты играли очевидно нужную роль в обществе. Осенью 2022 г. наивысший рейтинг доверия украинцев имела церковь (70 %) и институты, связанные с защитой страны: Вооружённые силы (96 %) и гуманитарные НПО (78 %). Средним было доверие к университетам (62 %) и полиции (55 %), а правительству доверяли 51,5 % и одновременно не доверяли 48 %, телевидению доверяли 51 % и не доверяли 49 %, прессе доверяли 49 % и не доверяли 50 %. Полити-

---

⁸⁰ Leonid V. Peisakhin, "In History's Shadow: Do Formal Institutions Leave a Cultural Legacy?" EPSA 2013 Annual General Conference Paper 286, SSRN, January 1, 2013, 5-7, <https://ssrn.com/abstract=2224765>.

⁸¹ Peisakhin, "In History's Shadow: Do Formal Institutions Leave a Cultural Legacy?" 21, 24.

⁸² Peisakhin, "In History's Shadow: Do Formal Institutions Leave a Cultural Legacy?" 32.

ческим партиям не доверяли 77 % украинцев, судам не доверяли 72 %, банкам – 66 %, Верховной Раде – 77 %, крупному бизнесу – 57 %, и выборам как институту – 56 % населения.⁸³

Схема развития институтов в России кардинально отличается от украинской – прежде всего из-за влияния её авторитарного наследия на функционирование институтов. Среди ключевых социальных результатов авторитарных режимов — подавление самостоятельности населения, подавление воли и принудительное соблюдение норм, отражающих интересы «верхов» социальной иерархии.⁸⁴ Это ведёт к пассивности населения (36 % русских оценили свою возможность влиять на собственную жизнь от 1 до 4 из 10 баллов⁸⁵), глубокому недоверию к формальным институтам из-за их карательно-принудительного характера, и обиде «низов» социальной иерархии на элиту — настолько, что коррумпированное поведение рассматривается как один из способов «отомстить» или «обыграть» систему.⁸⁶ Такое сочетание результатов ведёт к отрицанию большей частью населения России войны в Украине. «Это не война, а специальная операция», «гражданским ничто не угрожает», и «мы ни на кого не нападали» – не просто пропагандистские нарративы. Это «мантры», которым реально верит большинство россиян из-за промывания мозгов «людьми наверху, которые лучше знают», целыми поколениями.

Ещё одной особенностью русской культуры в институциональном контексте (например, в отношениях начальников и подчинённых) является связь между доверием и контролем, резко отличная от того, что мы видим в Европе, включая Украину. В большинстве европейских культур доверие и контроль взаимоисключающи: чем выше доверие начальника к подчинённым, тем меньше нужно контроля для обеспечения выполнения задания. В русской культуре доверие и контроль сосуществуют и не исключают друг друга, создавая отношения созависимости, в которых начальник не может полностью доверять подчинённым. Последние ожидают и даже желают строгого контроля, делегируя субъектность и ответственность за свои действия и решения первому.⁸⁷

---

⁸³ Довіра до соціальних інститутів, політико-ідеологічні орієнтації громадян України (2022), *Центр Разумкова*, <https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/otsinka-gromadianamy-sytuatsii-v-kraini-dovira-do-sotsialnykh-institutiv-politykoideologichni-orientatsii-gromadian-ukrainy-v-umovakh-rosiiskoi-agresii-veresen-zhovten-2022r>.

⁸⁴ Kimmelmeier et al., "Individualism, Collectivism, and Authoritarianism in Seven Societies," 306-307.

⁸⁵ Koneva, Chilingaryan, and Volosevych, "Mirror of the 'Military Operation,'" 6-10.

⁸⁶ Lewis, *When Cultures Collide*, 372-379.

⁸⁷ Virpi Outila, Irina Mihailova, B. Sebastian Reiche, and Rebecca Piekkari, "A Communitative Perspective on the Trust-control Link in Russia," *Journal of World Business* 55, no. 6 (October 2020): 100971, 4-11, <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2018.11.001>.

Данные многочисленных исследований показывают, что украинский и русский народы, несмотря на историю взаимодействия и относительную географическую близость, весьма отличны по наследию государственного управления, взаимосвязи и типу индивидуализма и коллективизма, а также модели институционального развития. Несмотря на некоторое сходство в культурных измерениях удалённости от власти, избегания неопределённости и долгосрочной ориентации, разные базовые представления украинской и русской культур определяют разные пути проявления убеждений, ценностей и поведения на институциональном и индивидуальном уровне. А учитывая главное отличие двух народов в явном предпочтении самостоятельности, децентрализованном принятии решений и презрении к принуждению (Украина) и принудительном подчинении, делегировании ответственности наверх и легитимизации агрессии (Россия), ничего «братского» между ними нет.

Заключение

Учитывая относительную скудность данных межкультурных исследований Украины как таковой и в сравнении с Россией, данная статья закладывает базу для дальнейших исследований. Недостаточность основанного преимущественно на ценностях культурного анализа (пусть убедительного и доказательного) не позволяет полностью раскрыть отличия национальных культур Украины и России. Одно из перспективных направлений исследований – степень зависимости институционального наследия от пройденного пути и влияние на нормы поведения и артефакты в этих двух странах. Еще одним многообещающим направлением исследований могут быть измерения региональных субкультур в Украине и России, учитывая размер и внутреннее этническое разнообразие обеих стран. Такие исследования могут быть полезны и помочь прояснить результаты при помощи баз анализа культуры на макроуровне, в частности, Хофстеде и Тромпенаарса. Особенно интересна «приграничная культура» Украины, как её называет Борисенко,⁸⁸ которую нелегко классифицировать как коллективистскую или индивидуалистскую, ибо она одновременно имеет проявления обоих этих измерений. Триандисова парадигма горизонтальных и вертикальных измерений коллективизма/ индивидуализма могла бы послужить серьёзной методологической основой для таких исследований.

Эта статья, естественно, имеет свои ограничения, в основном связанные с недостатком данных межкультурных исследований Украины. Еще одно перспективное направление исследований – междисциплинарный анализ влияния формальных и неформальных институтов в Украине и России на экономические результаты каждой страны и соответствующие нормы поведения и артефакты граждан: принятие решений, соблюдение закона, вос-

---

⁸⁸ Borysenko, "Ukrainian Culture: Individualism or Collectivism?" 61.

приятие и отношение к коррупции/кумовству, условия и последствия доверия в обществе. Как подчёркивает в своей работе Пейсахин,^{89,90} такие исследования помогут установить, какого рода институты имеют наибольшее влияние, почему, как они меняют схемы поведения в национальной культуре, и сохраняется ли это влияние после исчезновения института (например, авторитарного правления).

Исследование проявлений горизонтального и вертикального индивидуализма и коллективизма в Украине и России могло бы быть достаточно перспективным направлением, поскольку система анализа национальных культур Триандиса наиболее полезна для демонстрации основ различий между культурами этих стран.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнерство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторе

Марина Стародубская – Магистр управления кадрами Лондонского университета, Бирбекский колледж; адъюнкт-профессор Киево-Могилянской Бизнес-школы (Украина); приглашенный лектор Школы управления Delta Тартуского университета (Эстония), Школы бизнеса и управления Таллиннского технологического университета (Эстония) и Института Магеллана (Париж, Франция). Кроме того, она – Управляющий партнер консалтинговой компании TLFRD. *Электронная почта:* starodubska@tlfrd.com

---

⁸⁹ Peisakhin, “In History’s Shadow: Do Formal Institutions Leave a Cultural Legacy?” 34-35.

⁹⁰ Peisakhin, “Living Historical Legacies: The ‘Why’ and ‘How’ of Institutional Persistence,” 31.

Рецензированная статья

Влияние войны на украинскую систему военного образования: идти вперёд в военное и в мирное время

Сергей Салкуцан,¹ Эл Столберг²

¹ *Министерство обороны Украины, <https://www.mil.gov.ua>*

² *Корпорация РЭНД, <https://www.rand.org>*

Аннотация: Вторжение России в Украину, последующие и нынешние успехи Украины на поле боя показали, что гибкие, обучаемые командиры могут победить лучше оснащённого противника. Глубокие реформы образования в Вооружённых силах Украины, начатые в 2018 г., дали неоценимый результат. В статье рассматривается украинская система профессионального военного образования до и во время войны и предлагается политика сохранения первоочередного внимания к образованию и обучению сейчас и в будущем.

Ключевые слова: Украина, образование, реформы, профессиональное военное образование, Национальный университет обороны.

Вступление

При начальном анализе последствий русско-украинской войны важно понять опыт и результаты оборонной реформы в Украине. Особенно это касается реформы военного образования, которая началась в 2014 г. и была официально оформлена в 2018 г. с подписанием Основ государственной политики в сфере военного образования и подготовки.¹

¹ Після внесення змін до чинного законодавства система військової освіти запроцює по-новому — перший заступник Міністра оборони, *ArmyInform*, 7 жовтня 2021, <https://armyinform.com.ua/2021/10/07/pislya-vnesennya-zmin-dochynnogo-zakonodavstva-systema-vijskovoyi-osvity-zapraczyuye-po-novomu-pershyj-zastupnyk-ministra-oborony-ivan-rusnak/>.

Были очевидны серьёзные и явные отличия в подходах Вооружённых сил Российской Федерации и Вооружённых сил Украины (ВСУ) к обучению, планированию, применению, обеспечению, командованию и управлению. По сути, эти отличия дали Украине преимущество во многих аспектах текущего конфликта. Они не позволили российским силам достичь стратегических военных целей (в «специальной военной операции» России ими названы «денацификация» и «демилитаризация» Украины).

Важно помнить, что Украина не имеет решающего преимущества над Россией в вооружениях и военной технике (ни в количестве, ни в качестве). До начала полномасштабной российской агрессии 24 февраля 2022 г. Российская Федерация постоянно увеличивала расходы на вооружённые силы. Согласно оценке Стокгольмского международного института исследования мира (SIPRI), расходы России на оборону в 2021 г. достигли 65,9 млрд. долларов США, на 2,9% больше, чем в 2020 г.² В том же отчёте указано, что в 2021 г. военные расходы Украины составили 5,9 млрд. долларов США (3,2% ВВП). Потери России на первом этапе полномасштабного вторжения более чем в 10 раз превзошли украинские.³ Это значит, что главный фактор успеха ВСУ был не материальным. Он пришёл, несмотря на проигрыш в ресурсах.

Кроме того, в последние восемь лет Россия целенаправленно реализовывала военную стратегию превосходства для достижения целей, поставленных Военной доктриной России 2014 г.⁴ В минувшие годы Россия также предпринимала активные шаги для подрыва обороноспособности Украины, применяя инструменты гибридной войны, или «серой зоны». В таких условиях одним из ключевых аспектов, определивших требуемый уровень готовности ВСУ к успешному сопротивлению силам врага, было применение полного спектра западных ресурсов, включая принятие модели «умного руководства» с использованием западных практик и процедур (доктрины) и освоение принятой на вооружение ВСУ западной военной техники.

В будущем важнейшим средством достижения военного успеха должно стать дальнейшее внедрение западных подходов и процедур в оперативной деятельности ВСУ. Это показали успешные оборонительные операции ВСУ на севере Украины в феврале-марте 2022 г., когда Украина ещё не получала тяжелого вооружения от Запада. Применение современной доктрины стало ключевым фактором успеха обороны. Решает не только оружие, но и доктрина.

Концепция использования западной модели военного управления стала основой реформы военного образования в Украине. Она предусматривает

---

² Марина Барановская, SIPRI: РФ в пятёрке стран с крупнейшими оборонными бюджетами, *DW*, April 25, 2022, <https://www.dw.com/ru/doklad-sipri-rossija-v-pjaterke-stran-s-krupnejshimi-oboronnymi-bjudzhetami/a-61547137>.

³ Мілітарний, 12 березня 2022, <https://mil.in.ua/uk/news/z-pochatku-povno-masshtabnoyi-vijny-zagynuly-1300-vijskovykh-ukrayiny>.

⁴ Министерство обороны, Военная доктрина Российской Федерации, 25 декабря 2014, <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2940>.

формирование современной военной культуры на основе критического мышления офицерского и сержантского корпуса страны. Согласно Комитету начальников штабов США, это главный фактор победы в современной войне.⁵ Нужны командиры, интеллектуально превосходящие противника. Именно этот аспект может позволить ВСУ успешно сдержать противника в обычной войне оружием третьего и четвёртого поколения при количественном перевесе врага.

Наряду с более широкими стратегическими целями, для успеха концепции системы профессионального военного образования важно коренным образом изменить содержание программ обучения. Именно учебную программу следует рассматривать как основу изменения профессионального менталитета офицерского корпуса Вооружённых сил Украины. Серьёзные изменения в системе военного образования нужны для выработки новых умений у будущих профессиональных военных. Это потребует создания новой и перестройки существующей учебной базы военных учебных заведений.

Критическая важность этих изменений в системе военного образования стала понятной после Майдана 2014 г. и существенно выросла с началом нынешних боевых действий. Учитывая последовавшие за этим военные операции по оккупации Крыма и Донбасса при поддержке России, необходимость модернизации и повышения профессионализма ВСУ перед лицом возросшей угрозы стала критически важной для выживания Украинского государства. Система профессионального военного образования ВСУ будет иметь ключевое значение для поддержки этих важных изменений.

Почему предлагаемые изменения нужны сейчас?

После окончания войны Украина окажется в новой реальности. Уже сейчас понятно преимущество адаптивных, гибких и современных вооружённых сил в противостоянии с военной системой, не приспособленной к потребностям войны XXI века. Вооружённые Силы России используют устаревшие модели обучения, командования и управления, применения и обеспечения войск. Первые успехи ВСУ поясняются отказом от этих устаревших постсоветских подходов в обучении и подготовке. По сути, 8 лет изменений в ВСУ заложили фундамент новых профессиональных качеств, что привело к появлению нового поколения военачальников в Украине.⁶ Они обучены пониманию современной информационной среды и совместных операций и

---

⁵ The Joint Chiefs of Staff, "Developing Today's Joint Officers for Tomorrow's Ways of War: The Joint Chiefs of Staff Vision and Guidance for Professional Military Education and Talent Management," May 1, 2022, https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/education/jcs_pme_tm_vision.pdf?ver=2020-05-15-102429-817.

⁶ Neveen Shaaban Abdalla et al, "Intelligence and the War in Ukraine: Part 2," *War on the Rocks Blog*, May 19, 2022, <https://warontherocks.com/2022/05/intelligence-and-the-war-in-ukraine-part-2/>.

способны умело использовать информацию при разработке и выполнении оперативных планов.

Украине пришлось готовиться к возможному крупномасштабному вторжению России, зная о значительном количественном, техническом и технологическом превосходстве противника. Ответ на нападение был основан на применении непрямого, или асимметричного подхода.⁷ Этот подход предполагает использование уязвимостей в применении Россией советской военной доктрины, где успех в обычном конфликте основан на выгодном соотношении сил, с упором на массированные танковые/ механизированные соединения при значительном количественном и техническом превосходстве, господстве в воздухе и преимуществе в ракетно-артиллерийских вооружениях.

Ответ Украины был основан на использовании философии управления выполнением боевой задачи (Mission Command), что обеспечило гибкость командования и управления и успех тактики применения подразделений. Также требовалось хорошее знание местности, чтобы задержать русское наступление и избежать крупных сражений, сохранив боевую мощь Украины. Эффективность сопротивления повышал более высокий моральный дух, лучшее понимание ситуации и более сбалансированное тыловое обеспечение, что позволило повысить устойчивость и наносить успешные удары по таким критически важным элементам российских сил, как цепочки снабжения и системы управления.

Факторы, способствовавшие успехам Украины на поле боя, предстоит глубже изучить в будущем. Однако уже сейчас видна основа изменений, проводимых ВСУ: решающими факторами были новый формат индивидуальной и коллективной подготовки (включая использование на полную мощность всех военно-учебных заведений и центров подготовки); боевой опыт, полученный в ходе антитеррористической операции и операции объединенных сил на Донбассе в 2014-2022 гг.; развитие профессионального сержантского корпуса; изменение мышления офицеров и сержантов на основе передовых учебных программ. Ясно, что принципы управления выполнением боевой задачи и соответствующие концепции управления должны стать неотъемлемой частью программ обучения офицеров и сержантов на тактическом и оперативном уровне.⁸

Все эти концепции, ключевые для вооруженных сил XXI века, основаны на подходах, которые в настоящее время реализованы и приняты странами-членами НАТО. Украинские войска переходят на те же стандарты НАТО. По

---

⁷ Liddell Hart, *The Strategy of Indirect Approach* (Meridan Publishers, 1941), <https://archive.org/details/strategyofindire035126mbp/mode/2up>.

⁸ Національний університет оборони України, «Силабус модулю: Загальна тактика, 2021-2022», неопублікований документ, <https://nuou.org.ua/assets/documents/sulabys-model-8-l3-ukr.pdf>, <https://nuou.org.ua/assets/documents/silabus-modulyu-4-l-2-sv.pdf>.

данным Генштаба, на середину 2021 г. более 300 стандартов НАТО находились на разных этапах внедрения в Вооружённых силах.⁹

Украина получила существенную поддержку этих изменений в украинской системе профессионального военного образования в рамках Программы совершенствования военного образования (Defense Education Enhancement Program, DEEP). Программа DEEP была разработана как совместная программа НАТО и консорциума «Партнёрство ради мира» (ПрМ) в 2007 г. для поддержки модернизации и профессионализации школ партнёров НАТО по ПрМ: военных колледжей, штабных училищ, курсов младших офицеров, военных академий, сержантских школ, школ языковой подготовки и обучения гражданского персонала министерства обороны. Поддержка предполагает разработку учебных программ (чему учить), подготовку профессорско-преподавательского состава (как учить) и организационную поддержку (администрация и управление школ).¹⁰

С 2013 г. поддержку по программе DEEP получили 11 разных военных учебных заведений Украины: это Национальный университет обороны Украины (НУОУ), семь училищ (в Харькове, Киеве, Львове, Одессе, Житомире) и три центра подготовки сержантов. За период вплоть до нападения России 24 февраля 2022 г. было сделано следующее:

- НУОУ перевёл свои военные/штабные курсы на стандартную программу обучения НАТО.
- В каждом военном учебном заведении появились курсы и обучают процедурам управления войсками/принятия военных решений/процессу совместного оперативного планирования в соответствии с профилем учебного заведения и стандартами НАТО.
- Были разработаны и преподаются базовые, промежуточные, продвинутые курсы для сержантов, младших командиров (CSEL), а также базовые и продвинутые курсы для сержантов-инструкторов в соответствии со стандартами НАТО.
- Теперь требуется не меньше 600 часов обучения английскому языку в каждом училище.¹¹

⁹ “Fully Developed NATO Standards, Now the Decision on the Alliance – Commander-in-Chief of the UAF,” *Radio Liberty*, February 26, 2021, www.radiosvoboda.org/a/news-zaluzhnyi-ukraina-nato/31478997.html.

¹⁰ Trevor Johnston and Alan G. Stolberg, *The Challenges and Opportunities of Institution Capacity Building Through Professional Military Education: Lessons from the Defense Education Enhancement Program*, Research Report (Santa Monica, CA: RAND Corporation, Summer/Fall 2022), 4-5, www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1238-1.html.

¹¹ Partnership for Peace Consortium, “Defense Education Enhancement Program Overview Brief,” unpublished briefing, August 5, 2022.

Сегодня очевидно, что дополнительные уроки нынешней войны в Украине должны быть систематизированы в рамках системы военного образования. Что еще более важно, система обучения и подготовки должна и далее опережать текущие процессы для успешной реализации будущего видения ВСУ. Как показала поддержка, оказанная в рамках программы DEEP, внешняя помощь и далее будет предоставляться для содействия изменениям в украинской системе профессионального военного образования.

Что должно измениться в Вооружённых силах?

Нужно будет пересмотреть все нынешние подходы к обучению военному искусству. При необходимости, это должно охватить всю систему операционных стандартов, используемых ВСУ в настоящее время. Остатки постсоветских подходов, скорее всего, уйдут в прошлое. В то же время процесс пересмотра должен обеспечить включение опыта применения ВСУ и новых подходов стран НАТО в доктринальные документы. Доктринальные изменения будут основаны на анализе текущего конфликта.

Уточнение подходов НАТО/ЕС и глобальных союзников к войне неизбежно.¹² Делясь своим опытом, Украина, вероятно, будет играть ведущую роль в глобальном процессе извлечения уроков и внедрения результатов анализа для обеспечения повышения обороноспособности западных государств.

Нынешнее поколение командиров ВСУ должно активно изучать полученные уроки (передовой опыт) подготовки войск, оперативных манёвров и ведения огня, командования и управления, тылового обеспечения. Это облегчит и углубит сотрудничество Украины с членами и глобальными партнёрами Альянса и выход на новый уровень доверия и отношений с Союзниками, что на данном этапе важнее всего для ВСУ.

В результате активного боевого применения ВСУ столкнутся с необходимостью полного перевооружения на западную военную технику, даже во время войны. Украине также понадобятся постоянные поставки техники из стран НАТО и ЕС, в том числе в послевоенный период.¹³ В Украине резко снизится доля советской техники, что потребует введения стандартов НАТО в тыловом обеспечении и применении сил на тактическом уровне.

---

¹² David Johnson, "The Army Risks Reasoning Backwards in Analyzing Ukraine," *War on the Rocks Blog*, June 14, 2022, <https://warontherocks.com/2022/06/the-army-risks-reasoning-backwards-in-analyzing-ukraine/>.

¹³ На передовой вже успішно працюють три види 155-мм артилерії – гаубиця М777, гаубиця FH70, САУ «CAESAR». В Україну надійшли САУ М109 – Олексій Резніков, *веб-сайт Міністерства оборони України*, 28 травня 2022, <https://www.mil.gov.ua/news/2022/05/28/na-peredovij-vzhe-uspishno-pracuyuyut-tri-vidi-155-mm-artilerii-%E2%80%93-gaubiczya-m777-gaubiczya-fh70-sau-caesar-v-ukrainu-nadijshli-sau-m109-%E2%80%93-oleksij-reznikov>.

Как должна измениться система военного образования и обучения?

Учитывая нынешний конфликт и его многочисленные уроки, важно ускорить внедрение стандартов НАТО в процесс военной подготовки и обучения, в частности потому, что использование современной военной техники, прежде всего – западного происхождения, лучше согласуется с западной доктриной. Необходимость внесения этих изменений существенно повлияет на учебные планы и программы на всех уровнях, начиная с ознакомления с конкретной системой вооружения и связанной с этим адаптацией до тактики подразделения и частей.

В то же время реализация таких программ требует изменения парадигмы системы военного образования. Важным аспектом изменений является выбор современного видения системы в целом, а также стратегии развития военных учебных заведений. Опыт Национального университета обороны Украины (НУОУ) показывает, что включение программ командирской подготовки на тактическом, оперативном и стратегическом уровне в 2019-2022 гг. заставило существенно пересмотреть не только содержание военного образования, но и отношения между факультетами Университета, а также отношения между преподавателями и слушателями.¹⁴ Была утверждена новая Стратегия Университета, поставившая в центр внимания слушателя как главный объект изменений,¹⁵ и предусматривающая перестройку всех процессов управления учебным заведением. По сути, эти изменения означают внедрение современной военной культуры среди слушателей и профессорско-преподавательского состава НУОУ.

Что принесут изменения для военных учебных заведений?

То, что формальная реформа системы военного образования идёт с 2018 г., может позволить урокам русско-украинской войны стать катализатором серьёзной качественной трансформации системы. Однако система не должна ждать окончания войны, чтобы начать новые изменения.

Военным учебным заведениям нужно активно участвовать в разработке нового подхода к обучению военному искусству и разработать соответствующие курсы обучения. Содержание должно совершенствоваться параллельно с пересмотром методики обучения. Соответствие требованиям изменений должно стать основой организационного успеха военного образования. При решении этой задачи системе обучения было бы полезно опережать события на 3-5 лет.

В военных учебных заведениях нужно разработать процессы выявления и учёта извлеченных уроков на основе взаимодействия с выпускниками и

---

¹⁴ National Defence University of Ukraine, “National Defence University of Ukraine Named After Ivan Chernyakhovsky,” 2019, <https://nuou.org.ua/assets/documents/nduu-2019.pdf>.

¹⁵ National Defence University of Ukraine, “National Defence University Strategy 2020-2025,” 2020, <https://nuou.org.ua/assets/documents/strategy-nduu-2020-2025.pdf>.

потребностей их будущих задач. Необходимо решать практические вопросы совершенствования содержания и методики образования в разных областях, делая упор на практические элементы образования, такие, как тематические исследования, упражнения, моделирование, выезды в поле и практические занятия. Модернизация и совершенствование учебных программ должны быть согласованы с тем, как их преподают учащимся. Применение инструкторами современных методов обучения, ориентированных на активное обучение и критическое мышление слушателей, будет иметь важное значение для формирования руководителей XXI века. В свою очередь, сильные навыки критического мышления позволят легче понять стандартную для НАТО концепцию управления выполнением боевой задачи и ее применение в оперативной обстановке.

Сложности военного обучения и подготовки во время войны

Отдельной областью исследований и анализа является дееспособность системы военного обучения и подготовки в военное время, что должно включать способность обеспечить должную непрерывную подготовку всех категорий гражданских лиц (граждан Украины) для быстрой адаптации к условиям войны. В частности, критически важным будет пересмотр подходов к сохранению системы военного обучения и подготовки в условиях постоянной угрозы ударов противника по всей стране.

Это очень сложные для решения проблемы. Ожидания, что военные учебные заведения переедут, перейдут на сокращенную программу или выпустят курсантов раньше срока после нападения России, не оправдались. В результате процесс перехода на особые программы обучения военного времени оказывается долгим и требует времени, которое не всегда есть на войне.

Это проблему дополнительно усложняет необходимость временного перехода от стандарта высшего образования к практическому военному образованию, нужному для военного времени. Для этого нужна система, гарантирующая, что учащиеся смогут изучить пропущенные учебные программы после окончания боевых действий. В этих условиях многие стандарты образования мирного времени, скорее всего, будут не применимы в военное время. В то же время, следуя существующим подходам, продолжение и завершение обучения после окончания боевых действий должно осуществляться в соответствии с нынешним стандартом.

Все существующие программы потребуют пересмотра и возможных изменений: для офицеров, сержантов, программы с присвоением ученой степени. Все они должны стать элементами полностью интегрированной будущей системы военного образования. Необходимо будет найти разумный баланс между образованием и обучением; позволять военнослужащим учиться так, как им удобно, на протяжении всей их карьеры – по месту жи-

тельства, в Интернете, либо тем и другим способом. Военному профессионалу XXI века понадобится разнообразное образование и обучение на каждом этапе военной службы.

Например, имеет смысл проанализировать возможные способы координации гражданского образования, используемого для дополнения военного образования офицеров и сержантов, и военного образования и обучения для подготовки гражданских лиц к суровой военной службе. Это включает возможность для офицеров и сержантов получить степени гражданского образования в гражданской системе образования, и получить военное образование гражданским лицам, уже получившим образование в гражданских учебных заведениях. На уровне офицеров среднего звена имеет смысл активно поощрять повышение квалификации офицеров в бизнес-школах¹⁶ для обеспечения гибкости и альтернативных (невоенных) подходов к мышлению и обогащения доступного инструментария нестандартного принятия руководящих решений.

Как указано выше, центр будущей трансформации системы военного образования и обучения Вооружённых сил Украины будет находиться в Евроатлантическом сообществе. Чтобы обеспечить максимальные возможности для успеха, необходимо наличие и полная координация и ряда других компонентов военной системы:

1. Систему офицерских и сержантских кадров нужно перестроить (скорректировать) так, чтобы ВСЬ персонал обязан был посещать занятия (курсы) в указанное время в течение службы, очно или заочно. Повышение или соответствие определённой должности должно быть привязано к такой системе на всех уровнях.
2. Для перевооружения ВСУ западным оружием и его технического обеспечения нужны изменения отечественной производственной базы в Украине, чтобы сами украинцы начали его производство в Украине. Украина не может вечно зависеть от Запада в этих вопросах, и естественно, для Украины желательно самообеспечение. Это требует больше внимания к изучению тылового обеспечения (снабжения) в училищах (на курсах).
3. Обучение английскому языку и соответствующие знания должны стать требованием для повышения по службе и занятия определённых должностей.

Продолжение сотрудничества со странами НАТО и ЕС и усвоение главных уроков войны между Россией и Украиной обеспечат максимальные возможности для реальных перемен. С начала российского вторжения 24 февраля 2022 г. ВСУ наилучшим образом показали себя на поле боя. Чтобы

---

¹⁶ Ben Buchheim-Jurisson and Joseph Mellone, "Helping the Leadership Lead," *War on the Rocks Blog*, June 30, 2022, <https://warontherocks.com/2022/06/helping-the-leadership-lead/>.

иметь устойчивый потенциал для такого же успеха в будущем, их военное образование и подготовка должны сделать то же самое.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнерство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторах

Генерал-майор Сергей Салкуцан был назначен Военным представителем Украины в НАТО в 2022 г. До того более семи лет служил заместителем начальника Национального университета обороны Украины по учебной работе. В этот период (в 2016 и 2020-2021 гг.) командировался в зону боевых действий в Донецкой области Украины.

Д-р Алан Столберг – полковник СВ США в отставке, американский координатор Программы совершенствования военного образования (DEEP) с 2013 г. 15 лет преподавал в Колледже Сухопутных войск и Колледже Военно-морских сил. Д-р Столберг был первым научным руководителем DEEP и поддерживал программу с момента ее создания в 2007 г. Начал заниматься Украиной в 1997 г., будучи начальником отдела J5 Европейского командования США (USEUCOM), отвечающего за военную политику США, стратегию и военно-политические вопросы для всех стран в зоне ответственности USEUCOM.

Искажая восприятие агрессии России: как нам воевать в информационной войне?

Хо Тин (Боско) Хун

Лондонская школа экономики и политологии, <https://www.lse.ac.uk/>

Аннотация: Несмотря на жестокость вторжения России в Украину, некоторые международные деятели демонстрируют поддержку или сочувствие России, что можно пояснить многогранной информационной войной, которую ведут Россия и её стратегический партнёр Китай. Однако анализ информационной войны в нынешней войне остаётся фрагментарным. Поэтому в статье содержится документальный анализ соответствующих документов и СМИ для понимания форм использования информационной войны этими двумя странами, для помощи в дальнейших исследованиях. Далее мы переходим к обсуждению последствий русско-украинской войны с точки зрения растущего применения информационной войны в нынешних и будущих войнах в условиях информатизации. Перед лицом растущей угрозы для когнитивного понимания демократическое сообщество должно знать об этой всё более опасной военной стратегии и выработать нужные решения. В статье предлагается сотрудничество разных членов общества для всестороннего просвещения и повышения таким образом цифровой ответственности. Это важно, чтобы вырастить из людей критичных и ответственных граждан, устойчивых в противодействии информационной войне.

Ключевые слова: Инфовойна, пропаганда, дезинформация, русско-украинская война, Китай, цифровая ответственность.

Вступление

Грубое российское вторжение в Украину явно нарушает территориальную целостность Украины и международное право. Запад проявил единство в противодействии России, введя беспрецедентно жёсткие санкции. Кроме политических мер, принятых западными правительствами, граждане стран

Запада тоже выразили своё несогласие с российской агрессией массовыми протестами.¹ Однако широкое возмущение действиями России было далеко не всеобщим. Немало стран и отдельных людей выражали поддержку или сочувствие России и недовольство руководством Запада на международных форумах, пресс-конференциях и в СМИ.

Такие пророссийские или антизападные настроения можно объяснить активным распространением Россией и её давним стратегическим партнёром Китаем манипулятивной информации. Тем не менее анализ информационной войны этих двух стран во время войны остаётся фрагментарным. Статья вносит вклад в обсуждение темы безопасности, анализируя информационную войну на фоне нынешней русско-украинской войны. В статье утверждается, что война показала, как информационная война может помочь агрессору мобилизовать поддержку, допуская, что с развитием информатизации информационная война станет обыденным инструментом. Поэтому для демократического сообщества актуально и важно повышать цифровую ответственность для противодействия манипулятивному контенту.

С начала полномасштабной русско-украинской войны ощущается нехватка анализа научной литературы о войне и о ведении информационных войн. Поэтому выводы статьи основаны преимущественно на содержании и документальном анализе официальных сообщений и публикаций СМИ на русском, английском и китайском языках. Автор использовал соответствующие ключевые слова для поиска и провел анализ, выбрав наиболее релевантные материалы.

Сначала в статье даётся понятие информационной войны. Затем идёт всесторонний анализ использования Россией и Китаем информационной войны во время русско-украинской войны. Далее обсуждаются последствия использования информационной войны в русско-украинской войне для будущих международных конфликтов. Наконец, в статье подчёркивается важность цифровой ответственности и выработки решений для правительств и отдельных граждан с целью недопущения искажений когнитивного понимания у населения. Сделан вывод о том, что русско-украинская война предупреждает нас о необходимости выделять ресурсы для повышения устойчивости в условиях все более агрессивных информационных войн.

Информационная война

Термин «информационная война» был предложен в России и ныне широко используется. С начала 1990-х гг. тему информационной войны изучает

---

¹ Andrew Anthony, "March in Support of Ukraine in London: Everything Was Turning Blue and Yellow," *The Guardian*, March 27, 2022, <https://www.theguardian.com/uk-news/2022/mar/27/march-in-support-of-ukraine-in-london-everything-was-turning-blue-and-yellow>.

Игорь Панарин.² Он рассматривает информационную войну как психологическую конфронтацию, направленную на влияние на информационное поле соперника и защиту своего информационного поля для достижения определённых целей.³ Схожие идеи выдвигают и другие учёные, такие, как Владимир Лисичкин и Леонид Шелепин. Они видят цель инфовойны в воздействии на души людей с тем, чтобы побудить своё население действовать в соответствии с интересами государства и расколоть граждан противника для подавления сопротивления.⁴

С точки зрения России информационная война – это наступательный инструмент, используемый Западом для распространения прозападной информации с целью подрыва российского влияния или дестабилизации России.⁵ Россия признает и сильные стороны информационной войны для продвижения своих нарративов. Поэтому она активно разрабатывает инфовойну, чтобы влиять на общественное мнение и противодействовать влиянию Запада. Так, президент России Владимир Путин говорил:

Наши дипломаты, конечно, понимают, насколько важна сегодня борьба за влияние на общественное настроение, на общественное мнение. В последние годы мы много занимаемся этими вопросами, однако в условиях настоящей информационной атаки, развязанной некоторыми нашими так называемыми партнёрами против нашей страны, встаёт задача ещё более нарастить усилия на данном направлении.

Мы живём в информационную эпоху, и афоризм «кто владеет информацией, тот владеет миром», безусловно, отражает реальности сегодняшнего дня...

... Надо энергично противостоять информационной монополии западных медиа, в том числе поддерживать всеми доступными методами российские средства массовой информации, работающие за рубежом. И, естественно, нельзя просто пропускать враньё в отношении России и допускать фальсификацию истории.⁶

---

² Ofer Fridman, "Information War' as the Russian Conceptualisation of Strategic Communications," *The RUSI Journal* 165, no. 1 (2020): 44-53, 46, <https://doi.org/10.1080/03071847.2020.1740494>.

³ Игорь Панарин, Любовь Панарина, *Информационная война и мир* (Москва: ОЛМА-Пресс, 2003), процитировано в Fridman, "Information War' as the Russian Conceptualisation of Strategic Communications."

⁴ Владимир Лисичкин, Леонид Шелепин, *Третья мировая (информационно-психологическая) война* (Москва: Эксмо, Алгоритм, 2003), 17.

⁵ Ofer Fridman, "The Russian Perspective on Information Warfare: Conceptual Roots and Politicisation in Russian Academic, Political, and Public Discourse," *Defence Strategic Communications* 2, no. 1 (2017): 61-86, 62, 77, <https://stratcomcoe.org/publications/the-russian-perspective-on-information-warfare-conceptual-roots-and-politicisation-in-russian-academic-political-and-public-discourse/194>.

⁶ Владимир Путин, Выступление на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации в Министерстве иностранных дел России, Москва, 30 июня 2016, <http://en.kremlin.ru/events/president/news/52298>.

Интересно, что китайские учёные разделяют мысли российских учёных об информационной войне. Древнекитайский философ Сунь Цзы известен рассуждениями о том, как информационная конфронтация помогает выиграть битву против других стран.⁷ Современные учёные тоже повторяют идеи Сунь Цзы. Так, «отец» китайской информационной войны Шень Вейгуан считает информационные войны средством влияния на системы познания и доверия для контроля врага и сохранения страны.⁸

Понимая, как информация влияет на выживание, китайские власти уделяют информационной войне большое внимание. В 2003 г. Компартия Китая и Центральная военная комиссия ввели понятие «Трёх войн» (三战) – психологической войны (心理战), войны за общественное мнение (舆论战) и юридической войны (法律战).⁹ Последние документы Народно-освободительной армии Китая, такие, как «Наука военной стратегии» 2013 г. и «Вступление к войне за общественное мнение, психологической войне и юридической войне» 2014 г., продолжили системное внедрение «Трёх войн» в китайскую военную науку,¹⁰ что отражает растущее внимание Китая к тому, как когнитивное понимание людей может влиять на стратегическое соперничество. Поэтому Китай вслед за Россией использует информационные кампании для продвижения прокитайских нарративов, например, во время пандемии Covid-19, в противостоянии Западу.¹¹

Тем временем Запад, особенно США, считают Россию и Китай угрозой мировому порядку, в котором Запад играет ведущую роль. Поэтому в глазах западных учёных и правительств термин «информационная война» означает агрессивное распространение пророссийских и прокитайских нарративов, чтобы получить поддержку западной аудитории.¹² Возьмём, к примеру,

⁷ Evgeniya Yu. Katkova and Anna S. Yunyushkina, “Chinese Concepts and Opportunities in Information Warfare: China-US Rivalry in Cyberspace,” *RUDN Journal of World History* 14, no. 2 (2022): 197-210, 198, <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-197-210>.

⁸ Barrington M. Barrett Jr., “Information Warfare: China’s Response to U.S. Technological Advantages,” *International Journal of Intelligence and CounterIntelligence* 18, no. 4 (2005): 682-706, 685-686, <https://doi.org/10.1080/08850600500177135>.

⁹ Sangkuk Lee, “China’s ‘Three Warfares’: Origins, Applications, and Organizations,” *Journal of Strategic Studies* 37, no. 2 (2014): 198-221, 199, <https://doi.org/10.1080/01402390.2013.870071>.

¹⁰ Elsa Kania, “The PLA’s Latest Strategic Thinking on the Three Warfares,” *China Brief* 16, no. 13 (2016): 13, <https://jamestown.org/program/the-plas-latest-strategic-thinking-on-the-three-warfares/>.

¹¹ Sascha-Dominik Dov Bachmann, Doowan Lee, and Andrew Dowse, “COVID Information Warfare and the Future of Great Power Competition,” *The Fletcher Forum of World Affairs* 44, no. 2 (2020): 11-18, 14, <https://www.jstor.org/stable/48599306>.

¹² Yevgeniy Golovchenko, Mareike Hartmann, and Rebecca Adler-Nissen, “State, Media and Civil Society in the Information Warfare over Ukraine: Citizen Curators of Digital Disinformation,” *International Affairs* 94, no. 5 (September 2018): 975-994, 976, <https://doi.org/10.1093/ia/iyy148>; Joanna Szostek, “What Happens to Public Diplo-

Стратегию национальной безопасности США. Там в разделе *Информация и государственность* сказано, что «Соперники Америки используют информацию как оружие для удара по ценностям и институтам, лежащим в основе свободных обществ, при этом закрывая себя от внешней информации».¹³ В документе также прямо говорится об информационных операциях Китая и России,¹⁴ что отражает особую озабоченность Запада информационными манипуляциями этих двух стран.

Таблица 1. Формы информационной войны, используемые Россией и Китаем в ходе русско-украинской войны.

Формы	Примеры
1. Осторожные формулировки	Объявление «вторжения» некой «операцией»
2. Предвзятое освещение информации	Игнорирование военных разрушений, гибели мирных жителей и роли Зеленского в войне
3. Цензура	Принятие законов о фейковых новостях Удаление антироссийского контента «Великая китайская стена» сетевой защиты
4. Перенос ответственности	Обвинение НАТО и США в развязывании войны и гуманитарных катастрофах Обвинение Украины в военных разрушениях
5. Безосновательные обвинения	Обвинение Украины в военных преступлениях
6. Использование эмоционально заряженного контента	Публикация видео поддержки женщин и сдачи в плен украинских солдат Представление украинцев «неонацистами»
7. Сфабрикованная информация	Подделка доказательств насилия украинских солдат над гражданскими Преувеличение числа пленных
8. Теория заговора	Разработка в Украине биологического оружия
9. Возможная оптимизация поисковых систем	Частое появление российских государственных СМИ вверху списка
10. Подача дезинформации как проверки фактов	Разоблачение видео удара 2017 г., которое не распространялось

macy During Information War? Critical Reflections on the Conceptual Framing of International Communication,” *International Journal of Communication* 14 (2020): 2728-2748, 2732, <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/13439/0>.

¹³ The White House, *National Security Strategy of the United States of America* (Washington, D.C., The White House, 2017), 35, <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

¹⁴ The White House, *National Security Strategy of the United States of America*.

Хотя понятие информационной войны, по-видимому, в основном используют для политизации попыток любой из сторон распространять информацию, выгодную для их лагеря, их концепции на самом деле перекликаются. Распространение манипулятивной информации нацелено на то, чтобы исказить сознание для получения поддержки или ослабления других стран. Соответственно, информационную войну можно определить как комбинацию средств манипуляции мыслями целевой аудитории для достижения определённых политических целей.¹⁵ То есть, как утверждают Головченко, Хартман и Адлер-Ниссе, «информацию используют как оружие, а умы граждан – как ‘поле боя’».¹⁶

Использование информационной войны для поддержки России во время русско-украинской войны

В этом разделе я анализирую использование информационной войны для поддержки российской агрессии во время русско-украинской войны (обобщено в Табл. 1). Она активно применялась ещё во время аннексии Россией Крыма в 2014 г.,¹⁷ но в 2022 г. ведение инфовойны на фоне полномасштабной войны приобрело ещё больший масштаб. Вклад Китая помогает информационной войне России, обеспечивая внутреннюю поддержку и искажая восприятие войны международной аудиторией.

Осторожность в формулировках

Во-первых, Россия и Китай крайне осторожны в своих формулировках, чтобы избежать нежелательной реакции. Многочисленные исследования психологов показали эффект формулировки, состоящий в том, что небольшое изменение формулировки может серьёзно повлиять на чьи-то предпочтения или восприятие проблемы.¹⁸ И Россия, и Китай пользуются этим эффектом, чтобы убедить международную аудиторию, что военные действия России – это не война. Они последовательно избегают называть агрессив-

---

¹⁵ Fridman, “‘Information War’ as the Russian Conceptualisation,” 45.

¹⁶ Golovchenko, Hartmann, and Adler-Nissen, “State, Media and Civil Society in the Information Warfare,” 976.

¹⁷ Golovchenko, Hartmann, and Adler-Nissen, “State, Media and Civil Society in the Information Warfare;” цитировано в Peter Pomerantsev, “Russia and the Menace of Unreality: How Vladimir Putin Is Revolutionizing Information Warfare,” *The Atlantic*, September 9, 2014, <https://www.theatlantic.com/international/archive/2014/09/russia-putin-revolutionizing-information-warfare/379880/>.

¹⁸ Darrin R. Lehman et al., “The Focus of Judgment Effect: A Question Wording Effect Due to Hypothesis Confirmation Bias,” *Personality and Social Psychology Bulletin* 18, no. 6 (December 1992): 690-699, 690, <https://doi.org/10.1177/0146167292186005>; Maria Dolores Nieto et al. “Modeling Wording Effects Does Not Help in Recovering Uncontaminated Person Scores: A Systematic Evaluation with Random Intercept Item Factor Analysis,” *Frontiers in Psychology* 12, 685326 (2021), <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.685326>.

ные действия России войной или вторжением, поскольку эти термины негативно заряжены.¹⁹ Вместо этого наступательные действия России называют операциями, как то «операция по демилитаризации военной инфраструктуры» или «специальная военная операция по защите народных республик».²⁰ Такая подчистка языка может повлиять на общественное мнение об агрессии Москвы, ослабляя внутреннее и международное сопротивление российской экспансии.

Предвзятое освещение информации

Российские и китайские СМИ выборочно сообщают о войне, поэтому их аудитория смотрит на украинский кризис под иным углом. Поскольку люди получают информацию о политических вопросах из СМИ, выборочные репортажи могут формировать мнение аудитории о конфликте, превращая информацию в оружие режима. Российские СМИ преуменьшают масштаб военных действий России и военных разрушений.²¹ Так, российское государственное телевидение избегает упоминать о ситуации в Киеве и Харькове, где от разрушительных обстрелов страдают жилые дома.²² Государственные СМИ Китая так же скупко освещают убийства российскими войсками мирных жителей.²³ При такой предвзятости СМИ информация о зверствах российских войск не попадает в поле зрения. Предвзятое изображение войны может побудить людей верить, что Россия отнюдь не является жестоким агрессором. Таким образом, аудиторию обманом заставляют верить в сфабрикованную историю, которую оба правительства подают своим гражданам. Как писала *New York Times*, Россия манипулирует информацией,

¹⁹ Craig Silverman and Jeff Kao, "In the Ukraine Conflict, Fake Fact-Checks Are Being Used to Spread Disinformation," *ProPublica*, March 8, 2022, <https://www.propublica.org/article/in-the-ukraine-conflict-fake-fact-checks-are-being-used-to-spread-disinformation>; Tara Law, "The World Is Watching Russia Invade Ukraine. But Russian Media Is Telling a Different Story," *Time*, February 28, 2022, <https://time.com/6151572/russian-media-ukraine-coverage/>; Evelyn Cheng, "China Refuses to Call Russian Attack on Ukraine an 'Invasion,' Deflects Blame to U.S.," *CNBC*, February 24, 2022, <https://www.cnn.com/2022/02/24/china-refuses-to-call-attack-on-ukraine-an-invasion-blames-us.html>.

²⁰ Simona Kralova and Sandro Vetsko, "Ukraine: Watching the War on Russian TV – a Whole Different Story," *BBC*, March 2, 2022, <https://www.bbc.co.uk/news/world-europe-60571737>; Michael M. Grynbaum, John Koblin, and Tiffany Hsu, "Several Western News Organizations Suspend Operations in Russia," *The New York Times*, March 4, 2022, <https://www.nytimes.com/2022/03/04/business/western-media-operations-russia.html>; "Russia Had 'no Choice' but to Launch 'Special Military Operation' in Ukraine, Lavrov Tells UN," *UN News*, September 24, 2022, <https://news.un.org/en/story/2022/09/1127881>.

²¹ Law, "The World Is Watching Russia Invade Ukraine."

²² Kralova and Vetsko, "Ukraine: Watching the War on Russian TV."

²³ Rachel Cheung, "Russia-Ukraine War: In Chinese Media, the US Is the Villain," *Aljazeera*, April 6, 2022, <https://www.aljazeera.com/news/2022/4/6/china-media-coverage-ukraine-war>.

которую получают россияне, чтобы те не верили, что Россия ведет войну в Украине.²⁴

Цензура

Две страны усилили цензуру своих СМИ, чтобы лучше контролировать нарратив ключевых событий. Будучи автократиями, Китай и Россия всегда жестко контролировали распространение информации. Контроль информации значительно усилился на фоне полномасштабного российского вторжения в Украину. Примечательно, что, опираясь на более ранние законы, такие, как «Закон о фейках» 2019 г. и «Закон о неуважении к власти» 2019 г., в 2022 г. в России были приняты законы, вводящие военную цензуру и запрещающие антивоенные заявления и призывы к санкциям от 4 марта 2022 г. Согласно этим законам, распространение «ложной информации» о действиях российских государственных органов может привести к штрафу в размере 5 млн. рублей и лишению свободы на срок до 15 лет.²⁵ Столь строгие наказания могут заглушить искренние голоса людей и средств массовой информации. В связи с ограничением свободы слова и ростом риска работы в России, некоторые западные медиакомпании (в частности, ABC News, CNN International) и российские независимые СМИ (Радио Эхо, Znak.com, Дождь) приостановили свою деятельность в России.^{26,27} Кроме борьбы с антиправительственной информацией собственно в России, Москва ограничила доступ российских граждан к зарубежным СМИ (например, BBC и Deutsche Welle), чтобы не допустить распространения антивоенных материалов.²⁸ В результате антироссийская информация в России практически не распространяется.

Тем временем Китай тоже вводит более мягкую, но строгую цензуру. Государственные информационные агентства (например, Horizon News) отфильтровывают антироссийский или прозападный контент.²⁹ Китайские СМИ также отказываются переводить или транслировать контент с антироссийскими посланиями. Одним из примеров первого стало отсутствие перевода осуждения России президентом Международного паралимпийского комитета Эндрю Парсоном на открытии Зимних Паралимпийских игр

---

²⁴ Valerie Hopkins, "Ukrainians Find That Relatives in Russia Don't Believe It's a War," *New York Times*, March 6, 2022, <https://www.nytimes.com/2022/03/06/world/europe/ukraine-russia-families.html>.

²⁵ Государственная Дума, «Приняты поправки об ответственности за фейки о работе госорганов РФ за рубежом», 22 марта 2022, <http://duma.gov.ru/news/53773/>.

²⁶ Grynbaum, Koblin, and Hsu, "Several Western News Organizations Suspend."

²⁷ Anna Cooban, "More Russian Media Outlets Close as Moscow Cracks Down," *CNN Business*, March 4, 2022, <https://edition.cnn.com/2022/03/04/media/russia-media-crack-down/index.html>.

²⁸ Cooban, "More Russian Media Outlets Close."

²⁹ Carl Samson, "Chinese News Outlet Accidentally Posts Censorship Instructions on Russia-Ukraine Coverage," *NextShark*, February 24, 2022, <https://nextshark.com/chinese-news-russia-ukraine/>.

2022 г.³⁰ А пример последнего – отказ от трансляции матчей английской премьер-лиги, в которых игроки намеревались выразить свою поддержку Украине.³¹ Стоит заметить, что «Великая китайская стена» сетевой защиты продолжает работу и во время кризиса, о чём часто забывают в обсуждениях. Китай использует «Великую китайскую стену» сетевой защиты в дополнение к новым мерам цензуры. Блокируется доступ населения к иностранным веб-сайтам (например, Wikipedia), соцсетям (Twitter, Facebook) и поисковым системам (например, Google).³² Это усложняет доступ китайских граждан к антивоенной информации из-за рубежа. Все эти меры приводят к распространению внутри Китая односторонней информации, что способствует готовности местного сообщества поддержать вторжение России.

Перенос ответственности

Будучи инициатором войны, Россия с помощью Китая тем не менее постоянно перекладывает ответственность на Украину и Запад. Путин настаивает, что «специальная военная операция» – вынужденная мера.³³ Московское правительство и китайские государственные СМИ использовали аргумент «Обвиняй НАТО», придуманный такими политологами, как Джон Миршаймер,³⁴ чтобы обвинить НАТО и США в том, что они не пошли навстречу требованиям России о безопасности и тем самым вынудили Россию напасть на

---

³⁰ Weilun Soon, “Chinese Translators Offered a Watered-down Version of the Paralympic Committee President’s Anti-war Speech during the Games’ Opening Ceremony,” *Business Insiders*, March 7, 2022, <https://www.businessinsider.com/chinese-state-tv-avoids-anti-war-views-paralympics-opening-speech-2022-3>.

³¹ Beiyi Seow, “Chinese Media Echoes Russia on Ukraine War,” *The Moscow Times*, March 14, 2022, <https://www.themoscowtimes.com/2022/03/14/chinese-media-echoes-russia-on-ukraine-war-a76913>.

³² Anne-Marie Brady, “Plus ça change?: Media Control Under Xi Jinping,” *Problems of Post-Communism* 64, no. 3-4 (2017): 128-140, 133, <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1197779>.

³³ Law, “The World Is Watching Russia Invade Ukraine.”

³⁴ See John J. Mearsheimer, “Why the Ukraine Crisis Is the West’s Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin,” *Foreign Affairs* 93, no. 5 (September/October 2014): 1-12, <https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/06/Why-the-Ukraine-Crisis-Is.pdf>.

Украину.³⁵ Министерство иностранных дел Китая даже назвало США «настоящим нарушителем спокойствия и угрозой безопасности в мире»,³⁶ за чем последовала резкая критика США такими новостными агентствами, как China Military Online и People's Daily.³⁷ Китайское государственное СМИ *Global Times* даже создало хэштэг #UkraineCrisisInstigator, чтобы обвинить США и НАТО.³⁸ Оно же опубликовало ряд репортажей и карикатур (см. Рис. 1), чтобы показать, как Соединенные Штаты мутят воду,³⁹ и отвлечь аудиторию от русско-украинской войны, обсуждая, как США вызвали гуманитарную катастрофу и кровавые потрясения в предыдущих войнах – в Ираке, Сирии, Афганистане.⁴⁰ Это может побудить аудиторию забыть об ответственности России за развязывание войны, подрывая при этом доверие к Западу и отбивая охоту поддаваться на антироссийские призывы Запада.

Одновременно, помимо критики США и НАТО, российское телевидение обвиняло Украину в ударах по украинскому Донбассу, чтобы переложить на неё ответственность за серьезные повреждения инфраструктуры, жилья и других объектов.⁴¹ Это может ослабить симпатии граждан других государств к Украине, тем самым помогая российской экспансии.

³⁵ Katherine Fung, "White House Rejects Putin Blaming NATO for Ukraine War: That's 'Absurd'," *Newsweek*, May 9, 2022, <https://www.newsweek.com/white-house-rejects-putin-blaming-nato-ukraine-war-thats-absurd-1704990>; Martin Fornusek, "Russian Propaganda in War: Fake 'Fact-checkers,' Far-right Conspiracies, and Distracted Progressives," *Euromaidan Press*, May 20, 2022, <https://euromaidanpress.com/2022/05/20/russian-propaganda-adapts-to-the-war/>; Sheng Jun, "Fanning up Flames of Trouble, US Is to Blame for Tension in Ukraine," *China Military Online*, March 17, 2022, http://eng.chinamil.com.cn/view/2022-03/17/content_10141490.htm; Vibhuti Sanchala, "China Urges US to Take Responsibility for Ukraine War; Slams Sanctions on Russia," *Republic World*, April 11, 2022, www.republicworld.com/world-news/russia-ukraine-crisis/china-urges-us-to-take-responsibility-for-ukraine-war-slams-sanctions-on-russia-articleshow.html.

³⁶ Jun, "Fanning up Flames of Trouble"; Sheng Zhong, "U.S. Has Inescapable Responsibilities for Ukraine Crisis," *People's Daily*, March 30, 2022, <http://en.people.cn/n3/2022/0330/c90000-10077602.html>.

³⁷ Jun, "Fanning up Flames of Trouble."

³⁸ Cheung, "Russia-Ukraine War: In Chinese Media."

³⁹ Hao Zhang, "Ukraine Crisis Instigator: US-led NATO Reneges on 'Not One Inch Eastward' Promise to Compress Russia's Space to the Extreme," *Global Times*, March 23, 2022, <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1256665.shtml>.

⁴⁰ Zhun Li, "Human Rights Destroyer: US Causes Humanitarian Disasters around Globe, Killing Innocent Civilians and Creating Millions of Refugees," *Global Times*, April 13, 2022, <https://www.globaltimes.cn/page/202204/1259260.shtml>.

⁴¹ Kralova and Vetsko, "Ukraine: Watching the War on Russian TV."

Рис. 1: Карикатура в *Global Times*, возлагающая вину за войну на США (Global Times, <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1256665.shtml>)

Безосновательные обвинения

Россия голословно обвиняла Украину в причинении вреда гражданскому населению и угрозах России. Россия утверждает, что Украина осуществляет геноцид русскоязычных жителей востока Украины.⁴² Кроме того, российский государственный Первый канал сообщал, будто бы украинские войска бомбили жилые дома и склады аммиаком, несмотря на отсутствие доказательств.⁴³ Она также заявляет, что Украина использует более 4,5 миллионов гражданских лиц как живой щит, совершая тем самым воинские преступления.⁴⁴ Так, представитель Минобороны России Игорь Конашенков говорил, что «киевский режим использует жителей города в качестве ‘живого щита’ для националистов, разместивших артиллерийские подразделения и боевую технику в жилых кварталах столицы».⁴⁵ Это тоже должно помочь России переложить ответственность за начало войны на её противника и ослабить сопротивление вторжению.

⁴² Jessica Brandt and Valerie Wirtschafter, “The Surprising Performance of Kremlin Propaganda on Google News,” *Brookings*, March 1, 2022, <https://www.brookings.edu/techstream/the-surprising-performance-of-kremlin-propaganda-on-google-news/>.

⁴³ Kralova and Vetsko, “Ukraine: Watching the War on Russian TV.”

⁴⁴ Kralova and Vetsko, “Ukraine: Watching the War on Russian TV;” Neve Gordon and Nicola Perugini, “Why We Need to Challenge Russia’s Human Shields Narrative,” *Aljazeera*, April 3, 2022, <https://www.aljazeera.com/opinions/2022/4/3/why-we-need-to-challenge-russias-human-shields-narrative>; Anurag Roushan, “Russia-Ukraine War: Moscow Accuses Ukraine Govt of Using Civilians as ‘human Shields’,” *Republic World*, February 25, 2022, <https://www.republicworld.com/world-news/russia-ukraine-crisis/russia-ukraine-war-moscow-accuses-ukraine-govt-of-using-civilians-as-human-shields-articleshow.html>.

⁴⁵ Цитировано в Gordon and Perugini, “Why We Need to Challenge Russia’s Human Shields Narrative.”

Использование эмоционально заряженного контента

Россия и Китай создают эмоционально заряженный контент, чтобы очернить Украину и Запад или защитить репутацию России. Эмоционально заряженные материалы могут побудить аудиторию принять и распространять идеи без серьёзного анализа или изучения доказательств.⁴⁶ С одной стороны, Россия и Китай распространяли пророссийские материалы о действиях военных (например, ролики с женщинами, поддерживающими российских солдат,⁴⁷ и ролики сдачи украинских бойцов⁴⁸), чтобы поддержать моральный дух россиян и сплотить их вокруг военных действий России. Ощущение уверенности, создаваемое этими материалами, также могло помочь России пробудить национальные чувства и избежать сопротивления внутри страны. С другой, Россия давала эмоционально окрашенный контент, чтобы изменить восприятие Украины, народ которой мог бы поверить, что у них нацисты у власти. Для этого официальные лица и СМИ именуют Украину неонацистской и сравнивают российское вторжение в Украину с защитой Советской родины от нацистской агрессии.⁴⁹ Такой контент призван очернить действующую власть и вызвать страх у граждан России и расовых групп, которым угрожала нацистская Германия, тем самым убедив этих людей поддержать военные действия России по «денацификации», как освобождение.

Сфабрикованная информация

Россия фабриковала информацию о войне, чтобы пошатнуть образ и моральный дух Украины. Поскольку некоторые вышеупомянутые обвинения бездоказательны, Россия пыталась фабриковать улики для подтверждения своих заявлений. Так, Россия планировала снять видео, на котором украинские бойцы грубо обращаются с гражданскими, чтобы подорвать международную репутацию Украины.⁵⁰ Это искажало правду и обманывало людей, но укрепляло и расширяло базу поддержки России. Кроме того, Россия фабриковала материалы, искажающие ход войны, для российской и украинской аудитории. Российское государственное информационное агентство

⁴⁶ Shamsiah Abd Kadier, Anitawati Mohd Lokman, and Toshio Tsuchiya, "Emotion and Techniques of Propaganda in YouTube Videos," *Indian Journal of Science Technology* 9, no. 1 (2016): 1-8, 3, <https://dx.doi.org/10.17485/ijst/2016/v9iS1/106841>.

⁴⁷ Dmitry Adamsky, "Russia Botched Its Early War Propaganda Campaign, but Now It's Doubling Down," *Foreign Policy*, April 30, 2022, <https://foreignpolicy.com/2022/04/30/russia-putin-zampolits-ukraine-propaganda-campaign-war/>.

⁴⁸ Global Times (@globaltimesnews), "Surrendering Ukraine soldiers were given cigarettes in a video clip distributed by Russian media on Friday," *Twitter*, February 26, 2022, <https://twitter.com/globaltimesnews/status/1497357644432277505>.

⁴⁹ Kralova and Vetsko, "Ukraine: Watching the War on Russian TV;" Fornusek, "Russian Propaganda in War."

⁵⁰ Brandt and Wirtschafter, "The Surprising Performance of Kremlin Propaganda."

«РИА Новости» отрицало потери российских самолётов, вертолётów, бронетехники,⁵¹ вопреки международным данным.⁵² Россия лгала, что украинские военные оставляют позиции, вопреки твёрдой решимости украинцев не сдаваться и не бежать.⁵³ Также Россия завышает число сдавшихся в плен украинских солдат.⁵⁴ Эти действия призваны ослабить Украину и повысить моральный дух собственных сил, повышая шансы на победу. Создавая видимость, будто Россия побеждает в войне, а украинские военные – трусы, сфабрикованные материалы должны были ослабить поддержку украинцами своей власти и побудить россиян поддержать «специальную военную операцию» Москвы.

Теория заговора

Россия и Китай распространяют теории заговора, чтобы аудитория поддержала российское вторжение. Теории заговора – это непроверенные утверждения о том, будто некие таинственные силы вступили в сговор, чтобы вызвать те или иные политические или социальные события.⁵⁵ Исследования психологов показывают, что люди начинают верить в теории заговора, когда они не доверяют друг другу или чувствуют опасность.⁵⁶ В таких странах, как Китай, Иран, Турция, выросло недоверие к Западу,⁵⁷ что создало благоприятные условия для распространения теорий заговора. Российское правительство и СМИ сообщали, что Украина при финансовой помощи США создала лаборатории по производству биологического оружия,⁵⁸ а китайские

⁵¹ Andrey Kots, “‘Call Everyone’: What Is Happening in the Donbass,” *RIA News*, February 24, 2022, <https://ria.ru/20220224/donbass-1774718537.html>.

⁵² Law, “The World Is Watching Russia Invade Ukraine.”

⁵³ Law, “The World Is Watching Russia Invade Ukraine.”

⁵⁴ Brandt and Wirtschafter, “The Surprising Performance of Kremlin Propaganda.”

⁵⁵ Robert Brotherton and Christopher C. French, “Belief in Conspiracy Theories and Susceptibility to the Conjunction Fallacy,” *Applied Cognitive Psychology* 28, no. 2 (March/April 2014): 238-248, 238, <https://doi.org/10.1002/acp.2995>; Silvia Mari et al., “Conspiracy Theories and Institutional Trust: Examining the Role of Uncertainty Avoidance and Active Social Media Use,” *Political Psychology* 43, no. 2 (April 2021): 277-296, 279, <https://doi.org/10.1111/pops.12754>.

⁵⁶ Ted Goertzel, “Belief in Conspiracy Theories,” *Political Psychology* 15, no. 4 (1994): 731-742, 739-740, <https://doi.org/10.2307/3791630>; Jan-Willem van Prooijen, Giuliana Spadaro, and Haiyan Wang, “Suspicion of Institutions: How Distrust and Conspiracy Theories Deteriorate Social Relationships,” *Current Opinion in Psychology* 43, no. 1 (February 2022): 65-69, 66, <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2021.06.013>; Mari et al., “Conspiracy Theories and Institutional Trust,” 280.

⁵⁷ Kishore Mahbubani, *The Asian 21st Century* (Singapore: Springer, 2022), 64; Oğuzhan Göksel, “Defying the System: The Origins of Anti-Westernism in the Non-Western World and the Case of Iran,” *Turkish Journal of Middle Eastern Studies* 6, no. 2 (2019): 13-42, 4-5, <https://doi.org/10.26513/toecd.581276>.

⁵⁸ Justin Ling, “False Claims of U.S. Biowarfare Labs in Ukraine Grip QAnon,” *Foreign Policy*, March 2, 2022, <https://foreignpolicy.com/2022/03/02/ukraine-biolabs-conspiracy-theory-qanon/>; Furnusek, “Russian Propaganda in War,” *Euronews*, “Russia Demands

СМИ вирусно распространяли такие утверждения.⁵⁹ Директор российского космического агентства (Роскосмос) также писал, что Украина разработала биологическое оружие, подавляющее репродуктивную способность или иммунитет русских, обрекая их на вымирание.⁶⁰ Это может еще больше разжечь вражду и настроить их внутреннюю и западную аудиторию против Запада.

Возможная оптимизация поисковых систем

Россия могла оптимизировать поисковые системы, чтобы ускорить продвижение пророссийских нарративов. Оптимизация поиска – это практика повышения поискового рейтинга материалов, например, по каким-то популярным ключевым словам.⁶¹ Такие поисковые элементы (например, «ДНР» и «ЛНР») в российских государственных СМИ чаще появляются на верхних строках результатов поиска.⁶² Хотя пока ещё не ясно, вызвано это преднамеренным манипулированием Россией своим контентом согласно алгоритму или случайным массовым генерированием контента, следует задуматься, что оптимизация поиска может существенно повлиять на результат поиска людьми информации. Если видеть только российские источники, это может исказить взгляды и восприятие так, как того хочет государство.

Подача дезинформации как проверки фактов

Наконец, Россия применила новую тактику, не известную по другим конфликтам: выдавать дезинформацию за проверку фактов. Традиционно проверка фактов считалась эффективным способом борьбы с дезинформацией. Тем не менее Россия использует рубрику «проверка фактов» для распространения новых фейков, используя выдуманную историю, чтобы опровергнуть другую выдуманную историю. Например, пророссийские силы заявляют, что украинцы распространяли видео удара, чтобы обвинить Россию в обстрелах Харькова. Затем размещают ещё одно видео с «проверкой фактов», чтобы пояснить, что видео с ударом фактически было снято в 2017 г.,

---

U.S. Explain Biological Programme in Ukraine,” March 10, 2022, <https://www.euro-news.com/2022/03/10/us-ukraine-crisis-russia-usa-biological>.

⁵⁹ Cheung, “Russia-Ukraine War: In Chinese Media;” Simone McCarthy, “China’s Promotion of Russian Disinformation Indicates Where Its Loyalties Lie,” *CNN*, March 10, 2022, <https://edition.cnn.com/2022/03/10/china/china-russia-disinformation-campaign-ukraine-intl-dst-hnk/index.html>.

⁶⁰ John Varga, “Putin Accuses US of Attempting to Wipe Russians off Face of Planet with New ‘Sex Bomb’,” *Express*, March 21, 2022, <https://www.express.co.uk/news/world/1584059/russia-news-ukraine-war-us-bioweapons-targeting-reproduction-rogozin-vladimir-putin>.

⁶¹ Mary Cushman, “Search Engine Optimization: What Is It and Why Should We Care?” *Research and Practice in Thrombosis and Haemostasis* 2, no. 2 (2018): 180, <https://doi.org/10.1002/rth2.12098>; Ravneet Singh Bhandari and Ajay Bansal, “Impact of Search Engine Optimization as a Marketing Tool,” *Jindal Journal of Business Research* 7, no. 1 (June 2018): 23, <https://doi.org/10.1177/2278682117754016>.

⁶² Brandt and Wirtschafter, “The Surprising Performance of Kremlin Propaganda.”

и украинцы распространяли ложь. Однако доказательств того, что видео удара распространили власти Украины, нет.⁶³ Изучив метаданные этих видео, Дарен Линвилл утверждает, что эти разоблачительные видео сделаны тем же человеком, который сделал фейковое видео удара.⁶⁴ Тем временем государственные каналы показывают новые «фейки» и видео с «проверкой фактов».⁶⁵ Эта новая тактика сделала информацию более запутанной, заставив часть аудитории поверить, что Россия распространяет правильную информацию, а Украина лжёт, и тем самым помогая правительству Москвы заручиться поддержкой.

Верхние результаты поиска Google News для DPR (ДНР) и LNR (ЛНР)

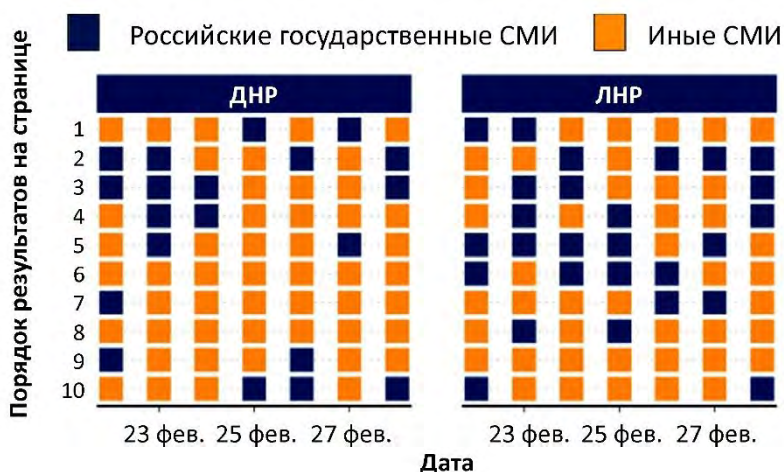

Рис. 2: Верхние результаты поиска Google News для двух связанных с войной ключевых слов (Brookings, <https://www.brookings.edu/techstream/the-surprising-performance-of-kremlin-propaganda-on-google-news/>).

Резюме

По сути, Россия ведёт активную инфовойну на фоне русско-украинской войны, а Китай подыгрывает ей, помогая агрессии своего партнёра. Разнообразие, охват и масштаб использования Россией когнитивных способностей и понимания людей в боевых действиях беспрецедентно велики. Старую тактику совершенствуют, разрабатывают новую (Табл. 1), что повышает эффективность манипулирования информацией как стратегического инструмента внутренней и международной поддержки.

⁶³ Fornusek, “Russian Propaganda in War;” Silverman and Kao, “In the Ukraine Conflict, Fake Fact-Checks Are Being Used.”

⁶⁴ Silverman and Kao, “In the Ukraine Conflict, Fake Fact-Checks Are Being Used.”

⁶⁵ Kralova and Vetsko, “Ukraine: Watching the War on Russian TV.”

Подоплёка информационной войны

Имея огромные ресурсы, государственные власти могут изготавливать, манипулировать и распространять контент для продвижения определённых позиций и взглядов,⁶⁶ но в связи с обилием информации люди часто испытывают информационную перегрузку, захлёбываясь в чрезмерном потоке информации.⁶⁷ Им не хватает способностей и времени обработать всю информацию, поэтому они ищут лёгкие пути потребления информации.⁶⁸ Один из соблазнительных лёгких путей – манипулятивная информация: она зомбирует, агрессивна, и эмоционально притягательна.⁶⁹ Но такая информация преднамеренно искажается, а аудитория может этого не замечать. Поэтому информационная война может побуждать людей верить и действовать в соответствии с политическими целями инициатора.⁷⁰ Использование информации как оружия и когнитивное понимание людей могут, таким образом, серьёзно влиять на базу поддержки агрессора. Мощную внутреннюю поддержку российского вторжения и неожиданные симпатии к России можно пояснить тем, что Россия и Китай распространяют манипулятивную информацию. Такая информационная война помогает противодействовать проукраинскому информационному влиянию, тем самым ослабляя сопротивление России.

⁶⁶ Golovchenko, Hartmann, and Adler-Nissen, "State, Media and Civil Society in the Information Warfare," 981; Larry M. Wortzel, *The Chinese People's Liberation Army and Information Warfare* (Carlisle, PA: The United States Army War College Press, 2014), 31, <https://press.armywarcollege.edu/monographs/506/>.

⁶⁷ Hye Hyun Hong and Hyo Jung Kim, "Antecedents and Consequences of Information Overload in the COVID-19 Pandemic," *International Journal of Environmental Research and Public Health* 17, no. 24, 9305 (2020): 1, <https://doi.org/10.3390/ijerph17249305>; Peter Gordon Roetzel, "Information Overload in the Information Age: A Review of the Literature from Business Administration, Business Psychology, and Related Disciplines with a Bibliometric Approach and Framework Development," *Business Research* 12, no. 1 (2019): 479-522, 480, <https://doi.org/10.1007/s40685-018-0069-z>.

⁶⁸ Meghan Fitzpatrick, Ritu Gill, and Jennifer F. Giles, "Information Warfare: Lessons in Inoculation to Disinformation," *Parameters* 52, no. 1 (2022): 105-118, 108, <https://doi.org/10.55540/0031-1723.3132>; Rune Karlsen and Toril Aalberg, "Social Media and Trust in News: An Experimental Study of the Effect of Facebook on News Story Credibility," *Digital Journalism* (2021): 4, <https://doi.org/10.1080/21670811.2021.1945938>.

⁶⁹ Edward K. Strong Jr., "Control of Propaganda as a Psychological Problem," *The Scientific Monthly* 14, no. 3 (March 1922): 234-252, 240, <https://www.jstor.org/stable/6376>.

⁷⁰ Szostek, "What Happens to Public Diplomacy During Information War?" 2730.

Согласно опросу, проведённому в России «Левада-Центром», 77% респондентов внутри страны поддерживали военные действия России в Украине в мае 2022 г. (Таблица 2).⁷¹ В Китае значительное количество комментариев одобряют «антизападную» войну России.⁷² Верно, что в таких авторитарных странах, как Россия и Китай, доверие к СМИ и опросам сомнительно из-за цензуры и фальсификации предпочтений.⁷³ Люди часто не хотят критиковать власть,⁷⁴ поэтому поддержка военных действий России, вероятно, завышена. Тем не менее опрос проводила последняя оставшаяся в России независимая социологическая служба, которая является более достоверным и легитимным источником.⁷⁵ Некоторые пророссийские или антизападные комментарии также создавались или распространялись китайцами инициативно, а не государственными СМИ, что предполагает некий уровень поддержки России в стране. Нельзя не замечать мощную базу внутренней поддержки российского вторжения и массовое искажение общественного мнения. Инфовойна явно играет свою роль в обеспечении внутренней поддержки российской агрессии.

Таблица 2. Внутренняя поддержка военных действий России в Украине.

Категория	22 марта	22 апреля	22 мая
Полностью поддерживают	53%	45%	47%
Скорей, поддерживают	28%	29%	30%
Не поддерживают	14%	19%	17%
Сложно сказать	6%	7%	6%

Источник: Левада-Центр, «Конфликт с Украиной», июня 2022 г.

⁷¹ Левада-Центр, «Конфликт с Украиной», Пресс-выпуск, 02.06.2022, www.levada.ru/2022/06/02/konflikt-s-ukrainoj-2/.

⁷² Yuan Li, «Why the Chinese Internet Is Cheering Russia's Invasion», *The New York Times*, February 27, 2022, <https://www.nytimes.com/2022/02/27/business/china-russia-ukraine-invasion.html>.

⁷³ Eda Keremoğlu and Nils B. Weidmann, «How Dictators Control the Internet: A Review Essay», *Comparative Political Studies* 53, no. 10-11 (September 2020): 1690-91, <https://doi.org/10.1177/0010414020912278>; Charles Crabtree, Holger L Kern, and David A Siegel, «Cults of Personality, Preference Falsification, and the Dictator's Dilemma», *Journal of Theoretical Politics* 32, no. 3 (July 2020): 414, <https://doi.org/10.1177/0951629820927790>.

⁷⁴ Edmund Malesky and Paul Schuler, «The Single-Party Dictator's Dilemma: Information in Elections without Opposition», *Legislative Studies Quarterly* 36, no. 4 (2011): 491-530, 492, <http://www.jstor.org/stable/23053275>.

⁷⁵ Peter Dickinson, «More Than Three-quarters of Russians Still Support Putin's Ukraine War», *Atlantic Council*, June 6, 2022, <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/more-than-three-quarters-of-russians-still-support-putins-ukraine-war/>.

На международной арене, хотя западные державы и возмущены незаконным вторжением России, ряд стран неожиданно отказался присоединиться к осуждению России. 35 стран, в частности, Индия и ЮАР, воздержались при голосовании в ООН резолюции с осуждением российского вторжения.⁷⁶ Некоторые граждане африканских стран даже считают Путина героем, храбро противостоящим гегемонии Запада.⁷⁷ Вероятно, на отношение некоторых стран к антироссийским призывам Запада могли повлиять и другие факторы (например, недовольство прошлыми военными действиями Запада, лицемерие по отношению к Украине, симпатия к незападным странам).⁷⁸ Однако инфовойна может дополнять другие факторы, ещё больше усиливая недоверие или враждебность людей к Западу, что побуждает их дистанцироваться от Запада или даже поддержать Россию. Поэтому кроме снижения легитимности антироссийских инициатив и демонстрации слабости Запада в руководстве антироссийским хором, не мизерная поддержка или симпатия к России также означает, что распространение спонсируемой государством тенденциозной информации может сильно влиять на отношение людей к политической проблеме.

Между тем, мы должны признать важную роль инфовойны в будущих войнах. Благодаря развитию спутников, Интернета и других цифровых технологий распространение информации, включая пропаганду и дезинформацию, станет более быстрым и менее затратным. В результате как внутренняя, так и международная аудитория будет больше подвержена воздействию такой манипулятивной информации.⁷⁹ Поэтому эффективность информационной войны будет возрастать, что и показала русско-украинская война.

Вероятно, социальные сети в настоящее время сотрудничают с независимыми службами проверки фактов, чтобы маркировать ложный и обманчивый контент, что может затруднить распространение манипулятивной информации. Тем не менее, современные алгоритмы и человеческая модерация далеки от совершенства. При наплыве разнообразной манипулятивной

---

⁷⁶ Amitav Acharya, "Global South Reacts to Western Call for Unity against Russia," *Responsible Statecraft*, March 29, 2022, <https://responsiblestatecraft.org/2022/03/29/global-south-reacts-to-western-call-for-unity-against-russia/>.

⁷⁷ Khatondi Soita Wepukhulu, "An African View of What's Happening in Europe," *Open Democracy*, March 3, 2022, <https://www.opendemocracy.net/en/5050/an-african-view-of-whats-happening-in-europe/>.

⁷⁸ Joseph Krauss, "Many in Mideast See Hypocrisy in Western Embrace of Ukraine," *The Associated Press*, March 29, 2022, <https://apnews.com/article/russia-ukraine-islamic-state-group-jerusalem-migration-europe-1ce41cc04aed6afc415e6ed83f83c984>; Aude Darnal et al., "The Global South on Ukraine," *Inkstick*, May 25, 2022, <https://inkstickmedia.com/the-global-south-on-ukraine/>; Acharya, "Global South Reacts to Western Call."

⁷⁹ Szostek, "What Happens to Public Diplomacy During Information War?" 2733.

информации удалять весь контент дорого, не говоря уже о том, что это может нарушать свободу слова.⁸⁰ Поэтому угроза информационной войны сохранится, несмотря на развитие механизмов проверки.

Использование информационной войны сбережётся, когнитивному пониманию угрожают стороннее вмешательство и искажение. Термин «проверка фактов» для политиков в конечном счёте может стать инструментом развенчания ложной информации с тем, чтобы сделать другую ложную информацию более убедительной, и люди столкнутся с трудностями в поиске надежных источников информации. Поэтому определить истину станет еще труднее. Больше людей будут обманывать, чтобы они поверили манипулятивной информации, а значит, их восприятие может быть сформировано злонамеренным контентом с тем, чтобы сделать из них пособников агрессора. Войны теперь идут не только на физическом поле боя, с применением пушек и ракет; всё более важной ареной становятся людские умы.

Что делать? Учиться, учиться и учиться.

Хотя развитие информационной войны является неприятной правдой для таких правдолюбив, как мы, мы должны противостоять злонамеренному манипулированию информацией, чтобы защитить независимость нашего ума. То же можно сказать и о власти, ибо неспособность граждан различать правду может серьезно угрожать безопасности и стабильности правления.⁸¹ Поэтому нужно учиться анализировать информацию, чтобы помочь людям сбросить рациональное мышление.

По мнению Зары Абрамс, кибер-ответственность (или же цифровая ответственность), что означает сочетание компьютерной грамотности, ответственности и понимания угрозы сетевых манипуляций, может реально помочь людям в инфовойне.⁸² Такое сочетание даёт общую основу для того, чтобы люди научились справляться с манипулятивной информацией, а правительство обучало противодействию инфовойне.

Граждане

Следует признать, что ответственные в цифровом отношении граждане в целом схожи с гражданами как таковыми. Ответственные в цифровом отно-

---

⁸⁰ Kelley Cotter, Julia R. DeCook, and Shaheen Kanthawala, "Fact-Checking the Crisis: COVID-19, Infodemics, and the Platformization of Truth," *Social Media + Society* 8, no. 1 (January 2022): 3, <https://doi.org/10.1177/20563051211069048>.

⁸¹ European Commission, "Tackling Online Disinformation: A European Approach," (COM(2018) 236 final) (Brussels: European Commission, 2018), 2-3, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52018DC0236>.

⁸² Zara Abrams, "The Role of Psychological Warfare in the Battle for Ukraine," *Monitor on Psychology* 53, no. 4 (2022): 18, <https://www.apa.org/monitor/2022/06/news-psychological-warfare>.

шении граждане так же имеют права и обязанности в виртуальном сообществе, как и граждане в сообществе физическом.⁸³ В частности, одним из качеств хорошего гражданина цифрового сообщества, заслуживающим нашего внимания, является критическое мышление.

Люди должны понимать, что они являются целью в информационной войне. С усилением тенденции использования информационной войны все граждане должны знать, что они могут подвергаться информационным манипуляциям. Поэтому крайне важно повышать свою компьютерную грамотность. Хотя понятие компьютерной грамотности спорно, его можно обобщить как навыки, знания и умения усваивать, оценивать и правильно и осмысленно воспроизводить информацию.⁸⁴ Это позволит людям мыслить критически и стать более стойкими в информационной войне.

Во-первых, люди должны выявлять источники информации. Некоторые СМИ и их рупоры бывают предвзяты или используются государством для искажения восприятия аудитории. Это касается государственных СМИ, отдельных лиц или СМИ, связанных с политическими партиями или определенными политическими взглядами, а также подцензурных источников из авторитарных стран, таких, как вышеупомянутые китайские *Global Times* и *People's Daily*. Это означает, что сами источники выражают свою позицию по определенным вопросам, от чего страдает их достоверность. Поэтому люди должны проверять политическую и идеологическую ангажированность источников, прежде чем полностью поверить информации. Они также должны стараться собирать точную и объективную информацию из более независимых и достоверных источников, где тщательно проверяют сообщения, дают актуальные ссылки и предлагают сбалансированные точки зрения. Предвзятые СМИ и их рупоры также могут цитировать «надежные» источники вне контекста, чтобы завоевать доверие, поэтому нужно проверять не только источники, но и цитаты.

---

⁸³ Gülcan Öztürk, "Digital Citizenship and Its Teaching: A Literature Review," *Journal of Educational Technology & Online Learning* 4, no. 1 (2021): 31-45, 32, <http://doi.org/10.31681/jetol.857904>.

⁸⁴ Carolyn R. Pool, "A New Digital Literacy: A Conversation with Paul Gilster," *Education Leadership* 55, no. 3 (1997): 6-11, 9, <https://www.learntechlib.org/p/83481/>; Luci Pangrazio and Julian Sefton-Green, "Digital Rights, Digital Citizenship and Digital Literacy: What's the Difference?" *Journal of New Approaches in Educational Research* 10, no. 1 (2022): 15-27, 21, <https://doi.org/10.7821/naer.2021.1.616>; Luci Pangrazio, Anna-Lena Godhe, and Alejo González López Ledesma, "What Is Digital Literacy? A Comparative Review of Publications across Three Language Contexts," *E-Learning and Digital Media* 17, no. 6 (2020): 443, <https://doi.org/10.1177/2042753020946291>; Danhua Peng and Zhonggen Yu, "A Literature Review of Digital Literacy over Two Decades," *Education Research International* 2022, no. 1 (2022): 2, <https://doi.org/10.1155/2022/2533413>; Paul Gilster, *Digital Literacy* (New York: Wiley Computer Pub., 1997), 1; Catherine Audrin and Bertrand Audrin, "Key Factors in Digital Literacy in Learning and Education: A Systematic Literature Review Using Text Mining," *Education and Information Technologies* 27 (2022): 7395-7419, <https://doi.org/10.1007/s10639-021-10832-5>.

Во-вторых, люди должны различать элементы эмоций и пропаганды. В информационной войне часто используют оскорбительные или эмоциональные формулировки, чтобы привлечь интерес читателей и повлиять на их рациональность. Например, в Китае используют слова с негативной окраской – «вампиры», «жестокость», «гегемония» – для описания позиции США в русско-украинской войне, культивируя таким образом антиамериканские настроения.⁸⁵ Поэтому люди должны сохранять спокойствие, читая эмоциональный контент, чтобы рационально анализировать информацию и не дать агрессору использовать себя.

В-третьих, люди должны выработать привычку проверять разные источники. Как мы отмечали, некоторые каналы информации выборочно сообщают о фактах, бывают предвзяты или распространяют фейки, поэтому нельзя полагаться на один источник, чтобы получить полное представление о вопросе. Кроме помощи в более глубоком и широком понимании вопроса, изучение большего числа источников также позволяет человеку проверить ложность или подлинность тех или иных утверждений. Таким образом он может проверить, реальны ли разоблачительные видео, или же они сняты специально, чтобы вбросить ложную информацию, а это снижает действенность такой новой тактики.

Вырабатывая цифровую ответственность и повышая свою цифровую грамотность, люди могут критически анализировать информацию из источников разного уровня (Рис. 3). Затем люди могут определить, предвзят ли источник, посредник или СМИ, оценив тем самым достоверность источника и сообщения. Также можно научиться оценивать достоверность разных сообщений, сравнивая их у разных источников или подвергая рациональному анализу. Это помогает избегать ловушек манипулятивной информации, пронизывающих эти уровни, что может существенно снизить эффективность информационной войны в использовании когнитивных способностей и принятии решений.

Кроме того, возможность столкнуться с манипулятивной информацией означает, что и другие пользователи сети могут стать бойцами, получая или распространяя манипулятивную информацию. Поэтому размещение, комментирование и распространение контента может иметь политические последствия: действия людей в виртуальном сообществе могут неосознанно помогать агрессору в распространении манипулятивной информации, способствуя тем самым его агрессии.⁸⁶ Следовательно, люди должны нести ответственность за свои действия в виртуальном сообществе. Они должны думать, прежде чем публиковать и делиться контентом. Осознанный вклад каждого крайне важен для предотвращения распространения манипулятивной информации.

---

⁸⁵ Li, "Human Rights Destroyer."

⁸⁶ European Commission, "Tackling Online Disinformation," 7.

Рис. 3: Пять уровней каналов информации (Karlsen & Aalberg, “Social Media and Trust in News”, адаптировано автором).

Власть

Граждане могут не понимать опасности информационной войны, поскольку манипулятивная информация влияет на подсознание. Поэтому правительство должно взять на себя ведущую роль в обучении цифровой ответственности, чтобы граждане были устойчивы к информационной войне. Это, в свою очередь, могло бы побудить граждан самостоятельно работать над повышением своей цифровой грамотности и навыков критического мышления. У правительства есть два основных пути избежать поражения общества в информационной войне.

Правительство должно разработать комплексную учебную программу для обучения людей пониманию и навыкам ведения инфовойны. Хотя некоторые страны изменили систему образования, чтобы дать студентам навыки анализа и оценки, другие (например, Великобритания) не смогли усовершенствовать учебную программу для адаптации к быстрым изменениям в цифровой среде.⁸⁷ Кроме того, некоторые проекты цифровой ответственности (например, проект цифрового водительского удостоверения в США) ограничены определёнными возрастными группами, игнорируя дру-

⁸⁷ Gianfranco Polizzi and Ros Taylor, “Misinformation, Digital Literacy and the School Curriculum,” *Media Policy Brief 22* (London: Media Policy Project, London School of Economics and Political Science, 2019), 12, https://eprints.lse.ac.uk/101083/6/Misinformation_digital_literacy_and_the_school_curriculum_updated_Sept_2019_.pdf.

гих учащихся и (или) взрослых, которые так же или даже больше подвержены манипулятивному контенту.⁸⁸ Учитывая рост применения инфовойн, недостаточность нынешних учебных программ становится все более очевидной. Поэтому руководителям нужно выделять больше ресурсов для повышения цифровой ответственности. Учебная программа должна включать больше материалов, помогающих учащимся распознать фейковые новости, дезинформацию, предвзятую информацию и другие распространенные элементы информационной войны, а также мыслить критически. Также важны промежуточные и итоговые оценки (тесты, собеседования), помогающие студентам понять свои знания и навыки и оценить эффективность обучения.⁸⁹

Учителям и школам тоже может не хватать нужных знаний или ресурсов для внедрения таких учебных программ и оценок. Будучи главной заинтересованной стороной в системе обучения, правительство должно организовывать обучение, предоставить методики или создать учебные ресурсы (например, раздаточные материалы, рабочие листы, учебные планы и презентации) для помощи в преподавании и обучении.⁹⁰ Они нужны, чтобы школы эффективно учили цифровой ответственности и грамотности.⁹¹ При возможности правительство может использовать и потенциал других заинтересованных сторон, таких, как аналитические центры и неправительственные организации, чтобы восполнить дефицит ресурсов и разработать меры поддержки. Институционализация такого образования может помочь воспитать из наших будущих поколений ответственных и грамотных в цифровом отношении граждан, которые смогут уверенно выжить в бурную цифровую эпоху.

В дополнение к школьному образованию, правительство также должно запустить рекламу в СМИ. Школьное образование комплексно формирует

⁸⁸ International Society for Technology in Education, "Digital Citizenship Defined: Teach the 9 Elements to Enhance Students' Safety, Creativity and Empathy," 20, http://oped.educacion.uc.cl/website/images/sitio/formacion/estudios/marcos/ciudadania%20digital/ISTE_2018_Digital_Citizenship_Defined_Teach_9_elements.pdf.

⁸⁹ Gavin T.L. Brown, "Is Assessment for Learning Really Assessment?" *Frontiers in Education* 4, no. 1, Article 64 (June 2019): 3, <https://doi.org/10.3389/feduc.2019.00064>; Lorrie A. Shepard, "The Role of Assessment in a Learning Culture," *Educational Researcher* 29, no. 7 (2000): 4-14, 13, <https://doi.org/10.2307/1176145>; Hanna B. Westbroek et al., "A Practical Approach to Assessment for Learning and Differentiated Instruction," *International Journal of Science Education* 42, no. 6 (2020): 955-976, 956, <https://doi.org/10.1080/09500693.2020.1744044>; Stephen Newstead, "The Purposes of Assessment," *Psychology Learning & Teaching* 3, no. 2 (September 2004): 97-101, 97-98, <https://doi.org/10.2304/plat.2003.3.2.97>.

⁹⁰ Polizzi and Taylor, "Misinformation, Digital Literacy and the School Curriculum," 13.

⁹¹ National Literacy Trust, "Fake News and Critical Literacy: The Final Report of the Commission on Fake News and the Teaching of Critical Literacy in Schools" (London: National Literacy Trust, 2018), 23, <https://literacytrust.org.uk/research-services/research-reports/fake-news-and-critical-literacy-final-report/>.

цифровую ответственность, но не охваченные им граждане не могут получить столь ценные уроки. Поэтому, для действенного информирования общественности об инфовойне нужны средства массовой информации и социальные сети с широким охватом общества. Такая реклама может помочь улучшить понимание людьми социальных проблем, мобилизовать поддержку и напомнить о необходимости защитить себя от указанных угроз.⁹² Можно снимать рекламно-информационные видео, чтобы своевременно и полно информировать об информационной войне. Это поможет обществу понять риски инфовойны, привлекая общественность к повышению цифровой ответственности. Используя разные каналы, власти могут реально помочь гражданам критически мыслить, анализировать и оценивать, что укрепит их иммунитет к манипулятивному контенту.

Стоит подчеркнуть, что такие образовательные проекты должны быть долгосрочными, постоянно оцениваться и корректироваться из-за изменчивости СМИ.⁹³ Как отмечают Джанфранко Полици и Рос Тейлор, «Дезинформация не нова. Но в цифровую эпоху дезинформация получила новые формы и новые средства быстрого распространения».⁹⁴ Русско-украинская война уже показала разработку новых стратегий информационной войны. В будущем, с ростом внимания к этой новой войне, будут постоянно появляться более творческие и эффективные стратегии. Правительство должно часто пересматривать образовательные программы для адаптации к новым условиям. Можно регулярно проводить количественные и качественные исследования, чтобы оценить цифровую грамотность учащихся и потребность в дополнительных вспомогательных ресурсах. Также необходимо использовать опыт других стран для улучшения образования. Таким образом вся страна сможет лучше защитить себя от злонамеренных информационных манипуляций.

Резюме

Успех стратегий противодействия инфовойне зависит от действий многих сторон, как показано на Рис. 4. Важность повышения цифровой ответственности граждан проливает свет на направление дальнейшей политики власти. Власть должна заниматься координацией и тесно сотрудничать с раз-

---

⁹² Zhenya Tang et al., "Does Government Social Media Promote Users' Information Security Behavior towards COVID-19 Scams? Cultivation Effects and Protective Motivations," *Government Information Quarterly* 38, no. 2, 101572 (April 2021): 2, <https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101572>; Douglas Yeung, "Social Media as a Catalyst for Policy Action and Social Change for Health and Well-Being: Viewpoint," *Journal of Medical Internet Research* 20, no. 3, e94 (2018): 3, <https://doi.org/10.2196/jmir.8508>.

⁹³ Elinor Carmi et al., "Data Citizenship: Rethinking Data Literacy in the Age of Disinformation, Misinformation, and Malinformation," *Internet Policy Review* 9, no. 2 (2020), 12, <https://doi.org/10.14763/2020.2.1481>.

⁹⁴ Polizzi and Taylor, "Misinformation, Digital Literacy and the School Curriculum," 4.

личными секторами, чтобы получить поддержку или совет для совершенствования нынешнего школьного и внешкольного образования. Это поможет стране справиться с вызовами инфовойны.

Рис. 4: Резюме решения (автор).

Заключение

Русско-украинская война показала, что широкое применение информационной войны может существенно влиять на отношение людей к войне и ее течению. Систематически классифицируя и анализируя использование информационной войны в ходе данной войны, эта статья вносит вклад в будущие исследования в области безопасности, исследуя старые и новые тактики, при особом внимании к теории. Необходимы дополнительные эмпирические исследования, чтобы всесторонне оценить влияние такой тактики и соответственно оценить угрозу информационной войны.

Следует, однако, отметить, что автор статьи не полностью относит поддержку некоторыми людьми России в войне на счёт информационной войны. Делать людей быть более пророссийскими в этом кризисе могут и другие факторы, такие, как высокая репутация России в развивающихся странах и негативная реакция на жесткие санкции Запада. Эти факторы, плюс информационная война, могут дополнять друг друга, дополнительно усиливая пророссийские настроения людей. Таким образом, эта статья направлена на то, чтобы подчеркнуть, но не переоценивать роль информационной войны в войне.

Статья проливает свет на разные стороны использования информационной войны в русско-украинской войне. Информационная война стремительно развивается, но, к сожалению, демократическое сообщество пока еще недостаточно подготовлено к росту манипулятивной информации. Нам многое предстоит сделать, чтобы выработать действенный ответ на вызов манипулирования контентом. Такая динамика международной безопасности сигнализирует, что демократическое сообщество и дисциплина безопасности должны следить за развитием таких творческих форм ведения войны, чтобы мы могли адекватно реагировать на будущие информационные войны.

Будущее демократии оставляет нам надежду, если граждане и власть осознают свою роль в формировании общества, устойчивого к информационным войнам. Люди должны стать критичными и ответственными гражданами. Всестороннее образование, спланированное и внедряемое совместными усилиями многих сторон, также необходимо для того, чтобы граждане могли противостоять манипулятивной информации. Поэтому настоятельно рекомендуется тесное сотрудничество между правительством и соответствующими сторонами.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнерство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторе

Хо Тин (Боско) Хун – бакалавр политических и международных отношений Лондонской школы экономики и политологии. Член Веронской международной группы по изучению безопасности. Недавно выступил на Оксфордском Гонконгском форуме 2022 г. и дал интервью Asharq News и Al Jazeera с геополитическим анализом мировой политики. Публиковался в таких изданиях, как *The Webster Review of International History*, *Oxford Political Review*, *International Policy Digest*, *Modern Diplomacy*, *The Geopolitics* и *International Affairs Forum*. Интересуется в основном китайско-американскими отношениями, китайской политикой, анализом внешней политики, гендерными вопросами, политэкономией и правами человека.

Электронная почта: h.t.hung@lse.ac.uk

Уроки, которые НАТО должна вынести из путинской войны в Украине: Глобальное медицинское взаимодействие, совместимость и эффективность

Джон Куинн

Оффшорная станция помощи мигрантам, <https://www.moas.eu/>

Аннотация: Вторжение России в Украину собирает кровавую жатву в виде болезней и смертей бойцов и незащищенного гражданского населения, которую можно было предотвратить. Глобальное медицинское взаимодействие (GHE) с участием сил партнёров в течение всего лечения, от ранения (травмы) до реабилитации, повысит совместимость, медицинскую готовность и эффективность. В связи с последней тактикой и военными действиями России в Грузии, Украине, Беларуси и других европейских странах меры GHE, предлагаемые НАТО и странами-участницами в одностороннем порядке, должны быть усилены. Гибридные атаки России, Китая и других противников усугубляют риски для мировой медицинской безопасности, связанные с войной ранения и болезни. Меры GHE под руководством НАТО в интересах боевых действий в Украине могут помочь достижению внешнеполитических интересов при целевом применении, что, в свою очередь, принесёт максимальную выгоду НАТО и её странам-участницам. Медицинскую готовность, совместимость и эффективность можно обеспечить согласованными действиями всех медицинских служб по стандартизации системы медицинской эвакуации, прозрачному развёртыванию мобильных медицинских учреждений и улучшению доступа к интенсивной терапии и хирургии на всех этапах лечения. Обмен полученным опытом поможет Украине, НАТО и всем странам-участницам. Эти главные направления усилий снизят предотвратимую заболеваемость и смертность на пользу боевым действиям и государственному суверенитету.

Ключевые слова: оборонное сотрудничество, Глобальное медицинское взаимодействие, GHE, военная медицина, медицинская готовность, эффективность, Украина, НАТО, медицинская безопасность.

Вступление

Угрозы безопасности на восточном фланге НАТО серьёзны, опасны и могут потребовать новых подходов, обеспечивающих достижение результатов, выгодных для стратегических задач и коллективной обороны НАТО. Россия представляет серьёзную угрозу региональной безопасности в Европе. Основными операциями альянса НАТО являются сдерживание, коллективная оборона, урегулирование кризисов, предотвращение и ликвидация последствий катастроф.

НАТО должна поддержать и возглавить координацию мер Глобального медицинского взаимодействия (GHE) в Украине для снижения заболеваемости и смертности в результате боевых действий и повысить медицинскую готовность Украины и сил НАТО. GHE позволяет создать более эффективные силы за счёт модернизации сил и средств, новых инновационных концепций применения, повышения устойчивости и совершенствования навыков персонала. Партнёрство и реформы прямо повышают эффективность боевых действий.¹ Меры Глобального медицинского взаимодействия НАТО и партнёров способствуют сотрудничеству в области безопасности с вторичными и третичными эффектами стабильности, сдерживания и повышения медицинской готовности, совместимости и эффективности на фоне новых угроз здоровью, от инфекционных болезней до конфликтов.

В этой статье для анализа успехов и описания всех этапов помощи в процессе эвакуации использована стандартная терминология НАТО.² Основы медицинской помощи 1 уровня включают постоянную тактическую полевою помощь и начало интенсивной терапии (damage control resuscitation, DCR) на основе способностей. 2 уровень предусматривает интенсивную терапию и хирургическое лечение политравм (damage control surgery, DCS) с ограниченными возможностями интенсивной терапии в подразделении. 3 уровень предусматривает полное хирургическое и расширенное лечение на ТВД. Наконец, 4 уровень включает полное медицинское лечение, реабилитацию и последующее хирургическое вмешательство при потребности для всех диагнозов и пациентов. После 5 месяцев боевых действий в Украине самые серьёзные недостатки сохраняются с оказанием помощи на месте ранения и тактической оценкой вплоть до 3 уровня, включая эвакуацию и реанимацию.

До начала Россией боевых действий в 2014 г. украинские экстренные службы занимались неболевыми травмами и первой медицинской помощью, а ликвидация последствий катастроф в основном касалась природных

---

¹ Derek Licina and Jackson Taylor, "International Trauma Capacity Building Programs: Modernizing Capabilities, Enhancing Lethality, Supporting Alliances, Building Partnerships, and Implementing Reform," *Military Medicine* 187, no. 7-8 (July-August 2022): 172-174, <https://doi.org/10.1093/milmed/usab539>.

² Полное детальное описание уровней медицинской помощи см. Miguel A. Cubano, *Emergency War Surgery*, 5th US Revision (Government Printing Office, 2018).

катастроф. После полномасштабного вторжения России в феврале 2022 г. Украина объявила военное положение, что существенно влияет на организацию клинической практики во всех областях и службах сил обороны и здравоохранения. Проблемы догоспитальной медицинской помощи в Украине сложны и очень специфичны. Украина – молодая европейская страна с доходами ниже средних, с централизованной системой здравоохранения до вторжения России. До российского вторжения и вспышки насилия в феврале 2022 г. Украина гордилась наличием гражданской медицинской помощи, эквивалентной уровням 1, 2 и 3 НАТО. Подход Украины был нацелен на совместимость Вооружённых сил Украины (ВСУ) с многочисленными гражданскими аварийно-спасательными и медицинскими учреждениями. Кроме того, Украина была хорошо связана дорогами, мостами, железными дорогами и другими видами транспорта для страны, которая, если расположить её на востоке США, протянулась бы от Миссури до Атлантики и от Огайо до Джорджии. Широкая география Украины сложна для медицинской эвакуации, если эвакуация по воздуху невозможна. Превосходство в воздухе над районами боевых действий в Украине спорно. Много медицинской авиации было сбито. Вопреки Женевским конвенциям, Россия намеренно наносит удары по санитарным автомобилям, персоналу и средствам медицинского обеспечения.

Несмотря на высокое качество помощи, предоставляемой гражданской системой здравоохранения Украины, военная медицина и интенсивная терапия / хирургическое лечение политравм, включая переливание крови до госпиталя, полностью отсутствовала и была неадекватна российской угрозе и последствиям вторжения в феврале 2022 г. Во многих областях наблюдался прогресс, но требуется больше, чтобы уменьшить травматизм и обеспечить эффективность Вооружённых сил Украины (ВСУ). Скорость клинического обучения в Украине была очень высока, но надо сделать больше, чтобы снизить предотвратимую заболеваемость и смертность.

Базовые определения

Медицинская готовность может быть индивидуальной и организационной. Индивидуально человек готов, если он подготовлен к бою в медицинском отношении. Организационная медицинская готовность – это способность развернуть и поддерживать полевую медицину, создать цепь медицинской эвакуации и оказывать медицинскую помощь развёрнутому персоналу. Совместимость в военной медицине очень сложна. Это не только способность получателя и стран-партнёров работать вместе, но и, что более важно, возможность лечить пациентов в двух разных самостоятельных системах, получая на 100 % одинаковый уровень лечения от обеих медслужб на основе взаимности.

Инструкция Министерства обороны США (DODI), по умолчанию принятая в ряде стран-участниц НАТО, определяет Глобальное медицинское взаимодействие (Global Health Engagement, GHE) как взаимодействие между МО и

вооружёнными силами или гражданскими органами Стран-партнёров.³ Важная инструкция DODI 2000.30 2017 г. ставит задачу GHE: «...во взаимодействии с ведомствами США, развивать доверие и уверенность, обмениваться информацией, координировать совместную деятельность, сохранять влияние и обеспечивать совместимость в поддержку политики национальной безопасности и военной стратегии США». Далее в инструкции описаны меры GHE по созданию, восстановлению, поддержанию и совершенствованию возможностей военной или гражданской медицины страны-партнёра или МО. Очевидно, GHE не только в МО и странах-участницах НАТО, но и, что важно, в странах-партнёрах НАТО, таких, как Украина, Молдова и Грузия, находящихся в авангарде двухстороннего движения GHE, расширяет возможности стран-получателей и даёт США и членам НАТО понимание и актуальную оперативную информацию для повышения и корректировки мер медицинской готовности и эффективности. Эффективность означает способность влиять и нейтрализовать цели кинетически на всевозможных полях сражений: наземных, морских, воздушных, космических, кибернетических.

История: прошлое, как пролог

После российского вторжения и оккупации украинской территории в 2014 г. Украина стала главным получателем американской военной помощи в Европе и Евразии, особенно гуманитарной, медицинской, и сотрудничества в области безопасности без применения летальных средств. Инициатива содействия безопасности Украины (Ukrainian Security Assistance Initiative, USAI) предполагает широкий спектр сотрудничества в сфере безопасности, и меры GHE находятся в приоритете на разных направлениях сотрудничества при финансировании безопасности. Интересы внешней политики США и последние законодательные акты Конгресса требуют поддержки суверенитета, целостности, демократии и экономической стабильности Украины, что включает отпор российскому влиянию в Европе и Евразии и противодействие противникам Америки путём санкций. После развязывания Россией войны в феврале 2022 г. США и другие страны-партнёры НАТО предложили дополнительную военную и гуманитарную помощь на десятки миллиардов долларов. Но деньги и материальная поддержка сами по себе не укрепят суверенитет Украины и не повысят её совместимость с НАТО и эффективность войск – требуется конкретное сотрудничество и координация всех видов применения сил, с мерами мониторинга и оценки.

Государственный суверенитет

Отношения НАТО с Украиной ведут отсчёт с 1990-х гг. и стали ярким примером партнёрства НАТО с Украиной, как «особым партнёром». С началом русско-украинской войны активизировалось сотрудничество в ключевых

³ Office of the Under Secretary of Defense for Policy, “DoD Instruction 2000.30 Global Health Engagement (GHE) activities” (2017).

областях, включая ГНЕ. По мнению НАТО, суверенная, независимая и стабильная Украина, твёрдо приверженная демократии и верховенству права, является ключом евроатлантической безопасности. Курс на суверенитет и независимость действий особенно ярко проявился на региональном уровне, где План действий по подготовке к членству в НАТО (ПДЧ) Швеции и Финляндии, исторически нейтральных, не входящих в союзы стран, изменил ситуацию в свете наступления Путина на суверенные границы Украины.

Кроме того, расширилось сотрудничество в области безопасности в виде мер Глобального медицинского взаимодействия и с другими партнёрами НАТО, такими, как Грузия и, в последнее время, Северная Македония, ещё до согласия на их вступление. Черногория стала полноценным членом НАТО в 2017 г., Босния и Герцеговина получила план действий по подготовке к членству (ПДЧ) в 2010 г. Украине и Грузии дали устные обещания ПДЧ на Бухарестском саммите в 2008 г. В последние 20 лет расширение НАТО заметно ускорилось, что усилило Альянс, помогло сдерживать потенциальных противников и обеспечило коллективную защиту от новых угроз медицинской безопасности и болезней, катастроф, а также потенциальных угроз безопасности согласно Статье 5. Меры глобальной системы медицинской безопасности помогают всему этому, способствуя укреплению альянса, усиливая сдерживание и поддерживая коллективную оборону за счёт повышения медицинской готовности и эффективности. Две главные страны-претендента в сфере безопасности, Украина и Грузия, подают пример совместимости военно-медицинских стандартов и систем с НАТО, а также цикла мер ГНЕ, что не только повышает потенциал и возможности стран-доноров и получателей, но и способствует обмену информацией и передовым опытом усиления коллективной обороны и сдерживания.

Глобальное медицинское взаимодействие и каскад лечения

Индивидуальный уход за пациентом на догоспитальном этапе и на поле боя, где получено ранение, включая самопомощь/помощь напарника, уход при тактической эвакуации, длительный уход в полевых условиях, при необходимости, с последующими реанимационными мероприятиями, составляет континуум медицинской эвакуации с 1 по 4 уровень.⁴ Любой разрыв или слабое звено в этой цепи эвакуации, из-за несогласованности, низкой медицинской готовности или общего ослабления защиты войск, ведёт к резкому росту заболеваемости и смертности. Дополнительные меры поддержания этого цикла и каскада лечения, включая подготовку, профилактику, реабилитацию и многочисленные мероприятия обучения и оценки,

---

⁴ В этой статье использована стандартная терминология НАТО и определения этапов оказания помощи от места ранения, с самопомощью и помощью напарника: 1 уровень – начало интенсивной терапии, 2 уровень – интенсивная терапия и ограниченное хирургическое вмешательство, 3 уровень – активное специализированное лечение и продолжение интенсивной терапии, комплексное хирургическое лечение политравм, и наконец, 4 уровень – окончательное излечение, реабилитация и возвращение пациентов в строй.

проводятся постоянно и параллельно с уходом за пациентами, даже во время войны. Связи на протяжении всего цикла стихийных бедствий и каскада лечения выходят за рамки систем стран-членов и партнёров НАТО. Медицинская готовность альянса требует совместимости и постоянного двустороннего взаимодействия. Это помогает снизить предотвратимую заболеваемость и смертность, способствует эффективности и сдерживанию.

Цикл катастроф и уход за пациентами

Непосредственно при уходе за пациентами догоспитальные медицинские службы всегда готовят и лечат следующего пациента, используя опыт, полученный на основе практики и обмена данными. Цикл катастроф таков же, но вместо лечения одного пациента вся система перегружена вследствие катастрофы. Цикл катастроф, стихийных бедствий включает немедленное реагирование, масштабное вмешательство, активные усилия по оказанию помощи, этап возобновления, с возобновлением основных услуг, и этап восстановления, с полным восстановлением услуг на исходном уровне. Этап оценки смягчения и предотвращения риска, с расчётом угроз и оценкой уязвимости, сменяется этапом постоянной готовности и планирования на случай непредвиденных обстоятельств, подготовки к следующему бедствию. Параллелей между циклами подготовки и реагирования на катастрофы стран-участниц и местными и национальными системами нет. Совместимость ближних и дальних стран-участниц нового партнёрства требует постоянных медицинских мероприятий. Если коротко, подготовка, предупреждение и реакция на катастрофу в стране не отличается от системы догоспитальной подготовки, обучения и реагирования на неотложных пациентов. Цикл для НАТО, для национальной системы и для тактической подготовки подразделения одинаков. Из-за развязанной Россией беспрецедентной войны Украине нужны конкретные целенаправленные меры Глобального медицинского взаимодействия, чтобы сделать этот цикл катастрофы/лечения более чётким, прозрачным, ответственным и снизить предотвратимую заболеваемость и смертность.

Мы предлагаем НАТО и партнёрам НАТО использовать для Украины тот же цикл катастроф на основе Глобального медицинского взаимодействия. Эти меры GHE в целом включают совместное снижение угроз и обеспечение медицинской безопасности, непосредственную поддержку нерегулярных боевых действий, усилия по стабилизации путём наращивания потенциала партнёра, зарубежную помощь при стихийных бедствиях, особенно – гуманитарную помощь, наращивание потенциала партнёров по охране здоровья военнослужащих, и наконец, гуманитарную и гражданскую помощь путём наращивания потенциала и возможностей партнёра. Потребности очевидны, но полная реализация этого масштабного и всеобъемлющего подхода потребует несколько лет.

Цель такого GHE – повысить совместимость между военными, военными и гражданскими, и в рамках многосторонних усилий, на основе доверия и

уверенности, обмена информацией, координации совместных действий и усилий, сохранения влияния и обеспечения совместимости сил.

Очевидные цели мер GHE включают повышение готовности, стабильности, безопасности, доверия к власти страны-партнёра, совместимости, готовности медицинских сил и усиление не только возможностей военных и гражданских медицинских учреждений стран-партнёров, но и потенциала и возможностей медицинской поддержки страны-донора. Обмен опытом клинической медицины необходим для обеспечения медицинской готовности к будущим угрозам. Без обмена этот опыт теряется.

Как GHE и полученный опыт спасают жизни?

С каждым наступлением или ударом России предотвратимая заболеваемость и смертность от боевых ран возрастает. Обучение помощи на месте ранения, медицинской эвакуации и доступ к тыловой интенсивной терапии (RDCR/DCR⁵) и хирургическому лечению политравм (DCS) в 2014-2016 гг. существенно улучшились. Обучение уходу за ранеными на тактическом уровне (Tactical Combat Casualty Care, TCCC), Глобальное медицинское взаимодействие (GHE) с участием сил НАТО и партнёров НАТО быстро развивались. К сожалению, интенсивная терапия / хирургическое лечение политравм остаётся проблемой для подавляющего большинства полевых медиков, а развитие и поддержание цепочек эвакуации на линии соприкосновения в Украине происходит неравномерно. Клинический застой и утрата клинических навыков ослабили медицинский персонал в Украине в 2016-2021 гг. Боевые действия ослабили, но продолжались, в то время как потенциал и возможности догоспитальной медицинской помощи упали до уровня навыков из-за сокращения практики, слабого взаимодействия с медицинскими структурами НАТО и плохой подготовки к полномасштабной российской угрозе.

Наконец, уроки Ирака и Афганистана способствовали распространению в НАТО протоколов лечения (clinical practice guidelines, CPG), от лечения на месте ранения и интенсивной терапии / хирургического лечения политравм до 4 уровня и длительной физической и психологической реабилитации. Но нужно посмотреть, не требуют ли эти варианты лечения корректировки с учётом новых гибридных тактических угроз со стороны России и оружия из Китая. Уроки Ирака и Афганистана получены с другим противником, без преднамеренных обстрелов, с использованием примитивного оружия и партизанской тактики, а Россия развернула свои лучшие регулярные войска с современными системами вооружений. В результате преднамеренных обстрелов за недолгий период с февраля 2022 по январь 2023 гг. в Украине погибли десятки тысяч людей.

---

⁵ В данной статье тыловая интенсивная терапия и интенсивная терапия в догоспитальных условиях используются взаимозаменяемо, т.е. RDCR = DCR.

С учётом новых современных систем вооружения и гибридной тактики России и других противников, полученные в Украине уроки могут повлиять на эти протоколы для достижения наилучших медицинских результатов. Я надеюсь, что такая корректировка и изменения в протоколах лечения снизят предотвратимую заболеваемость и смертность во всём блоке НАТО и войсках партнёров. Максимальная выгода и извлечение уроков, полученных как непосредственно, так и от сил партнёров, при помощи мер Глобального медицинского взаимодействия может быть оптимизирована в стратегических интересах НАТО, а также для сдерживания и коллективной обороны блока НАТО.

Несмотря на многочисленные успехи и полученный (и частично утраченный) опыт, вторжение России в 2022 г. показало недостатки ВС Украины в организации помощи на месте ранения и догоспитальной медицины и взаимодействии военных и гражданских, особенно при эвакуации. Совместимость сложна и требует как клинических, так и оперативных усилий, но при согласованности на поле боя может тоже повышать эффективность. Чтобы восполнить утраченный опыт, ВСУ должны развивать взаимодействие, координацию и прямой обмен информацией с Центром повышения квалификации военной медицины НАТО (MILMED CoE), а также с войсками НАТО и стран-партнёров, в частности, национальными центрами стандартов травматологии (например, Объединенный центр травматологии (Joint Trauma System, JTS) Министерства обороны США) и догоспитального ухода за пациентами.

Решения Украины, стандарты НАТО

Для медицинской помощи на месте ранения важна методика и клинические подходы к уходу за ранеными на тактическом уровне (ТССС). Эффективная интенсивная терапия / хирургическое лечение политравм невозможны без серьёзных подходов к уходу за ранеными на месте ранения. На месте ранения требуется самопомощь или помощь напарника с применением подручных средств или аптечки. Следующий этап – помощь на поле боя и при эвакуации, он заканчивается с эвакуацией в медицинское учреждение 1 уровня и доступом к помощи при перевозке в медицинское учреждение 2 уровня. Медицинский рейс не заканчивается на 2 уровне, он продолжается на этапе интенсивной терапии и при перевозке из учреждения 2 уровня в учреждение 3 уровня. Без возможности применения при эвакуации самолётов и вертолётов все эти этапы могут задерживаться, а задержки ведут к смерти. Транспортировка раненых на этих этапах оказания помощи должна всегда предусматривать дополнительные услуги в каждой точке пути. Этот стандартный процесс не только спасает жизни и конечности, но и возвращает бойцов в строй, поддерживая боеспособность. Все эти этапы нужны, чтобы снизить заболеваемость и смертность, помочь вернуть бойцов в строй и улучшить медицинские результаты и качество жизни.

Стандартизация НАТО

Эти базовые клинические принципы рассмотрены и описаны в Соглашении о стандартизации (STANAG) НАТО 2018 г. о медицинской помощи во всём оборонном альянсе. В STANAG упоминается военная медицина, уровни медицинской помощи, необходимость цепи эвакуации и их базовые показатели.⁶ Соглашения о стандартах военной медицины заложили базу совместности военной медицины во время кризисов и катастроф. Украина – страна-партнёр НАТО, кандидат на вступление, она придерживается этих стандартов и воюет с более сильным врагом – русским государством. Равнение на стандарты военной медицины НАТО и обмен опытом с НАТО не только поможет снизить предотвратимую заболеваемость и смертность, но и обогатит и усилит оборонительный альянс НАТО и его структуры, системы и учреждения военной медицины.

Уроки медицины, полученные ценой жизни украинцев, нельзя игнорировать. Жизненно важно учесть эти важные медицинские данные при оптимизации медицинских систем НАТО. Одним из выдающихся успехов Украины в стандартизации стал Украинский центр трансплант-координации (УЦТК), обеспечивающий доставку крови на передний край и для догоспитального использования. УЦТК координирует доставку универсальной донорской крови 0 группы с отрицательным резус-фактором с Западной Украины на Восток. Сможет ли НАТО быть столь же маневренной в случае применения Статьи 5? Обмен опытом переливания крови на переднем крае и на догоспитальном этапе с помощью мер GHE может помочь лучше ответить на этот и многие другие неотложные вопросы оперативной медицины. Еще один урок опыта боевых действий в Украине был получен в 2014-2015 гг., когда в полевых условиях впервые была внутримышечно применена транексамовая кислота, и передовое нетрадиционное хирургическое вмешательство на сосудах для спасения жизни, и многое другое. Вероятно, есть сотни, если не тысячи, достойных внимания клинических уроков, полученных в Украине, которые, если ими не поделиться, будут утеряны.

GHE и Украина сегодня

Общественно-политические потрясения 2013-2014 гг. вылились в массовые демонстрации украинцев на улицах и аннексию Россией Крыма, вторжение и оккупацию Юго-Востока Украины. В условиях политического давления с целью урегулирования конфликта с Россией выросла нелетальная медицинская поддержка в интересах безопасности (армии). В 2014-2016 гг. быстро рос и расширялся список программ, организованных Европейским командованием (EUCOM), включая санитарные автомобили Humvee, обучение оказанию первой медицинской помощи на месте ранения и уходу за

⁶ NATO, "Allied Joint Medical Doctrine for Military Health Care (MHC)," NATO Standard AJMedP-8, Edition A, Version 1 (NATO: NATO Standardization Office (NSO), February 2018), www.coemed.org/files/stanags/02_AJMEDP/AJMedP-8_EDA_V1_E_2598.pdf.

ранеными на тактическом уровне, и медицинское обеспечение передовых сил (Expeditionary Medical Support, EMEDS) 2 уровня. Также расширялись связанные с медициной и здравоохранением научные мероприятия по программе НАТО «Партнёрство ради мира» (PrM), привлекая многочисленных партнёров в области медицинской безопасности и облегчая мероприятия и связи в рамках GHE.

Для противостояния растущему российскому насилию быстро наращивали операционные мероприятия и возможности 1-2 уровня, развитие возможностей оказания помощи на месте ранения дало заметное снижение смертности. Продолжалась эволюция войны с Россией и её марионетками, с появлением у российских войск всё новых систем вооружений и целей для поражения. Усложнился набор и реализация программ МО и Госдепартамента через Бюро оборонного сотрудничества (ODC). Хорошие результаты дала новая программа реабилитации GHE. Но примеров обучения и обмена опытом с НАТО и партнёрами мало, а в ряде случаев опыт утерян.

Несмотря на несколько этапов цикла GHE в Украине, благодаря мощной активности, начиная с 2014 г., перечень услуг GHE расширяется. Согласование нужд всех медицинских служб ВСУ поможет избежать дублирования запросов и усилий и увеличить выделение ресурсов в рамках GHE. Широкая Инициатива содействия безопасности Украины (USAI) 2021 г. обеспечивает мощную военную поддержку, значительная её часть приходится на экстренную медицинскую помощь и медицинские услуги для обеспечения непрерывности лечения. С начала 2022 финансового года дополнительные экстренные меры срочной помощи помогают Украине и далее противостоять гибридной и обычной войне России на своей территории, почти \$ 8 млрд. выделено на военную помощь. За время боевых действий эта цифра выросла в семь раз.

С прохождением этих этапов цикла GHE проявляются некоторые упомянутые проблемы. Процесс принятия решений в Вооружённых силах Украины (ВСУ) до сих пор бывает не рационален, многие простые решения об уходе за пациентами, их перемещении и общей координации медицинской эвакуации остаются излишне централизованными или иерархичными. Кроме того, как мы уже отмечали, с 2014 г. опыт накапливался медленно. Многие клинические, тыловые и оперативные мероприятия, связанные с оказанием помощи на месте ранения, в медицинском опыте Украины во время боевых действий против российских войск не фиксировались, остались неизвестными, и в некоторых случаях были утеряны. Эволюция систем вооружений, учёт ранений и обмен данными об интенсивной терапии и хирургическом лечении политравм, совместимость всё ещё остаются проблемой.

Сказав об этом, нужно отметить и положительные итоги: выживаемость на месте ранения в 2018-2019 гг. достигла 95 %, благодаря обучению бойцов ТССС; инструктора Национальной ассоциации фельдшеров скорой помощи (National Association for Emergency Medical Technicians, NAEMT) продолжают

обучать догоспитальной медицине на базовых курсах военных фельдшеров (ЕМТ); 20% пациентов с ампутациями возвращаются в строй, против 0% до 2014 г.; Центр повышения квалификации военной медицины НАТО в Будапеште оценивал мероприятия 1 уровня. Эти моменты важны и, вероятно, существуют благодаря мерам GHE НАТО и стран-участниц. Должен быть поддержан дальнейший прогресс.

Результаты и возможности

В последнее время, кроме описанных выше исторических результатов GHE, имеются как проблемы, так и многочисленные возможности. Приток медицинской и клинической помощи от иностранных волонтеров, прибывающих в Украину, значителен. Министерство здравоохранения Украины разработало процедуру допуска к клинической практике и временной сертификации (лицензирования) иностранных волонтеров, хотя язык остается существенным барьером для ухода за пациентами. Украина также усилила подразделениями медицинского обеспечения бойцов своего Иностранного легиона. Серьезные медицинские ресурсы для помощи уязвимым группам имеет Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), прежде всего – благодаря её методике медицинских кластеров. Доступ к медицинскому кластеру повысит совместимость и обеспечит канал предоставления медицинских услуг во всех группах в условиях военного положения.

Кроме того, имеется много догоспитальных медицинских групп добровольцев, из которых одни существовали до боевых действий 2014 г., а другие выросли позже, оказывая медицинские услуги разного уровня. Эти группы волонтеров предоставляют столь нужные услуги скорой помощи, медсестер, парамедиков, фельдшеров, технического персонала, врачей. Чтобы продолжать клиническое лечение при военном положении, эти медики-волонтеры должны предоставить действующий сертификат и лицензию, получить допуск к клинической практике от Министерства здравоохранения (МЗ) для работы в своей области и войти в подчинение руководству МЗ или ВСУ. Меры GHE, связанные с клинической практикой, должны всячески расширяться и распространяться.

Помощь при тактической эвакуации

На этапе тактической эвакуации пострадавших перемещают из сложной боевой обстановки или с «нуля», где они получили ранение, в более безопасное место, где можно оказать первую медицинскую помощь. Это чрезвычайно сложно в Украине, поскольку Россия намеренно уничтожает санитарные автомобили. Для эвакуации пациентов с «нуля» с помощью специальных транспортных средств необходима координация действий и связь между волонтерами и штатными группами, что дополняет усилия медицинского персонала и снижает риски для спасателей и пациентов.

Термин «тактическая эвакуация» включает эвакуацию в сопровождении медиков и без него (CASEVAC и MEDEVAC); термин «помощь при тактической эвакуации» применяется от места ранения до 1 уровня и тоже включает MEDEVAC и CASEVAC. В Украине бойцы гибнут из-за ошибок планирования, плохой организации цепи эвакуации и отсутствия медицинской эвакуации как таковой. Для эвакуации с «нуля» напарник на месте ранения прежде всего должен иметь дополнительную аптечку и пройти стандартную подготовку по оказанию первой медицинской помощи.

Помощь при перевозке (уровень 1 - 2)

Из-за ударов российского оружия применение самолётов и вертолётов для эвакуации небезопасно, поскольку нет господства в воздухе. Помощь при перевозке оказывают на всех платформах во время доставки пациента на следующий уровень лечения; она требует специальной подготовки, высококвалифицированного медицинского персонала и специальной техники. Из-за неоптимальных методик предотвратимая заболеваемость и смертность на этом критичном 1-м уровне может перейти на 2-й уровень.

Сохраняется пробел в отношении раненых, получивших какую-то интенсивную терапию на 1 уровне и требующих сложной медицинской эвакуации на 2 уровень. Клиническая сложность может потребовать осмотра турникетов и ран конечностей, расширенной фармакотерапии, в частности, седации, расширенного обезболивания, паралитиков, переливания крови, применения плевральной дренажной трубки или центрального венозного катетера, или же ухода за интубированным и вентилируемым пациентом.

Интенсивная терапия (уровень 2-3 / уровень 4)

Украина имеет мощную гражданскую догоспитальную и межведомственную транспортную инфраструктуру интенсивной терапии. Из-за разрушения многих гражданских учреждений, эквивалентных 2-4 уровню, система здравоохранения очень перегружена. К сожалению, Украине недостаёт возможностей обеспечить реанимобилями всю прифронтовую зону, все военные и гражданские цепи эвакуации в нужном объёме. Интенсивная терапия должна начинаться в начале цепи эвакуации, что требует соответствующих возможностей, и продолжается на дальнейших этапах лечения вплоть до окончательного излечения при перемещении на более высокий уровень лечения. Наличие реанимобилей на всех уровнях оказания помощи детям, взрослым, старикам снижает предотвратимую заболеваемость и смертность.

Мобильные медицинские подразделения (ММП) в Украине

Острая нехватка более 400 медицинских учреждений и, потенциально, тысяч медиков в результате гибели и переселения тяжёлым бременем ложится на всю систему здравоохранения Украины. Развёртывать специализированные мобильные военные госпитали 1 и 2 уровня, обеспечивающие начальную интенсивную терапию и более сложное хирургическое лечение

политравм и интенсивную терапию, дорого, сложно и требует глубокого обучения и подготовки. Однако при надлежащей подготовке, планировании, комплектовании и бюджете мобильность этих ММП, близость к полю боя и гибкость развёртывания могут существенно снизить заболеваемость и смертность.

С 2014 г. и до последнего времени НАТО и многие страны-участницы предложили и предоставили ВСУ множество ММП, которые действовали с большим или меньшим успехом. С февраля 2022 г. было передано более пяти современных боеготовых госпиталей 2 уровня для непосредственного обеспечения боевых действий. Неизвестно, где они развёрнуты, как встроены в цепи эвакуации в регионах, и могут ли партнёры принимать участие в их работе и поддерживать их повседневную клиническую и операционную деятельность. Общая оперативная безопасность, знание о местонахождении этих ММП, строгий учёт их возможностей и востребованности, а также комплектование кадрами по эшелонам медицинской помощи улучшит неотложную медицинскую помощь, командование и управление на протяжении всей цепи эвакуации.

Химические, биологические, радиологические, ядерные и экологические угрозы и GHE

Угроза события, не достигающего порога Статьи 5, в стране НАТО или партнёре с потерей территории и боевой инициативы остаётся умеренно высокой, а угроза химического, биологического, радиологического, ядерного и экологического инцидента в Украине и соседних странах – очень высокой. Эта реальность может угрожать действенности Альянса. На оперативном и тактическом уровне обмен медицинскими технологиями, передовым опытом и другие меры GHE могут привести к потере новизны и новых технологий в медицине или утрате медицинской информации при таких медицинских угрозах, как новая пандемия, новое инфекционное заболевание, химический, биологический, радиологический, ядерный и экологический инцидент. Проще говоря, обмен медицинской информацией со странами-партнёрами, а не полными членами, сопряжён с риском. Определение источника угрозы определяет реакцию на событие согласно Статье 5. Системам раннего предупреждения, обнаружения и установления источника любой потенциальной химической, биологической, радиологической, ядерной и экологической угрозы нужна открытая широкая связь с GHE, доступ к лабораториям и диагностическому оборудованию партнёров и реакция в региональном и, потенциально, мировом масштабе. НАТО и Агентству по снижению угроз Минобороны (DTRA) нужен доступ к Украине и потокам данных и информации для лучшего реагирования и установления источника в случае химического, биологического, радиологического, ядерного и экологического инцидента.

Анализ

Благодаря вниманию к мероприятиям GHE Украина и страны-партнёры существенно количественно и качественно усилили свои возможности, доступ к силам и средствам партнёров, сдерживание, эффективность и медицинскую готовность. Судя по имеющимся данным, GHE и совместимость с НАТО взаимосвязаны. Страны-партнёры НАТО принимают участие в мероприятиях GHE и дают примеры стандартов НАТО и многих других альтернатив нынешней практике в области медицины и медицинской безопасности.

Система медицинской эвакуации для нынешнего этапа российского насилия всё ещё недостаточна, не стандартизована, не интегрирована должным образом в систему военно-гражданского взаимодействия, ей не хватает совместимости там, где могли бы подключиться силы партнёров, оказав личную поддержку и усилив медицинский персонал. Цепи эвакуации выиграют от развития военно-медицинского командования и управления и интеграции гражданских догоспитальных сил и средств под единым командованием, что потребует подотчётности и прозрачности их действий и разрешения на обмен клиническими данными с партнёрами. Нужно объединить военно-медицинское командование и управление во всех военных службах на основе данных и всесторонней географической оценки местоположения сил и средств, включая переданные в последнее время ММП, мобильные группы 2 уровня, бронированные санитарные автомобили и небольшую армию военных и гражданских медиков и волонтёров. Сюда же входит перечень всех должностных обязанностей, отображение 1 и 2 уровней и поступление 3 уровня (с включением новых ММП и локализацией развёрнутых мобильных групп 2 уровня от иностранных партнёров). Также должна включаться оценка потребностей и анализ ММП и передовых хирургических бригад в нынешней ситуации и при планировании будущих боевых действий в феврале-сентябре 2023 г. и возможного наступления. Необходимость изменения стандартов качества, количества и доступности медицинских бригад ВСУ очевидна.

Кроме того, внедрение медицинских стандартов и стандартизация очень сложны для любой военно-медицинской службы. Попытки организовать доказательную медицину, предоставить протоколы лечения и другие клинические данные во время войны нереальны, даже если черновая работа завершена. Украине срочно нужны:

- полный украинский перевод полных протоколов лечения Минобороны для догоспитальной медицины;
- ответственный за связь ВСУ со всеми группами волонтёров-медиков (отечественными и зарубежными);
- рабочая группа для всех групп волонтёров-медиков в Украине для связи и координации, обмена информацией и обучения, а также эффективная и подотчётная система медицинской эвакуации.

Украина, вероятно, продолжит унификацию своих стандартов военной медицины со стандартами НАТО и партнёров. Кроме передачи опыта и обмена клиническими данными с центрами военной медицины НАТО, она будет взаимодействовать с НАТО и странами НАТО в процессе ухода за пациентами. Процесс лечения украинских бойцов за рубежом должен быть расширен и поставлен на постоянную основу. С помощью партнёров военно-медицинские службы Украины могут оценивать необходимость медицинской эвакуации военнослужащих и гражданских лиц для дальнейшего лечения в Украине, Евросоюзе, и далее. Для этого понадобятся службы наземной и воздушной эвакуации в соседние страны, такие, как Румыния, Словакия, Венгрия, Польша, и т.д.

Вывод и основные рекомендации

Связь Глобального медицинского взаимодействия с готовностью, совместимостью и эффективностью НАТО и Украины очевидна. Поддержка НАТО и партнёров необходима для достижения лучших результатов GHE, объединения военного командования и управления в ВСУ и других оборонных ведомствах. Благодаря мерам GHE ВСУ также могут планировать все функциональные обязанности, 1 и 2 уровни и поступление 3 уровня (включая ММП от иностранных партнёров), мобильные силы и средства и защищённые медпункты. Это позволит партнёрам НАТО видеть недостатки, поддерживать имеющуюся инфраструктуру и, потенциально, привлечь специалистов не только для оказания вспомогательных услуг, но и для практического обучения.

На практике ВСУ могут назначить ответственного за взаимодействие с медицинским кластером Всемирной организации здравоохранения, представителя в НАТО по вопросам медицинской эвакуации пациентов из Украины для дальнейшего лечения с использованием дополнительных возможностей местных учреждений. Можно ввести для всех сторон стандартный порядок и систему подотчётной и прозрачной перевозки пациентов, требующих сложного хирургического вмешательства и реабилитации, из Украины в страны НАТО для использования их дополнительных возможностей. Элементы этого процесса появились в середине 2022 г., но единая унифицированная методология не применялась. Кроме того, Украина может назначить представителя непосредственно в Центр повышения квалификации военной медицины (MILMED CoE) и в Объединенный центр травматологии (JTS) для обмена информацией, опытом и сбора данных о боевой обстановке. Наконец, ВСУ могут назначить ответственного за связь со всеми группами волонтеров-медиков (отечественными и зарубежными) для сокращения дублирования усилий и создать рабочую группу для всех групп волонтеров-медиков. Это будет способствовать связи и координации усилий, обеспечит обмен информацией, обучение, и создаст надёжную, прозрачную и подотчётную систему медицинской эвакуации, которая охватит все регионы и будет связана с медицинским кластером ВОЗ.

Для пополнения систем раннего предупреждения и обнаружения дополнительных данными и взаимодействия необходим живой обмен медицинской информацией и сведениями о тревожных событиях в ВСУ, НАТО и Агентстве по снижению угроз Минобороны / Центре профилактики и контроля заболеваний, для лучшей связи и выявления всех химических, биологических, радиологических, ядерных и экологических инцидентов.

В рамках медицинского взаимодействия ВСУ могут запросить полный украинский перевод всех протоколов лечения Минобороны для догоспитальной медицины. Этот перевод можно обновлять ежегодно в двухстороннем порядке с учётом полученного опыта, добавляя протоколы для всех силовых ведомств.

ВСУ следует запросить помощь партнёров для мониторинга и оценки всех мер ГНЕ как у себя, так и при обмене с партнёрами, чтобы знать о том, что реально работает и что требуется, исходя из полученных данных, для лучшей поддержки и отчётности перед странами-донорами.

Украине могут понадобиться средства медицинской эвакуации военных и гражданских лиц, например, самолёты, вертолёты, суда и бронетехника для эвакуации с переднего края. ВСУ могут попросить НАТО и партнёров развернуть медицинские силы и средства 2-3 уровня. НАТО может увеличить складирование средств защиты, реагирования и обучения в приграничных с Украиной районах – в Польше, Румынии, Словакии, Венгрии – для накопления и подготовки к возможным химическим, биологическим, радиологическим, ядерным и экологическим ударам.

Заключение

Заболеваемость и смертность среди украинских бойцов и уязвимых групп населения обратно пропорциональна надёжному доступу к действенной цепи эвакуации. Меры Глобального медицинского взаимодействия дают множество качественных и количественных результатов. Меры ГНЕ обеспечивают унификацию с медицинскими стандартами НАТО и поддержку НАТО и стран-партнёров. При действенном, эффективном применении ГНЕ можно использовать как инструмент и средство защиты суверенитета государства и спасения жизней во время войн и конфликтов. Меры ГНЕ – это вклад в сдерживание, коллективную оборону и усиление медицинских возможностей и потенциала НАТО по реагированию на угрозы, катастрофы и лечению пострадавших. ГНЕ укрепляет НАТО, поддерживает медицинскую готовность, усиливает совместимость и повышает эффективность сил НАТО и партнёров, включая Украину.

Нужно ещё многое сделать для интеграции таких нестандартных методов медицины на всех этапах и уровнях медицинской помощи для обеспечения наилучших медицинских результатов. Пока что хромает совместимость. При целенаправленном применении, меры ГНЕ под эгидой НАТО могут способствовать достижению целей внешней политики и принести максимальную пользу Украине и странам НАТО. Медицинскую готовность,

совместимость и эффективность можно повысить благодаря скоординированным усилиям всех медицинских сил и средств по стандартизации системы медицинской эвакуации, прозрачному развёртыванию мобильных медицинских подразделений, улучшению доступа к DCR/DCS на всех уровнях медицинской помощи и обмену опытом. Эти главные направления усилий снизят предотвратимую заболеваемость и смертность, помогая ведению боевых действий и укреплению государственного суверенитета.

Список сокращений

ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
ВСУ	Вооружённые силы Украины
МЗ	Министерство здравоохранения
ММП	Мобильное медицинское подразделение (Mobile Medical Unit)
НАТО	Организация Североатлантического Договора
CPG	протокол лечения (Clinical Practice Guideline)
DCR	интенсивная терапия (Damage Control Resuscitation)
DCS	хирургическое лечение политравм (Damage Control Surgery)
FST	передовая хирургическая бригада (Forward Surgical Team)
JTS	Объединенный центр травматологии (Joint Trauma System)
MILMED CoE	Центр повышения квалификации военной медицины НАТО (NATO Center of Excellence for Military Medicine)
RDCR	тыловая интенсивная терапия (Remote Damage Control Resuscitation)

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторе

Джон Куинн – главный врач гуманитарной неправительственной организации (НПО) «Оффшорная станция помощи мигрантам» (Migrant Offshore Aid Station, MOAS) и недавний выпускник Европейского центра исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла, занимающийся исследованиями Глобального медицинского взаимодействия и отношений Украины с НАТО. Представленные в статье взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают прошлую, нынешнюю или будущую официальную позицию какой-либо организации, в которой он работает или работал.

Электронная почта: john.quinn@lf1.cuni.cz

Connections: The Quarterly Journal **Указания по подаче материалов и стилю**

Connections принимает рукописи объёмом от 2000 до 5000 слов, написанные понятным языком для целевой аудитории информированных специалистов-практиков и учёных в области обороны и безопасности. Все рукописи следует подавать в редколлегию *Connections* на электронную почту PfPCpublications2@marshallcenter.org или загружать на веб-сайт журнала, <https://connections-qj.org>. В них должно быть указано имя автора, нынешнее место его работы и предварительное название вверху первой страницы, а также, при необходимости, ссылки. Кроме того, авторы должны представить аннотацию и ключевые слова рукописи.

Предпочтительные темы для будущих изданий журнала:

- Война в Украине
- Постконфликтное управление
- Противодействие гибридной войне
- Укрепление Североатлантического альянса
- Борьба за ресурсы и её влияние на безопасность
- Негосударственные игроки в киберпространстве
- Новые и прорывные технологии
- Цифровые трансформации и безопасность
- Строительство институтов обороны
- Борьба с коррупцией и формирование добропорядочности
- Совершенствование военного образования

По вопросам сносок и ссылок см. Chicago Manual of Style, http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html.

Инициативные рукописи принимаются в текущем порядке на усмотрение Редколлегии Консорциума ПрМ.

В ранние часы 24 февраля 2022 года войска России и её марионеток атаковали Украину с севера, востока и юга. Одновременно Россия начала масштабированные кибератаки и развернула пропагандистскую кампанию. К удивлению многих аналитиков, Украина проявила исключительное единство, стойкость и волю к борьбе. Пыхающая война уже влияет на международную безопасность и представления о готовности общества, военном потенциале и операциях, и будет влиять ещё несколько десятилетий. В этом выпуске речь пойдёт о первых уроках войны, в первую очередь касающихся нарративов российской пропаганды, информационной войны и путей противодействия им, роли профессионального военного образования и медицинского обеспечения боевых действий.

По всем вопросам, касающимся журнала CONNECTIONS, пожалуйста связывайтесь с:

Partnership for Peace – Consortium
Managing Editor – LTC Ed Clark
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen, Germany
Phone: +49 8821 750 2259
E-Mail: PfPCpublications2@marshallcenter.org

ISSN 1812-1101

